

МЕЖВУЗОВСКИЙ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ ФОРУМ

В РАМКАХ НАУЧНОГО ПРОЕКТА
**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА**

Сборник статей

27-28 ноября 2023
г.Ростов-на-Дону

© Коллектив авторов, 2023

РОСТОВСКИЙ ФИЛИАЛ
ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТНОГО
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ ВЫСШЕГО
ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ПРАВОСУДИЯ»
(г. Ростов-на-Дону)

МЕЖВУЗОВСКИЙ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ ФОРУМ

**В РАМКАХ НАУЧНОГО ПРОЕКТА
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО
СУДОПРОИЗВОДСТВА**

СБОРНИК СТАТЕЙ

27-28 ноября 2023 г.

Ростов – на – Дону 2023

УДК 343
ББК 65.5
С23

С23 Межвузовский криминалистический форум (в рамках научного проекта «Актуальные проблемы уголовного судопроизводства») [Электронный ресурс]/под. ред. Полтавцевой Л.И., Палиевой О.Н., Серegiной Е.В., Коблевой М.М., Рогова И.Г. – Электр. текстовые данные (3,05 Мб) – Ростов н/Д: Издательство ИП Беспмятнов С.В., 2023. – С. 205 – 1 опт. компакт-диск (CD-ROM).

ISBN 978-5-6050727-7-5

Настоящий сборник составлен по материалам Межвузовского криминалистического форума (в рамках научного проекта «Актуальные проблемы уголовного судопроизводства»), состоявшегося 27 и 28 ноября 2023 года в г. Ростов-на-Дону. В сборнике научных трудов рассматриваются современные проблемы уголовного судопроизводства.

Сборник предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов с целью использования в научной и учебной деятельности.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

УДК 343
ББК 65.5

Минимальные системные требования:

*Процессор x86 с тактовой частотой 500 МГц и выше; ОЗУ 512 Мб;
5 Мб на жестком диске; видеокарта SVGA 1280x1024; привод CD-ROM,
Операционная система: Windows XP/7/8/10
Программное обеспечение: Adobe Acrobat Reader версии 6 и старше.*

ISBN 978-5-6050727-7-5

© Коллектив авторов, 2023

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Полтавцева Лариса Ивановна – д.ю.н., профессор, профессор кафедры уголовно-процессуального права Ростовского филиала Ростовского филиала Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия»;

Палиева Оксана Николаевна – к.ю.н., доцент, зам. заведующего кафедрой уголовно-процессуального права Ростовского филиала Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия»;

Серегина Елена Владимировна – к.ю.н., доцент, заведующий кафедрой уголовного права Ростовского филиала Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия»;

Коблева Мария Мухадиновна – к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовно-процессуального права Ростовского филиала Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия»;

Рогава Инга Георгиевна – старший преподаватель кафедры уголовно-процессуального права Ростовского филиала Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия».

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Арушанян Диана Артуровна</i> ВЛИЯНИЕ РАЗВИТИЯ ТЕХНОЛОГИЙ НА СРЕДСТВА КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ	7
<i>Байрамова Тамара Вячеславовна</i> СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СОВЕРШЕННЫХ В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ И ДРУГИХ СТРАНАХ МИРОВОГО СООБЩЕСТВА.....	13
<i>Белик Игорь Валерьевич</i> ПОНЯТИЕ ОЦЕНКИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	19
<i>Бирюк Александр Андреевич</i> СООТНОШЕНИЕ ПРИЗНАКОВ ТОРГОВЛИ ДЕТЬМИ С СУРОГАТНЫМ МАТЕРИНСТВОМ.....	23
<i>Бондарев Сергей Сергеевич</i> ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ ОТ УСЛОВНОГО ОСУЖДЕНИЯ	28
<i>Буйлук Виктория Борисовна</i> ЕЩЕ РАЗ О СУДИМОСТИ В СВЕТЕ НОВЫХ РАЗЪЯСНЕНИЙ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РФ	33
<i>Вальдер Елизавета Сергеевна</i> ОСОБАЯ ЖЕСТКОСТЬ КАК ОЦЕНОЧНАЯ КАТЕГОРИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ	40
<i>Великохацкая Дарья Владимировна</i> ПРОБЛЕМЫ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ И ДОКАЗЫВАНИЯ В СУДЕ	45
<i>Гаузов Абрек Русланович</i> СПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК ПРИНЦИП УГОЛОВНОГО ПРАВА	49
<i>Гукасян Эвелина Гукасовна</i> ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ СОВРЕМЕННЫМ ФОРМАМ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ	53
<i>Дыбаль Никита Владимирович</i> ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ В СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА.....	59
<i>Дубовик Ольга Александровна</i> ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 196 УК РФ	65

Житник Валерия Сергеевна ИДЕНТИФИКАЦИЯ ЛИЧНОСТИ ПО СЛЕДАМ КРОВИ И ДРУГИМ ОБЪЕКТАМ БИОЛОГИЧЕСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ	72
Зацепилова Олеся Андреевна МОТИВЫ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПОСЯГАЮЩИХ НА ПОЛОВУЮ НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ И ПОЛОВУЮ СВОБОДУ ЛИЧНОСТИ	77
Зороглян Тигран Андреевич ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ КОНФИСКАЦИИ ИМУЩЕСТВА В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ.....	84
Иващенко Екатерина Алексеевна СВЯЗЬ БРОДЯЖНИЧЕСТВА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ	89
Искалиев Илья Андреевич ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ВИДОВ НАКАЗАНИЙ	94
Карбышев Захар Артурович ПОНЯТИЕ СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА.....	99
Кошелев Евгений Владимирович ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ФИКСАЦИИ ХОДА И РЕЗУЛЬТАТОВ ДОПРОСА В ХОДЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ	105
Лысенко Анна Андреевна НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРИНУЖДЕНИЯ К ИЗЪЯТИЮ ОРГАНОВ ИЛИ ТКАНЕЙ ЧЕЛОВЕКА ДЛЯ ТРАНСПЛАНТАЦИИ.....	110
Мазманян Софи Аргамовна СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ В КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ГАБИТОСКОПИИ	116
Малышев Кирилл Владимирович ДОСУДЕБНОЕ СОГЛАШЕНИЕ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ, ЕГО МЕСТО В СИСТЕМЕ ДРУГИХ СМЕЖНЫХ ПРАВОВЫХ ИНСТИТУТОВ.....	120
Маркарян Гаяне Жораевна ТАЙНА ПЕРЕПИСКИ, ТЕЛЕФОННЫХ И ИНЫХ ПЕРЕГОВОРОВ, ПОЧТОВЫХ, ТЕЛЕГРАФНЫХ И ИНЫХ СООБЩЕНИЙ КАК ПРИНЦИП УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА	126
Махария Милена Дауровна СЛОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМАТРИВАЮЩЕГО ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПОБЕГ ИЗ МЕСТА ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ, ИЗ-ПОД АРЕСТА ИЛИ ИЗ-ПОД СТРАЖИ.....	131

<i>Михеева Анна Михайловна</i> ГАЗЛАЙТИНГ КАК ВИД ПСИХИЧЕСКОГО НАСИЛИЯ.....	136
<i>Морина Дарья Васильевна</i> ЗАРОЖДЕНИЕ КРИМИНАЛИСТИКИ В РОССИИ В КОНЦЕ XIX И НАЧАЛЕ XX ВЕКА	140
<i>Москвич Алина Игоревна</i> ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ДЕТОУБИЙСТВО	144
<i>Озиев Бекхан Ахмедович</i> ГЕНЕЗИС УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ.....	151
<i>Парада Сергей Сергеевич</i> НЕСООТВЕТСТВИЕ ПОНЯТИЯ ДОЛЖНОСТНОГО ЛИЦА НАЗВАНИЮ ГЛАВЫ 30 УК РФ	158
<i>Супрун Юлия Витальевна</i> ЛИЧНОСТЬ ТЕРРОРИСТА-СМЕРТНИКА	162
<i>Танская Марина Витальевна</i> ПРОБЛЕМЫ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ ...	167
<i>Терещенко Михаил Андреевич</i> ГЛОБАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ И МЕРЫ БЕЗОПАСНОСТИ В БОРЬБЕ С СОДЕЙСТВИЕМ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	173
<i>Тхагапсов Ислам Муратович</i> К ВОПРОСУ О ЦЕЛЯХ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ.....	178
<i>Хасельханов Ильяс Русланович</i> ПОНЯТИЕ КАТЕГОРИЙ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ИХ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ	183
<i>Цмакалов Никита Дмитриевич</i> ОСНОВАНИЯ И НАЧАЛО ТЕЧЕНИЯ СРОКОВ ДАВНОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ.....	188
<i>Шарафаненко Валерия Германовна</i> ЭВОЛЮЦИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА И ФУНКЦИЙ ПРОКУРОРА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ	193
<i>Шевченко Виталий Олегович</i> ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ И НАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ К ТОКОВАНИЮ ПОНЯТИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	200

УДК 343.98

ВЛИЯНИЕ РАЗВИТИЯ ТЕХНОЛОГИЙ НА СРЕДСТВА КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

*Арушанян Диана Артуровна,
студентка 4 курса юридического факультета
очной формы обучения
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»*

*Научный руководитель: Рogaва Инга Георгиевна,
старший преподаватель кафедры уголовно-процессуального права
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»*

***Аннотация:** краеугольной категорией в криминалистической науке является идентификация. При этом одними из наиболее часто встречаемых доказательств сегодня являются цифровые следы, которые остаются в результате использования людьми информационных и коммуникационных технологий, в связи с чем свое развитие получают средства идентификации в цифровой среде. Кроме того, сегодня новые средства идентификации используются не только в цифровой сфере.*

***Ключевые слова:** криминалистика, идентификация, биометрия, следы, новые технологии.*

THE IMPACT OF TECHNOLOGY DEVELOPMENT ON THE MEANS OF FORENSIC IDENTIFICATION

*Arushanyan Diana Arturovna
Scientific supervisor: Rogava Inga Georgievna*

***Abstract:** The cornerstone category in forensic science is identification. At the same time, one of the most frequently encountered proofs today are digital traces that remain as a result of people using information and communication technologies, and therefore means of identification in the digital environment are developing. In addition, today new means of identification are used not only in the digital sphere. In this work*

Keywords: criminalistics, identification, biometrics, traces, new technologies.

Активное внедрение в нашу жизнь различных информационных технологий способствует разрешению множества общественных задач. Среди них особое место занимают камеры видеонаблюдения, которые решают одну из основных задач правоохранительных органов – установление лица, совершившего правонарушение или преступление.

Кроме того, они фиксируют время и место совершения общественно опасного деяния, способ его совершения, конкретные действия лица, и что немало важно – внешность.

Однако, в конце 2019 года по всему миру начала распространяться коронавирусная инфекция COVID-19. На первом этапе её распространения специалисты заключили, что инфекция имеет высокую степень заражаемости, поскольку передаётся воздушно-капельным путём. Ввиду этого для профилактики заболевания население начало применять медицинские маски.

Несомненно, ношение медицинских масок значительно усложняет идентификацию личности, но, как показывает практика, обозначенная проблема даже в таких условиях успешно решается правоохранительными органами. В настоящее время существует множество систем идентификации личности по геометрии лица. Например, централизованная система поиска людей, находящихся в розыске «Синергет Розыск», аппаратно-программный комплекс «Безопасный город», информационно-поисковые системы «Портрет-Поиск», «Папилон Полифейс» и другие. В 2019 году министр внутренних дел Российской Федерации В.А. Колокольцев на пленарном заседании Международного полицейского саммита в Сеуле подчеркнул значимость инновационных технологий в деятельности полиции, использование которых способствует эффективному предупреждению и пресечению преступлений. Также глава МВД России отдельно отметил возможности аппаратно-программного комплекса «Безопасный город», наиболее масштабная сеть которого расположена в Москве и планируется широкое распространение этой системы в другие города нашей страны [1].

Тем не менее, аппаратно-программный комплекс «Безопасный город» помимо столицы используется и в других субъектах РФ, но говорить об успешности пока не приходится. Ярким примером может служить трагический случай в мае 2021 года в Казани, когда 19-летний Ильназ Галявиев беспрепятственно прошёл по улицам города с

дробовиком наперевес. Как заявили позднее в профильном НИИ МВД, система «Безопасный город» была запрограммирована только на нарушениях ПДД [2].

В июне 2021 года Российская газета опубликовала статью со ссылкой на экспертов МВД, в которой говорилось об объединении видеосистемы распознавания лиц с функцией распознавания силуэтов людей и машин, и отмечалось, что записи с камер видеонаблюдения активно используются для расследования вандализма или краж – в 52% случаев, а также для разбора ДТП – в 40% случаев [3]. В Хабаровском крае в 2021 году проведена модернизация системы «Безопасный город», которая обошлась в 19,3 млн. рублей и была внедрена новая система интеллектуального анализа видеопотоков с функцией распознавания лиц [4].

Распознавание лица проходит несколько этапов:

- 1) выделение лица человека;
- 2) сканирование лица человека;
- 3) обработка полученного изображения;
- 4) вычисление набора дескрипторов, т.е. характеристик, позволяющих идентифицировать человека с максимальной точностью.

Сегменты модульного комплекса «Безопасный город» состоят из 40 различных систем, включающих сервисы мониторинга и анализа окружающей обстановки, систему видеонаблюдения с функциями видеоаналитики (скопление людей, нетипичное поведение, вход в запрещенную зону), глобальная навигационная спутниковая система (ГЛОНАСС) специализированного транспорта, систему хранения данных, позволяющую дополнительно хранить видеоматериалы, полученные с видеокamer, в течение 30 суток и т.д., что, по сути представляет собой автоматизированную модульную платформу, на которой далее можно развивать различные технологии по обеспечению безопасности. Изображения с камер поступают непосредственно в дежурные части территориальных органов внутренних дел, что позволяет им незамедлительно реагировать на разного рода происшествия.

Следует отметить, что технически в аппаратно-программный комплекс (АПК) «Безопасный город» включена возможность использования системы распознавания лиц «Face-интеллект», которая находит лица на видеоизображении, сравнивает их с заданной базой данных, осуществляет дальнейшие запрограммированные действия и отправляет органам внутренних дел сигнал об идентификации разыскиваемого преступника. «Face-Интеллект» может сравнивать лица с

базами данных госучреждений и правоохранительных органов, может осуществлять быстрый поиск видеозаписей с лицами, интересующими службу безопасности или правоохранительные органы, по фотографии, фотороботу или видеокадру.

Помимо реагирования на нетипичные движения и оставленные предметы, камеры комплекса в настоящее время обнаруживают номерные знаки автомобилей, заданные дорожно-патрульными службами, но прямой стыковки с базами правоохранительных органов не имеется. В более долгосрочной перспективе, на наш взгляд, представляется результативным интегрировать современные системы безопасности с ПК «Face-интеллект» при проверке по базам данных: тогда все процессы будут происходить в реальном времени, а задержать распознанное лицо при наличии такой необходимости можно будет в кратчайшие сроки.

Комплекс «Безопасный город» имеет преимущество в том, что распознавание происходит в режиме реального времени, что позволяет правоохранительным органам оперативно реагировать на подозрительных граждан, попавших в объектив «умной» видеокамеры.

Но на результат использования видеосистем могут влиять такие факторы как: некачественное изображение; скрывание внешности под посторонними предметами (шапка, маска, очки и т.д.); ракурс видеосъемки – не просматривается, не определяется точное положение антропометрических точек [5]. Однако, в случае невозможности идентификации личности с помощью современных IT-технологий, возможно применение судебной портретной экспертизы.

Так, Дзержинский районный суд г. Ярославля установил виновность Р. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 30, ст. 158.1 УК РФ именно с помощью вышеуказанной экспертизы. В совокупности с другими доказательствами эксперт подтвердил факт совершения Р. кражи из магазина, проводя исследование с помощью данных, полученных с камер видеонаблюдения места совершения преступления [6]. Эксперт, проводивший судебную портретную экспертизу по жалобе А. в Сахалинской области, заключил, что на фотоизображениях в фототаблице, сделанной с помощью программного комплекса системы видеофиксации «Визирь» камерами видеонаблюдения системы «Безопасный город», и в картотеке Управления Роспотребнадзора, изображено, вероятно, одно и то же лицо [7].

Таким образом, использование правоохранительными органами систем видеофиксации и идентификации личности способствует повышению уровня общественной безопасности. Однако, не всегда

удаётся эффективно использовать современные технологии. Поэтому, прежде всего в условиях пандемии необходимо совершенствовать имеющиеся системы и комплексы. На наш взгляд, требуется внедрить систему распознавания не только по антропометрическим данным, но и по функциональным навыкам (голосу, походке и т.д.), по особым приметам [8].

В заключение хотелось бы отметить, что с учетом развития современных технологий различные системы безопасности внедряются как повседневную жизнь населения, так и в профессиональную деятельность специализированных органов, в частности, в деятельность по раскрытию и расследованию преступлений. Вместе с тем все они основаны на идентификации объекта по внешним признакам посредством функционала систем видеонаблюдения. Но все программные комплексы, отвечающие за безопасность – это лишь «верхушка айсберга», поскольку у биометрического распознавания в криминалистике действительно есть колоссальный потенциал.

Список литературы:

1. Владимир Колокольцев выступил на пленарном заседании Международного полицейского саммита // URL: <https://мвд.рф/news/item/18681665> (дата обращения: 07.10.2023).

2. В МВД рассказали, почему система «Безопасный город» не распознала оружие в руках у Галявиева // URL: <https://www.business-gazeta.ru/news/509117> (дата обращения: 07.10.2023).

3. В России стали применять систему распознавания лиц и силуэтов людей и машин // URL: <https://rg.ru/2021/06/24/v-rf-stali-primeniat-sistemu-raspoznaniia-lic-isiluetov-liudej-i-mashin.html> (дата обращения: 07.10.2023).

4. 19 млн руб. направили за год на «Безопасный город» в Хабаровске // URL: https://www.securitymedia.ru/news_one_14578.html (дата обращения: 07.10.2023).

5. Бояринцев А. Н. Некоторые проблемы идентификации личности и пути их решения с помощью современных технологий // Вестник ТИПК МВД России. 2019. № 2 (13). С. 40-41.

6. Приговор № 1-452/2019 1-49/2020 от 4 февраля 2020 г. по делу № 1-452/2019 Дзержинский районный суд г. Ярославля // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 07.10.2023).

7. Решение № 71-69/2020 от 21 июля 2020 г. по делу № 71-69/2020 Сахалинский областной суд // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 07.10.2023).

© Д.А. Арушанян, 2023.

УДК 343.13

**СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПРИМЕНЕНИЯ
МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О
ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СОВЕРШЕННЫХ В СФЕРЕ
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ
И ДРУГИХ СТРАНАХ МИРОВОГО СООБЩЕСТВА**

*Байрамова Тамара Вячеславовна,
магистрантка 3 курса юридического факультета
заочной формы обучения
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»*

*Научный руководитель: Коблева Мария Мухадиновна,
к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовно-процессуального права
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»*

***Аннотация:** В статье рассматривается положительный опыт применения некоторых мер пресечения по уголовным делам о преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской деятельности в России и других странах мирового сообщества, приводятся аргументы в пользу применения общих и специальных мер пресечения, альтернативных тюремному заключению, производится анализ применения реституции, probation, электронного мониторинга, отсроченного приговора, запрета на ведение предпринимательской деятельности, запрета на занятие определенных должностей и ряда других специальных мер пресечения коммерческих преступлений, а также специфику их совокупной реализации.*

***Ключевые слова:** коммерческие преступления, преступления в сфере предпринимательской деятельности, меры пресечения, реституция, probation, электронный мониторинг, отсроченное приговора, запрет на ведение предпринимательской деятельности, запрет на занятие определенных должностей.*

**COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE APPLICATION OF
PREVENTIVE MEASURES IN CRIMINAL CASES ABOUT CRIMES
COMMITTED IN THE FIELD OF BUSINESS ACTIVITY IN RUSSIA
AND OTHER COUNTRIES OF THE WORLD COMMUNITY**

Bayramova Tamara Vyacheslavovna
Scientific adviser: Kobleva Mariya Muhadinovna

***Abstract:** This article examines the positive experience of applying certain preventive measures in criminal cases of crimes committed in the field of entrepreneurial activity in Russia and other countries of the world community. The article provides arguments in favor of the use of general and special preventive measures alternative to imprisonment, analyzes the use of restitution, probation, electronic monitoring, deferred sentence, prohibition of doing business, prohibition of holding certain positions and a number of other special measures of suppression of commercial crimes, as well as the specifics of their combined implementation.*

***Keywords:** Commercial crimes, crimes in the sphere of entrepreneurial activity, preventive measures, restitution, probation, electronic monitoring, deferred sentence, ban on doing business, ban on holding certain positions.*

Рассматривая вопрос об эффективности применения тех или иных мер пресечения по уголовным делам о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности, и дальнейшего сравнительно-правового анализа мер пресечения по данной категории преступлений в правовых системах зарубежных стран, следует подробнее рассмотреть специфику данной категории преступлений.

Предпринимательская деятельность как таковая представляет собой осуществляемую на свой риск деятельность, направленную на систематическое получение прибыли от владения имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг (ч.1 ст. 2 ГК РФ) [1]. Из данного определения следует, что предпринимательская деятельность – это прежде всего организованная экономическая деятельность. Следовательно, преступления в сфере предпринимательской деятельности есть ничто иное как нарушения установленных законом правил ведения экономической деятельности.

Поскольку в СССР предпринимательская деятельность была вне закона до времен перестройки, а наносимый данной незаконной

предпринимательской деятельностью материальный вред в конечном итоге приходился на долю государства, при этом сама данная деятельность противоречила государственной идеологии, то преступления данной категории воспринималась как преступления против государства, и соответственно основной целью уголовного правосудие по данным делам являлось наказание, а возмещение вреда ограничивалось конфискацией имущества и вырученной прибыли, а также обязательные работы [2, с. 159].

Несмотря на смену формации, многие фундаментальные аспекты уголовного закона остались неизменными, в связи с чем даже в реалиях рыночной экономики современного капиталистического строя российского государства, меры пресечения по делам о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности по-прежнему направлены на наказание в большей степени, чем на возмещение вреда.

Иначе дело обстоит в зарубежной практике по аналогичным преступлениям. В правовых порядках Европы и странах англосаксонской правовой семьи существует ряд общеуголовных мер пресечения, альтернативных лишению свободы, которые активно применяются в отношении лиц, совершивших преступления в сфере предпринимательской деятельности. При этом приоритетным принципом при назначении наказания является именно возмещение вреда от совершенных преступных деяний.

В отношении тяжких преступлений в сфере предпринимательской деятельности весьма часто применяется институт пробации, который подразделяется на условное осуждение и условно-досрочное освобождение. В рамках исследуемой темы интерес представляет именно условное осуждение “suspended sentences”. Сама пробация в рамках условного осуждения подразделяется на несколько режимов: интенсивная пробация, стандартная пробация, пробация без присмотра и шоковая пробация.

Интенсивная пробация представляет собой домашний арест и применяется как альтернатива тюремному заключению в качестве снисхождения за сотрудничество со следствием и признание вины. Интенсивная пробация реализуется посредством электронного мониторинга – специального аппаратно-программного комплекса отслеживания местоположения осужденного. Мониторинг может осуществляться посредством GPS-трекинга или радиолокационного позиционирования. Специальная программа получает данные о местоположении специального устройства, закрепленного на теле

осужденного и следит за тем, чтобы данное устройство не покидало пределы установленных границ разрешенной зоны. Разрешенная зона может быть установлена в пределах дома осужденного, района или города. При нарушении границ зоны, программа электронного мониторинга автоматически оповещает правоохранительные органы и службу пробации о нарушении. Данная система обходится государственному бюджету дешевле, чем содержание заключенного в пенитенциарном учреждении и при этом мотивирует лиц, совершивших преступления к сотрудничеству со следствием и возмещению ущерба [3, с. 399-444].

Стандартная пробация по своему режиму напоминает условное осуждение в российском правоприменении: осужденный соблюдает условия испытательного срока и отмечается в органах пробации в установленное время.

Пробация без надзора не подразумевает каких-либо специальных контрольных действий органов пробации и заключается в предоставлении осужденным отчета о выполнении условий суда. После выполнения условий суда, осужденный до истечения испытательного срока обязан не совершать новых преступлений и правонарушений.

Шоковая пробация – уникальное явление уголовной практики США. Согласно устоявшемуся в доктрине уголовного права США мнению, краткосрочное тюремное заключение оказывает существенное воздействие на осужденного, подобное “шоковой терапии” [4, с. 149-200]. Осужденный этапирован в учреждение пенитенциарной системы и через несколько дней вызывается в судебное заседание, в рамках которого суд назначает испытательный срок и условия пробации. Считается, что, осознав суровость режима исправительных учреждений, осужденный будет беспрекословно исполнять возложенные на него обязательства в рамках пробации и дальнейшее исполнение приговора в виде лишения свободы не потребуется. Практика доказывает действенность данного подхода: нарушение условий испытательного срока происходит лишь в 15% случаев [5].

Еще одной эффективной мерой пресечения преступлений в сфере предпринимательской деятельности является реституция, поскольку наилучшим образом отвечает целям и задачам правосудия для данной категории преступлений. Реституция предполагает выплату потерпевшей стороне материального и морального ущерба, причиненного в результате совершенных преступных деяний [6, с. 247-250]. В отличие от уголовного штрафа, который изымается в пользу государства, реституция взимается именно в пользу пострадавшей стороны.

Если лицо совершило экономическое преступление с использованием своего должностного положения, например, являясь директором, президентом или управляющим коммерческой структуры, к данному лицу может быть применена дополнительная мера пресечения в виде запрета на занятие руководящей должности или ведения предпринимательской деятельности в течении определенного времени, в соответствии с УК ФРГ, от 1 года до 5 лет (§ 70 StGB). Аналогичный порядок также содержится в уголовном праве Франции, Италии, и ряда других европейских стран [7 с. 1775-1875].

В Великобритании существует специальная мера пресечения для особо тяжких преступлений, в том числе в сфере предпринимательской деятельности, так называемый “приказ о предотвращении серьезных преступлениях” (Serious crime prevention order – SCPO) [8]. Данная мера предполагает существенные ограничения личных прав преступников, совершивших особо тяжкие преступления и применяется только Королевским судом. Если нижестоящий суд приходит к выводу об особой тяжести преступления, он передает дело на рассмотрение Королевского суда, поскольку только в полномочия данного суда входит применения настоящей специальной меры.

Приказ о предотвращении серьезных преступлений применяется по отношению к следующим преступлениям в сфере предпринимательской деятельности: Мошенничество в сфере рынка ценных бумаг, преступления в отношении государственных доходов, взяточничество, подделка распорядительных документов, решения управляющих органов хозяйствующего субъекта, ценных бумаг.

Налагаемые данной мерой ограничения не лимитированы максимальным сроком, предполагают любые виды запретительных установок, которые Королевский суд сочтет необходимыми для достижения целей правосудия и защиты общественной безопасности и порядкам [9].

Таким образом, в инструментарии уголовного закона существует ряд мер пресечения, которые в большей степени соответствуют целям справедливого правосудия по уголовным делам в сфере предпринимательской деятельности. Коммерческие преступления обладают определенной спецификой, которая обуславливает приоритетность возмещение вреда над иными целями уголовного правосудия.

Наиболее эффективным сочетанием мер пресечения является комбинация из probation и restitution, поскольку данный комплекс мер

полностью реализует цели уголовного правосудия по делам о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности: реституция возмещает материальный ущерб, причинённый преступным деянием, а probation служит целям воспитания и наказания.

Список литературы:

1. Часть первая Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. N 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 декабря 1994 г. N 32 ст. 3301
2. Советское уголовное право: пособие для народных заседателей / под ред. В.А. Владимирова. М.: Юрид. лит., 1973. С. 159.
3. Arnett, Chaz. "Virtual shackles: electronic surveillance and the adultification of juvenile courts." *The Journal of Criminal Law and Criminology* (1973-), vol. 108, no. 3, 2018, pp. 399–454/
4. Petersilia, Joan. "Probation in the United States." *Crime and Justice*, vol. 22, 1997, pp. 149–200.
5. Nellis, Ashley. *Mass Incarceration Trends. The Sentencing Project*, 2023.
6. Пагава, Т. В. Актуальные проблемы института реституции в уголовном судопроизводстве / Т. В. Пагава // *Закон и право*. – 2023. – № 10. – С. 247-250
7. Garrett, Brandon L. "Globalized corporate prosecutions." *Virginia Law Review*, vol. 97, no. 8, 2011, pp. 1775–1875.
8. Закон «О серьезных преступлениях» Великобритании: *Serious Crime Act 2007*. Официальный сайт опубликования законодательства Великобритании, URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2007/27> (дата обращения: 12.10.2023)
9. Virgo, G., & Worthington, S. (Eds.). (2017). *Commercial Remedies: Resolving Controversies*. Cambridge: Cambridge University Press.
10. Федеральный закон от 6 февраля 2023 г. N 10-ФЗ «О probation в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, 6 февраля 2023 г. №6. ст. 917.

© Т.В. Байрамова, 2023.

УДК 343.13

ПОНЯТИЕ ОЦЕНКИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

*Белик Игорь Валерьевич,
магистрант 2 курса юридического факультета
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»*

*Научный руководитель: Рogaва Инга Георгиевна,
старший преподаватель кафедры уголовно-процессуального права
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»*

***Аннотация:** в статье исследуется такой элемент процесса доказывания, как оценка доказательств. Определяется что не смотря на важность данного элемента доказывания, законодатель не дает ее определения. Проанализировав положения уголовно-процессуального закона и мнения ученых-процессуалистов, предлагается определение оценки доказательств.*

***Ключевые слова:** уголовной судопроизводство, доказывание, элементы, оценка доказательств.*

THE CONCEPT OF EVIDENCE EVALUATION IN CRIMINAL PROCEEDINGS

*Belik Igor Valerievich
Scientific supervisor: Rogava Inga Georgievna*

***Abstract:** the article examines such an element of the proof process as the assessment of evidence. It is determined that despite the importance of this element of proof, the legislator does not define it. Having analyzed the provisions of the criminal procedure law and the opinions of procedural scientists, a definition of evidence assessment is proposed.*

***Keywords:** criminal proceedings, evidence, elements, evaluation of evidence.*

Одним из элементов доказывания при производстве по уголовному делу, как гласит ст. 85 Уголовно-процессуального кодекса РФ, выступает оценка доказательств. Не смотря на важность данного элемента доказывания, законодатель называет лишь субъектов данной деятельности, а также правила оценки, которым она должна соответствовать, но не дает ее определение. Так, согласно, ч. 1 ст. 17 УПК РФ «Судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью» [1], а ст. 88 УПК РФ «Каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности – достаточности для разрешения уголовного дела» [1].

Определение понятия оценки доказательств является одной из актуальных проблем уголовно-процессуальной науки и уголовно-процессуального законодательства, т.к. является важнейшим элементом процесс доказывания.

Как известно, оценка доказательств выступает одной из главных составляющих процесса доказывания. Ведь помимо сбора доказательств по конкретным делам крайне важна правильная их оценка, обеспечивающая законность и обоснованность приговора. Оценка – завершающий этап процесса доказывания по уголовному делу. Говоря об оценке доказательств, важно понимать, что требуется оценка все имеющихся доказательств в их совокупности, а также каждого из представленных доказательств.

Согласно Толкового словаря Ожегова оценка представляет собой «мнение о ценности» [2].

Е.А. Доля полагал, что оценка доказательств, являясь «исключительно рациональным познанием, направлена на установление истины по делу» [3, с. 86].

По мнению В.Д. Арсеньева» оценка доказательств – это сила и значение полученных доказательств согласно их обособленности, и, в свою очередь, доказательств в совокупности. Так, оценка доказательств представляет собой «душу» доказывания уголовного процесса» [4, с. 130, 134] вследствие того, что оценка доказательств способна образовывать конкретные заключения согласно доказательствам по признанным аспектам.

М.С. Строгович считал, что «оценка доказательств является итогом его проверки и состоит в признании существования или не существования того факта, который этим доказательством устанавливается» [5, с. 164].

Заслуживает внимание позиция А.Р. Белкина о том, что «оценка доказательств – это логический, мыслительный процесс определения роли и значения собранных доказательств для установления истины» [6, с. 253]. Автор размышляет об установлении наличия и характера взаимосвязи между доказательствами в окончательном процессе доказывания. С целью установления истины ученый выявляет значение и роль, полноту и направление использования судебных доказательств.

Согласно позиции П.Ф. Пашкевича, «оценить доказательства, значит определить, насколько точно установлено каждое из них, в какой взаимосвязи с делом и другими доказательствами оно находится, какой именно факт, имеющий значение для дела, оно устанавливает или опровергает и что означают в совокупности все собранные по делу доказательства» [7, с. 49].

По мнению Н.А. Якубовича, оценка судебных доказательств – это «основанное на фактических обстоятельствах дела и проверенное в ходе практической деятельности следователя суждение о степени достоверности и значении доказательств, позволяющее следователю в конечном счете прийти к выводу о виновности или невиновности лица, привлеченного к уголовной ответственности, и решить вопрос о достаточности данных для направления дела в суд» [8, с. 104].

З.Д. Царева и Х.Т. Келехсаев определяют, что «оценка доказательств представляет собой сложный мыслительный процесс, в ходе которого логическим путем делается умозаключение относительно допустимости, относимости, достоверности, юридической силы (значения) имеющихся доказательств и их достаточности в совокупности для обоснования обстоятельств, составляющих предмет доказывания, в целях последующего разрешения конкретного уголовного дела» [9, с. 325].

Из приведенных определений следует, что оценка доказательств представляет собой следующее:

- нахождение в доказательстве характера и связи;
- соотношение обстоятельств и доказательств (например, единичное доказательство) к процессу;
- выявление расхождений с законом;
- правдивость приведенных доказательств при вынесении приговора;

– возможность применения определенного доказательства в процессе судебного расследования.

Таким образом, оценка – завершающий этап процесса доказывания по уголовному делу, представляющая собой мыслительную деятельность уполномоченных лиц в уголовном процессе, которая состоит в установлении достоверности имеющихся доказательств, в определении соответствия между подлежащими доказыванию обстоятельствами и полученными сведениями. Как следует из смысла положений УПК РФ.

Список литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // *Собрание законодательства РФ*. 24.12.2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
2. <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=19665>
3. Доля, Е. А. *Оценка доказательств в российском уголовном процессе // Государство и право*. – 1996. – № 5. – С. 84-92.
4. Арсеньев, В. Д. *Вопросы общей теории судебных доказательств*. – М., 1964.
5. Строгович, М. С. *Курс советского уголовного процесса*. – М., 1958.
6. Белкин, А. Р. *Теория доказывания в уголовном судопроизводстве*. – М., 2005.
7. Пашкевич, П. Ф. *Объективная истина в уголовном судопроизводстве*. – М., 1961.
8. Васильев, А. Н., Мудьюгин, Г. Н., Якубович, Н. А. *Планирование расследования преступлений*. – М., 1957.
9. Царева, З. Д., Келехсаев, Х. Т. *Оценка доказательств в уголовном процессе // В сборнике: Научные труды студентов Горского Государственного аграрного университета «Студенческая наука – агропромышленному комплексу». В 2-х частях*. – Владикавказ, 2016. – С. 325-329.

© И.В. Белик, 2023.

УДК 343.431

СООТНОШЕНИЕ ПРИЗНАКОВ ТОРГОВЛИ ДЕТЬМИ С СУРОГАТНЫМ МАТЕРИНСТВОМ

Бирюк Александр Андреевич,

студент 3 курса

Ростовского филиала ФГБОУ ВО

«Российский государственный университет правосудия»

Научный руководитель: Москалева Елена Николаевна,

старший преподаватель кафедры уголовного права

Ростовского филиала ФГБОУ ВО

«Российский государственный университет правосудия»

Аннотация: В данной статье автором анализируются вопросы уголовно-правовой охраны суррогатного материнства. Актуализируется потребность в комплексном нормативно-правовом регулировании всей специфики суррогатного материнства.

Ключевые слова: суррогатное материнство, вспомогательные репродуктивные технологии, законодательство, уголовно-правовая защита.

RELATIONSHIP OF SIGNS OF CHILD TRAFFICKING WITH SUROGATE MOTHERHOOD

Biryuk Alexander Andreevich

Scientific adviser: Moskaleva Elena Nikolaevna

***Abstract:** In this article, the author analyzes the issues of criminal legal protection of surrogacy. The need for comprehensive legal regulation of all the specifics of surrogacy is becoming more urgent.*

***Keywords:** surrogacy, assisted reproductive technologies, legislation, criminal defense.*

Современный этап общественного развития характеризуется значительными демографическими проблемами, одной из которых

является ежегодное уменьшение численности населения. Проблемы демографической ситуации оказывают неблагоприятное влияние на экономическую, духовную составляющие общества, что в целом складывается в одну из угроз национальной безопасности страны. Одним из направлений решения данной ситуации выступают вспомогательные репродуктивные технологии (далее ВРТ), в том числе суррогатное материнство. Под суррогатным материнством следует понимать процесс вынашивания и рождения ребенка на основе договорных отношений между потенциальными родителями и суррогатной матерью.

Несмотря, на разность суждений относительно суррогатного материнства, на сегодняшний день Российская Федерация принадлежит к тому числу стран, которые на законодательном уровне разрешают и регулируют сферу данных отношений.

Законодательная база, регулирующая данную сферу правоотношений, позволила на законных основаниях применять суррогатное материнство, но несмотря на сформированные нормативно-правовые основы, на сегодняшний день на практике остается еще много нерешенных вопросов.

Одной из проблем возникновения подобной ситуации является тот факт, что в России отсутствует специальный закон, который бы полноценно осуществлял регулирование вопросов суррогатного материнства. Отдельные положения сферы вспомогательных репродуктивных технологий закреплены в Семейном кодексе [1] (п. 4 ст. 51), ФЗ № 323 «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [2] ст. 55 («Применение вспомогательных репродуктивных технологий»).

Несмотря на попытки законодательного регулирования вопросов суррогатного материнства, в целях реализации направления уголовно-правовой охраны и защиты прав субъектов данных правоотношений назрела острая необходимость в комплексной правовой регламентации регулирования сферы применения вспомогательных репродуктивных технологий.

Анализируя практическую составляющую, можно отметить, что нередко случаются ситуации, при которых суррогатное материнство квалифицируется как наказуемое деяние, а именно торговля детьми. При этом в состав соучастников преступления входят суррогатная мать, генетические родители и круг лиц, которые помогали в осуществлении вспомогательной репродуктивной технологии. Ярким примером квалификации использования ВРТ в целях торговли людьми может

служить уголовное дело, возбужденное в 2020 г. в отношении российских гинекологов обвиняемых в торговле суррогатными младенцами для Китая [3]. Так, в Москве группа лиц по предварительному сговору осуществляла продажу детей от шести дней до шести месяцев. Лишь в июне 2020 г. в московской квартире было найдено пять малышей, на которых были готовы и оформлены все документы на китайском и английском языках. Подбором суррогатных матерей занималась компания «Свитчайлд». В декабре 2020 г. были арестованы сотрудники красноярского центра сопровождения суррогатного материнства «Дидилия» – их так же подозревают в передаче 19 младенцев третьим лицам [4].

Уголовные дела подобного характера имеют негативные последствия для иных лиц, добросовестно участвующих в указанных правоотношениях, например, для персонала медицинской организации, в которой проводились процедуры забора донорских клеток, подсадки эмбриона и т.д.

Стоит вернуться к разграничению торговли людьми (сфера уголовного права) и суррогатного материнства (сфера гражданского права). Субъект торговли людьми общий – физическое вменяемое лицо, достигшее возраста 16 лет. Ключевым здесь является определение факта, является ли передача суррогатной матерью рожденного ею ребенка генетическим родителям куплей-продажей. Для этого необходимо определить, в первую очередь, за что именно передавались денежные средства генетическими родителями суррогатной матери: за вынашивание и рождение ребенка (тогда это не купля-продажа) или за саму передачу ребенка (тогда это купля-продажа).

Проблема разграничения суррогатного материнства и торговли людьми является актуальной как на национальном, так и международном уровнях. С одной стороны, в законодательстве Российской Федерации нет прямого запрета суррогатного материнства, но, с другой стороны, с учетом конструкции состава статьи 127.1 УК РФ совершение любой сделки с ребенком независимо от цели может быть квалифицировано как торговля людьми. Согласно закону, передача ребёнка родителям – это безвозмездный акт, поэтому при суррогатном материнстве решение суррогатной матери после рождения ребенка юридически и физически передать ребенка будущим родителям должно быть безвозмездным актом, основанным на ее собственном желании после родов, а не каких-либо юридических или договорных обязательствах. При отграничении суррогатного материнства от торговли людьми необходимо детально исследовать субъективную сторону содеянного, т.е. выявлять с какой

целью генетические родители передавали денежные средства суррогатной матери. В договоре суррогатного материнства могут быть прописаны обязанности суррогатной матери, но как раз таки за исключением обязанности передать родившегося ребенка супругам или одинокой женщине, с которыми заключен договор. Согласно ч. 5 ст. 51 Семейного кодекса РФ, генетические родители могут быть записаны в качестве родителей ребёнка, а следовательно, они могут получить его только с согласия суррогатной матери. В данном случае она действует, исходя из своих собственных желаний, а не из договорных обязательств, и может решить воспитывать ребёнка самостоятельно в связи с установившейся с ним эмоциональной связью.

Технология суррогатного материнства доступна только тем гражданам, которые по медицинским показаниям никак не могут самостоятельно родить ребёнка. Следовательно, в ряде случаев это единственная возможность иметь биологических детей. Это позволяет повысить демографию страны и стать родителями тем, у кого такая возможность сильно ограничена, что говорит об отсутствии здесь общественной опасности и пользе этой вспомогательной репродуктивной технологии.

Таким образом, суррогатное материнство нельзя считать формой торговли людьми по ряду причин, во-первых, суррогатная мать получает плату за вынашивание и рождение ребёнка, а не за его передачу, что исключает куплю-продажу человека; во-вторых, суррогатное материнство характеризуется общественной полезностью, так как позволяет вынужденно бездетным семьям завести ребёнка; в случае суррогатного материнства не наблюдается какого бы то ни было ущемления прав ребёнка, ведь именно благодаря этой технологии возможно само его появление на свет, к тому же он передаётся родителям, имеющим с ним неразрывную генетическую связь и желающим стать для него также и социальными родителями, чтобы воспитать и вырастить, а не как-либо ему навредить.

Список литературы:

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. N 223-ФЗ // *Российская газета*. 1996. N 17 (27 января).
2. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. N 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СПС Гарант.
3. Трунов, И.Л., Айвар, Л.К. Состав преступления в вопросах суррогатного материнства: российская и зарубежная практика //

Вестник дипломатической академии МИД России. Международное право. 2021. № 1 (12).

4. Дело о «продаже» младенцев в Китай. Как сложилась судьба детей, которых забрали у фирмы «Дидилия»? – URL: <https://ngs.ru/text/family/2023/02/18/72071510/?ysclid=lobtqgx77z373495438> (дата обращения: 18.10.2023).

© А.А. Бирюк, 2023.

УДК 343.241

ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ ОТ УСЛОВНОГО ОСУЖДЕНИЯ

Бондарев Сергей Сергеевич,
магистрант 3 курса юридического факультета
Ростовского филиала ФГБОУ ВО
«Российский государственный университет правосудия»

Научный руководитель: Осадчая Наталья Георгиевна,
к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного права
Ростовского филиала ФГБОУ ВО
«Российский государственный университет правосудия»

Аннотация: В статье исследуется соотношение ограничения свободы и условного осуждения, их сущность и правовая природа. Автором анализируются мнения ученых о сходствах и различиях рассматриваемых институтов. Акцентируется внимание на возможных путях их разграничения в действующем законодательстве и оптимизации применения отдельных из них в правоприменительной практике.

Ключевые слова: наказание, ограничение свободы, условное осуждение, исполнение наказания, обязанности.

PROBLEMS OF DIFFERENTIATION OF CRIMINAL PUNISHMENTS IN THE FORM OF RESTRICTION OF FREEDOM FROM A SUSPENDED SENTENCE

Bondarev Sergey Sergeevich
Scientific supervisor: Osadchaya Natalia Georgievna

Abstract: The article examines the relationship of restriction of freedom and conditional sentence, their essence and legal nature. The author analyzes the opinions of scientists about the similarities and differences of the institutions under consideration. Attention is focused on possible ways of their differentiation in the current legislation and optimization of the application of certain of them in law enforcement practice.

Keywords: punishment, restriction of freedom, conditional sentence, execution of punishment, duties.

Возникает много вопросов о соотношении условного осуждения и ограничения свободы. Почему-то именно этот вопрос стал одним из наиболее спорных при рассмотрении сущности, содержания такого вида наказания как ограничение свободы.

В уголовно-правовых исследованиях акцентируется внимание на схожести содержания ч. 5 ст. 73 УК РФ «Условное осуждение» и ч. 1 ст. 53 УК РФ «Ограничение свободы», поскольку они касаются большинства прав и свобод осужденных – личной неприкосновенности, свободы передвижения, выбора места жительства, выбора занятия по душе, участия в собраниях или демонстрациях с правом избирать тему собрания. И все же, условное осуждение и ограничение свободы нельзя считать тождественными. В ч. 1 ст. 53 УК РФ прямо говорится об установлении судом ограничений в отношении осужденных, а в ст. 73 УК РФ говорится о возложении на осужденного определенных обязанностей, которые осужденный должен выполнять [1, с. 20-21].

Ограничение свободы – это в первую очередь уголовное наказание, а условное осуждение – всего лишь испытательный срок, в ходе которого осужденный должен доказать свое исправление.

Ограничение свободы и условное осуждение имеют еще одно важное различие. Перечень ограничений, установленный ч. 1 ст. 53 УК РФ, является исчерпывающим. В то же время ст. 73 УК РФ дает возможность расширить перечень обязанностей на усмотрение суда.

Особенностью наказания в виде ограничения свободы является то, что оно применяется только за совершение преступлений небольшой и средней тяжести, а условное осуждение может быть назначено в том случае, когда лишение свободы составляет более восьми лет даже при совершении тяжких и особо тяжких преступлений.

Ограничение свободы является смешанным видом наказания, то есть оно может быть назначено в качестве как основного, так и дополнительного, а условное осуждение возможно применить только к четырем видам наказаний: исправительные работы, ограничение по военной службе, содержание в дисциплинарной воинской части и лишение свободы на срок не свыше восьми лет.

Уголовным законом определен круг субъектов, к которым не может применяться наказание в виде ограничения свободы. Так, ограничение свободы не может быть назначено военнослужащим, иностранцам, лицам

без гражданства и лицам без постоянного места жительства на территории Российской Федерации (согласно ч. 6 ст. 53 УК РФ).

Отметим, что согласно ч. 1 ст. 314 Уголовного кодекса Российской Федерации злостное уклонение осужденного от отбывания наказания в виде ограничения свободы содержит в себе признаки состава преступления. При этом, в комментарии к ст. 314 УК РФ законодатель указал на то, что уголовная ответственность по ч. 1 ст. 314 УК РФ наступает в случае, если ограничение свободы назначено в качестве дополнительного наказания.

Положениями ст. 74 УК РФ установлено, что условное осуждение может быть досрочно отменено как в случае злостного уклонения от выполнения возложенных обязанностей, так и в случае исправления осужденного.

Ограничение свободы – вид наказания, который требует особого порядка исполнения. При этом необходимо помнить, что осужденные к ограничению свободы должны всегда находиться под наблюдением сотрудника уголовно-исполнительной системы. В надзорных органах есть спецсредства, которые помогают отслеживать передвижения осужденного. К ним относится электронный браслет – это вспомогательное техническое средство для отслеживания передвижений человека в течение всего срока отбывания наказания. В то же время условное осуждение таких мер не предусматривает [2, с. 360-361].

В соответствии с нормами уголовного и уголовно-исполнительного законодательства под ограничением свободы понимается ряд ограничений: не покидать место поселения (пребывания) в определенное время; не посещать определенные места на территории соответствующего муниципального образования; не выезжать за пределы территории соответствующего муниципального образования; не посещать места проведения массовых и иных мероприятий; не участвовать в этих мероприятиях понимается как ряд ограничений: не участвовать, не менять место жительства, не менять место содержания под стражей, не покидать место содержания под стражей.

Для осужденных к наказанию в виде ограничения свободы обязательна регистрация в органе ФСИН от одного до четырех раз в месяц. Изменение места жительства или места пребывания без согласия уполномоченного государственного органа, а также выезд за пределы страны без получения на то разрешения, влекут наложение дополнительных обязанностей и ограничений на осужденного.

Уголовно-исполнительная система не предусматривает принудительное привлечение осужденного к ограничению свободы к труду или его содержание в специальных заведениях с ограниченной изоляцией от общества. Карательный характер этого вида наказания заключается в ограничении свободы передвижения.

В результате сравнительного анализа действующих норм и теоретических аспектов условного осуждения, а также наказания в виде ограничения свободы можно сделать вывод о том, что они имеют также некоторые общие черты. Исполнение условного осуждения и ограничения свободы контролируется с помощью проведения уголовных исправительных проверок сотрудниками ФСИН. Сходство можно обнаружить и в их содержании: ч. 5 ст. 73 УК РФ и ч. 1 ст. 53 УК РФ содержат частично идентичные меры. В них указывается запрет на изменение места жительства, места работы или места учебы, а также на посещение определенных мест без уведомления специализированного органа. То же самое во многом относится и к случаям нарушения режима ограничения свободы и условного осуждения. Законодателем предусмотрена ответственность условно осужденных и осужденных к ограничению свободы за неявку по вызову, неисполнение возложенных обязанностей или ограничений, нарушение общественного порядка и нравственности и т.д. [3, с. 97]

Таким образом, есть основания говорить о коллизии между условным осуждением и ограничением свободы в связи с идентичностью анализируемых норм.

Если рассматривать положительный опыт использования уголовного наказания в виде ограничения свободы, который есть за рубежом, в России многие сомневаются, что это именно уголовное наказание. Эти сомнения возникли по причине не точного разграничения наказания в виде ограничения свободы и условного осуждения.

Ученые пишут о том, что ограничение свободы утрачивает функцию уголовного наказания. Оно больше подходит требованиям иной меры уголовно-правового характера, а объем и характер такого правового режима не подходит для целей назначения наказаний. Однако, политика государства в настоящее время направлена на гуманизацию и реформирование уголовно-исполнительной системы в части разгрузки мест лишения свободы [4, с. 248]. В связи с чем полагаем, что ограничение свободы является не мерой уголовно-правового характера, а именно альтернативным и более гуманным наказанием, чем лишение свободы.

Особенностью исполнения некоторых обязанностей при условном осуждении и ограничении свободы является то, что осужденным не дается возможности ясно осознать воспитательную сущность уголовного наказания [6, с. 46].

Таким образом, ограничение свободы и условное осуждение имеют различные функциональные нагрузки. Неоспоримо одно – существование каждой из систем условно и независимо. Сопоставление ограничения свободы и условного осуждения является общепринятым, ученые объясняют это тем, что изначально правоохранные органы имели искаженное представление о значении указанных понятий.

Список литературы:

1. Бондарь М.А. К вопросу о соотношении содержания наказания в виде ограничения свободы и условного осуждения // *Вестник Кузбасского института*. – 2018. – № 7.

2. Пермиловская Е.А. Соотношение уголовного наказания в виде ограничения свободы с иными мерами государственного принуждения // *Человек: преступление и наказание*. – 2019. – № 3.

3. Лаптев С.А. Условное осуждение или ограничение свободы // *Вестник Кузбасского института*. – 2012. – № 4.

4. Сухова А.А. Ограничение свободы как вид уголовного наказания // *Власть и общество: история, современное состояние и тенденции развития. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции*. Науч. ред. В.В. Наумкина, отв. ред. В.Н. Козлова. Абакан, 2023.

5. Герасимов К.И.Г. Особенности исполнения наказания в виде ограничения свободы в России и в зарубежных странах // *Юридическая наука и практика. Альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России*. – Том 6. – Часть 2. – 2018.

© С.С. Бондарев, 2023.

УДК 343.214

ЕЩЕ РАЗ О СУДИМОСТИ В СВЕТЕ НОВЫХ РАЗЪЯСНЕНИЙ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РФ

*Буйлук Виктория Борисовна,
студентка 4-го курса обучения юридического факультета
ФГАОУ ВО «Южного Федерального Университета»*

*Научный руководитель: Артеменко Наталья Викторовна,
к.ю.н., доцент кафедры уголовного права и криминологии
юридического факультета
ФГАОУ ВО «Южного Федерального Университета»*

Аннотация: в научной статье поднимается проблема отсутствия термина «судимость» в уголовном законодательстве, ввиду чего данный пробел восполняется на уровне Верховного Суда РФ. Автор рассматривает судимость во взаимосвязи с состоянием административной наказанности, выделяет сходства, в результате анализа данных понятий приходит к выводу о том, что они по многим признакам совпадают и предлагает свое определение. Также им выделена проблема, связанная с судимостью несовершеннолетних при совершении ими длящихся и продолжаемых преступлений, а также понятия «безупречности» поведения, опираясь на судебную практику.

Ключевые слова: судимость; состояние административной наказанности; безупречное поведение; длящееся преступление; продолжаемое преступление; несовершеннолетние.

ONCE AGAIN ABOUT THE CRIMINAL RECORD IN THE LIGHT OF NEW CLARIFICATIONS PLENUM OF THE SUPREME COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION

*Builuk Victoria Borisovna
Scientific adviser: Artemenko Natalia Victorovna*

Abstract: the scientific article raises the problem of the absence of the term "justice" in criminal legislation, which is why this gap is filled at the level of the Supreme Court of the Russian Federation. The author considers the

criminal record in relation to the state of administrative punishment, identifies similarities, as a result of the analysis of these concepts comes to the conclusion that they coincide in many ways and offers his definition. They also highlighted the problem associated with the criminal record of minors when they commit ongoing and ongoing crimes, as well as the concept of "faultlessness" of behavior, based on judicial practice.

Keywords: *criminal record; state of administrative punishment; impeccable behavior; ongoing crime; ongoing crime; minors.*

Легального определения судимости действующее уголовное законодательство не содержит. Не было таких определений в уголовных законах и ранее. Однако осмысление понятия и признаков судимости всегда было предметом научных дискуссий, в результате которых в теории уголовного права сложились узкий и широкий подходы к определению судимости.

Сторонники широкого подхода выделяют следующие черты судимости. Во-первых, это ее персонифицированный характер. Во-вторых, судимости присущ временный характер. В-третьих, ее наличие повышает общественную опасность деяния и лица, совершающего повторное преступление. В-четвертых, судимость влечет правовые последствия для осужденного лица (как уголовно-правовые, так и иные), связанные в том числе с ограничением его конституционных прав и свобод. Похожее определение давал С.И. Зельдов [1; с.62], а также рассматривавший судимость, в первую очередь, как правовое состояние лица Е.В. Благов [2; с.6].

Сторонники узкого подхода определяли судимость несколько иначе. Так, А.В. Наумов [3] преподносит судимость как уголовно правовое последствие обвинительного приговора с применением наказания. М.Н. Становский [4; с.16] рассматривает судимость как «официально удостоверенный факт осуждения в прошлом лица за совершение преступления». Наконец, В.П. Малков [5; с.116] определяет судимость как меру безопасности, которая заключается в установлении социально-правового контроля за поведением осужденного.

7 июня 2022 года Пленум Верховного Суда РФ принял новое постановление № 15 «О практике применения судами при рассмотрении уголовных дел законодательства, регламентирующего исчисление срока погашения и порядок снятия судимости» [6], в котором впервые предложил определение судимости. Позиция ВС РФ заключается в том,

что судимость – это «правовое состояние лица, совершившего преступление, в отношении которого вступил в законную силу обвинительный приговор с назначением наказания, подлежащего отбыванию (исполнению), влекущее при повторном совершении им преступления оценку его личности и содеянного им как обладающих повышенной общественной опасностью и наступление предусмотренных уголовным законодательством правовых последствий». Тем самым Верховный Суд РФ унифицировал подходы к определению судимости, отразив как судебный, так и доктринальный опыт.

Вместе с тем наиболее развернутое и, как нам представляется, наиболее точное определение судимости в одном из своих постановлений ранее дал Конституционный Суд РФ: «Судимость представляет собой правовое состояние лица, обусловленное фактом осуждения и назначения ему по приговору суда наказания за совершенное преступление и влекущее при повторном совершении этим лицом преступления установленные уголовным законодательством правовые последствия; имеющаяся у лица непогашенная или неснятая судимость порождает особые, складывающиеся на основе уголовно-правового регулирования публично-правовые отношения его с государством, которые при совершении этим лицом новых преступлений служат основанием для оценки его личности и совершенных им преступлений как обладающих повышенной общественной опасностью и потому предполагают применение к нему более строгих мер уголовной ответственности» [7]. В этом определении помимо важных черт в виде персонификации, временного характера и т.д. Конституционный Суд выделяет также сами особые правовые отношения личности с государством, связанные с судимостью. Верховный же Суд значительно сузил данное определение, включив в него лишь описание наиболее существенных характеристик, что, по нашему мнению, вряд ли оправданно.

Рассуждая о судимости, уместно провести параллель с административным правом и законодательством, поскольку последнее содержит схожее с судимостью состояние административной наказанности. Логика административного и уголовного законодательства одинакова – и наказанность, и судимость обладают определенным репрессивным потенциалом, наличие которого влечет ограничения правового статуса лица и более жесткие последствия при повторном совершении противоправного деяния.

Так, в соответствии со ст. 4.6 КоАП РФ административная наказанность – это «срок, в течение которого лицо считается

подвергнутым административному наказанию». Отсчет данного срока начинается с момента вынесения постановления о назначении административного наказания и заканчивается по истечении года.

Между состоянием административной наказанности и уголовной судимости есть и много общего. У них схожее последствие – по истечении срока судимости и срока административной наказанности аннулируются все внутриотраслевые последствия. В случае, если в течение срока административной наказанности лицо совершает однородное правонарушение, то это служит основанием для применения к лицу более жёстких мер ответственности, что схоже с уголовной судимостью. Приведем пример. Решением № 30-1-167/2022 от 12 мая 2022 г. по делу № 30-1-167/2022 лицо 29.07.2021 привлекалось к административной ответственности за совершение однородного административного правонарушения по ч.2 ст.12.9 КоАП РФ (решение вступило в силу 24.08.2021) и было признано виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч.2 ст.12.27 КоАП РФ, с назначением наказания в виде лишения права управления транспортными средствами на срок 1 год 6 месяцев [8]. Срок наказанности не истек, суд назначил более строгое наказание в пределах санкции соответствующей статьи.

Стоит сказать также о том, что истечение срока административной наказанности и погашение срока уголовной судимости не требует вынесения специального документа, подтверждающего, что установленный законом срок истек. И административная наказанность, и уголовная судимость преследуют одинаковую цель – в течение определенного срока убедиться в исправлении наказанного.

Резюмируя сказанное, определим судимость, как срок, в течение которого лицо считается подвергнутым уголовному наказанию. Лицо, считается подвергнутым уголовному наказанию со дня вступления в законную силу обвинительного приговора суда о назначении наказания до истечения определенного срока, предусмотренного ч. 3 ст. 86 УК РФ, в зависимости от вида назначенного наказания и категории совершенного преступления.

Изучение Постановления Пленума ВС о судимости, помимо рассуждений об определении судимости, порождает еще ряд вопросов. Так, вызывает сомнение содержание п. 6 названного Постановления, который устанавливает, что «... положения статьи 95 УК РФ не применяются в отношении лиц, осужденных за деяния или продолжаемые преступления, которые были начаты ими в несовершеннолетнем возрасте, а фактически окончены после достижения

совершеннолетия...». Напомним, что момент окончания продолжаемого преступления традиционно связывается с совершением последнего преступного действия. В связи с этим, позиция, которую занял Верховный Суд при решении вопроса об ответственности несовершеннолетних за совершение продолжаемых преступлений, вполне объяснима. Что же касается длящихся преступлений, то они, по общему правилу, считаются оконченными с момента совершения самого деяния независимо от момента его пресечения. Получается, что юридическое окончание деяния может не совпадать с фактическим, последнее возможно, в нашем случае, и по достижении совершеннолетия, что позволяет не согласиться с предложением ВС РФ применять в этом случае общие правила о сроках погашения судимости. Одновременно Верховный Суд не исключает возможности применения специальных правил об ответственности несовершеннолетних, в том числе и положений, предусмотренных ст. 96 УК РФ, что ставит вопрос о возможности применения к таким лицам сокращенных сроков погашения судимости (ст.95 УК РФ). Считаем, что ответ и в этом случае должен быть положительным.

Вопросы вызывает и понимание Верховным Судом такого оценочного основания досрочного снятия судимости как «безупречное поведение осужденного». В соответствии с п.23 рассматриваемого постановления «о безупречном поведении лица могут свидетельствовать, в частности, данные с места жительства, подтверждающие в том числе наличие прочных социальных связей (вступление в брак, рождение детей, забота о престарелых родителях и пр.), положительные характеристики с места работы или учебы». Более того, высшая судебная инстанция страны отдельно уточняет, что «факт привлечения лица к административной ответственности сам по себе не может препятствовать снятию судимости». По сути, Пленум Верховного Суда поддержал складывающуюся в этом направлении практику.

Однако ситуация при решении вопроса о досрочном снятии судимости, по нашему мнению, несколько иная: законодатель говорит не просто о достижении целей наказания и, в частности, исправлении осужденного, а о безупречности его поведения. Обратимся к этимологии слова «безупречный». Толкование категории «безупречное поведение» в доктрине уголовного права также весьма определено: «Безупречным следует считать такое поведение лица, отбывшего наказание, в быту, на работе или учебе, в иных местах, которое со всей очевидностью свидетельствует, что определенные меры контроля и ограничения, связанные с институтом судимости, в отношении него излишни» [9].

Таким образом, поведение человека, совершившего административный проступок, вряд ли можно считать не опороченным, безукоризненным. А потому, на наш взгляд, совершение административного правонарушения нельзя считать обстоятельством, не влияющим на оценку поведения лица как безупречного.

Судимость – это институт межотраслевой, ее роль и место в Уголовном кодексе четко не обозначены. Верховный Суд дал свое видение судимости, однако некоторые его позиции заслуживают пристального внимания, в частности, понятие судимости, определение безупречного поведения, а также вопрос о сроках погашения судимости при осуждении несовершеннолетнего лица за совершение делящихся/продолжаемых преступлений.

Таким образом, инициатива Верховного Суда РФ о принятии постановления «О практике применения судами норм уголовного закона о порядке исчисления, погашения и снятия судимости», вне всякого сомнения, своевременна и заслуживает поддержки. Большинство вопросов, по которым судебная практика испытывала недостаток рекомендаций с учетом значимости судимости для решения вопросов уголовной ответственности и наказания лиц, совершивших преступления, разрешены. И тем не менее вопросы остались, дискуссия продолжается...

Список литературы:

1. Зельдов С.И. *О понятии судимости // Правоведение. – 1972. – № 1. – С. 61-69.*
2. Благоев Е.В. *Учебно-практический комментарий УК РФ (общая часть).* Ярославль: [б.], 1997. – 182 с.
3. Наумов А.В. *Российское уголовное право: Общая часть. Курс лекций: В 3-х т. Т. 1 – 4-е изд. перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2007. – 736 с.*
4. Становский М.Н. *Назначение наказания. – Юрид. центр Пресс, 1999. – С.16.*
5. Малков В.П. *Множественность преступлений: сущность, виды, правовое значение. Казань: Изд-во «Таглитат» ИЭУП, 2006. – 140 с.*
6. *Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.06.2022 № 14 «О практике применения судами при рассмотрении уголовных дел законодательства, регламентирующего исчисление срока погашения и порядок снятия судимости»// URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_418734/ (дата обращения 13.12.2022).*

7. П. 66 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_190932/ (дата обращения 13.12.2022).

8. Решение № 30-1-167/2022 от 12 мая 2022 г. по делу № 30-1-167/2022 // URL: Решение № 30-1-167/2022 от 12 мая 2022 г. по делу № 30-1-167/2022:: СудАкт.ру (sudact.ru) (дата обращения 12.12.2022).

9. *Оценочные признаки в Уголовном кодексе РФ: научное и судебное толкование / Научно-практическое пособие под редакцией профессора А.В. Галаховой. – М.: Норма, 2014. – С.155.*

© В.Б. Буйлук, 2023.

УДК 343.3/7

ОСОБАЯ ЖЕСТКОСТЬ КАК ОЦЕНОЧНАЯ КАТЕГОРИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ

*Вальдер Елизавета Сергеевна,
магистрант 2 курса юридического факультета
Ростовского филиала ФГБОУ ВО
«Российский государственный университет правосудия»*

*Научный руководитель: Серегина Елена Владимировна,
к.ю.н., доцент, заведующий кафедрой уголовного права
Ростовского филиала ФГБОУ ВО
«Российский государственный университет правосудия»*

***Аннотация:** в статье осуществлен анализ оценочного понятия «особая жесткость». Законодатель не раскрывает данное понятие и не называет его критерии, что не способствует единообразному правоприменению. В науке уголовного права существуют различные интерпретации термина «особая жесткость». В результате сделан вывод о том, что в целях правильной квалификации преступных деяний, назначения справедливого и обоснованного наказания при оценивании преступлений, совершенных с особой жесткостью, необходимо определение понятия «особая жесткость» закрепить на законодательном уровне.*

***Ключевые слова:** жесткость, особая жесткость, убийство, преступления против половой неприкосновенности и половой свободы, оценочное понятие, квалификация.*

SPECIAL CRUELTY AS AN EVALUATION CATEGORY IN THE CRIMINAL LAW OF RUSSIA

*Valder Elizaveta Sergeevna
Scientific adviser: Seregina Elena Vladimirovna*

***Abstract:** the article analyzes the evaluative concept of «special rigidity». The legislator does not disclose this concept and does not name its criteria, which does not contribute to uniform law enforcement. In the science of criminal*

law, there are various interpretations of the term «special rigidity». As a result, it is concluded that in order to properly qualify criminal acts, assign a fair and reasonable punishment when assessing crimes committed with extreme cruelty, it is necessary to fix the definition of «special rigidity» at the legislative level.

Keywords: *cruelty, special cruelty, murder, crimes against sexual integrity and sexual freedom, evaluative concept, qualification.*

Российское уголовное законодательство весьма последовательно несколько столетий признает и соответственно употребляет термин, если не «особая жестокость», то термин, безусловно схожий с ним по смыслу. В ходе становления и развития российского уголовного законодательства термин «особая жестокость» приобретал все более широкое содержание, трансформируясь из признака определенного состава преступления, посягающего на жизнь и здоровье, в обстоятельство, отягчающее вину. При этом законодателем в нормативных правовых актах как дореволюционного, так и послереволюционного периода не определялось понятие «особая жестокость», что не способствовало его единообразному применению и толкованию [1, с. 269].

Понятие «жесткость» подразумевает собой агрессию, беспощадность, суровость, отношение, которое причиняет моральную и физическую боль. В уголовном праве понятие «жестокость» применяется к тяжким и особо тяжким преступлениям, но тем временем законодатель не раскрывает определение данного понятия, что вносит неопределенность при решении вопроса, касаемого «жесткости».

Следовательно, толкование термина «особая жестокость» не находит конкретизации в законодательстве и является оценочным. Отсутствие толкования такой оценочной категории как «особая жестокость» вызывает у криминалистов противоречивые взгляды. Большинство ученых считает, что отсутствие законодательно закрепленного оценочного понятия способствует проявлению принципа полноты уголовного закона. Так, В. Н. Кудрявцев утверждает, что «неизбежность» существования в законе оценочных понятий идут на пользу практике в случаях, когда это необходимо [2, с. 56]. Некоторые же авторы отмечают, что толкование оценочных уголовно-правовых категорий, и в том числе, такой категории как «особая жестокость», ничего не дающие практике применения уголовно-правовой нормы вредны своей неопределенностью [3, с. 19].

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. №1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ) в

некоторой степени компенсирует отсутствие закрепленного понятия «особая жесткость» в УК РФ. В данном судебном акте содержится связь между понятием «особая жесткость», а также со всеми обстоятельствами совершения убийства и в первую очередь со способом совершения преступления. Помимо этого, Пленум называет случаи, в которых имеется признак особой жесткости, а именно: истязание, пытки, глумление над жертвой.

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» «особая жестокость может выражаться, в частности, в пытках, истязании, глумлении над потерпевшим лицом, причинении ему особых страданий в процессе совершения изнасилования или иных действий сексуального характера, в совершении изнасилования или иных действий сексуального характера в присутствии его близких, а также в способе подавления сопротивления, вызывающем тяжелые физические либо нравственные страдания самого потерпевшего лица или других лиц».

Как можно увидеть из разъяснений постановлений Пленума Верховного Суда РФ, описывая особую жестокость, дает простор для применения данной категории на практике. Полагаем, что использовать такую трактовку данного понятия неправильно, проявление особой жестокости должно охватываться рамками состава преступления, так как он является юридическим основанием уголовной ответственности.

Наука уголовного права содержит неоднозначные взгляды ученых на оценку особой жестокости. Одни авторы считают понятия «особая жесткость», «беспоощадность», «страдания», «мучения» аналогичными. В частности, О. В. Артюшина под «особой жесткостью» понимает только тяжкое преступление, которое совершается с причинением мучений и страданий потерпевшему, часто связанного с унижением человеческого достоинства [4, с. 8].

Любое посягательство на жизнь, половую неприкосновенность и половую свободу само по себе является жестоким, но несмотря на это уголовный закон выделяет «особую жесткость» в отдельную категорию. При применении к мучениям и истязаниям понятия «особая жесткость» законодатель уже выходит за рамки составов преступлений. А если связывать особую жесткость с беспощадностью, мучениями, страданиями, то данные признаки проявляются при совершении любого противоправного действия, даже совершенного без особой жесткости.

Другие авторы считают, что необходимо разграничивать понятие «жесткость» и «особая жесткость». И в основе разграничения данных понятий лежит как физические, так и психические особенности преступника и потерпевшего, внешние факторы, окружающие индивида. Н. В. Попова особую жесткость связывает с заведомо умышленным причинением жестокости другому человеку, когда преступник осознает, что своими действиями он причиняет другому человеку страдания и мучения [5, с. 35].

При рассмотрении точек зрения авторов, можно сделать вывод о том, что «особая жесткость» представляет собой умышленные действия или бездействия преступника, направленные на причинение особых страданий. Особая жесткость охватывается тремя обязательными составляющими: способом совершения преступления, безжалостностью и бесчеловечностью личности преступника и особо тяжкими последствиями.

Рассмотрим пример из судебной практики. При вынесении апелляционного определения Пятый апелляционный суд общей юрисдикции действия П. квалифицировал по п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Так как установлено, что П. заведомо зная, что А. находится дома и спит, поджег дом и перерыл А. возможность выбраться из дома через единственный выход, так как подпер дверь неустановленным предметом и дождавшись, когда огонь разгорится скрылся с места преступления. Таким образом, П. предпринял действия, которые направлены на причинение смерти А. путем ее сожжения заживо и осознавая, что она не сможет выбраться из дома и будет испытывать особые страдания и мучения. Также суд указывает, что для признания убийства совершенным с особой жесткостью необходимо установить, что умысел виновного охватывалось совершение убийства с особой жесткостью. А также способ совершения преступления заведомо для виновного связан с причинением потерпевшему особых страданий [6].

Нередко употребляемым иным обстоятельствам, подтверждающим проявление особой жестокости, не всегда уделяется необходимое внимание. В связи с тем, что единственное основание уголовной ответственности – состав преступления, то к иным обстоятельствам следует относить факультативные признаки объективной стороны: место, время, средства и орудия преступления. Подобный подход, по мнению Е. В. Серегиной, может способствовать унификации рассмотрения уголовных дел, связанных с совершением преступлений с особой жестокостью, а также устранению спорных вопросов ее оценки в науке уголовного права [7, с. 489].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в науке уголовного права, а также правоприменительной практике существуют различные варианты толкования термина «особая жесткость». В результате сделан вывод о том, что в целях правильной квалификации преступных деяний, назначения справедливого и обоснованного наказания при оценивании преступлений, совершенных с особой жесткостью, необходимо определение понятия «особая жесткость» закрепить на законодательном уровне.

Список литературы:

1. Серегина Е. В., Казанова Т. А. Сложности уголовно-правовой оценки признаков преступления, совершенных с особой жесткостью // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. – 2018. – №5-2. – С.269-272.
2. Кудрявцев В. Н. *Причины правонарушений: монография*. – М.: Норма: ИНФРАМ, 2022. – 288 с.
3. Алкаев Д. М., Зыков Д. А. *Особая жесткость как оценочная категория* // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. – 2020. – №12. – С. 18-21.
4. Артюшина О. В. *Убийство с особой жесткостью: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореферат дисс... к.ю.н.* / Артюшина Ольга Викторовна; [Место защиты: Нижегород. акад. МВД России]. – Нижний Новгород, 2011. – 25 с.
5. Попова Н. П. *Проблемы квалификации убийства, совершенного с особой жесткостью* // *Проблемы социально-экономического развития Сибири*. – 2011. – №4 (6). – С. 26-38.
6. *Апелляционное определение Пятого Апелляционного суда общей юрисдикции от 28.07.2022 г. по уголовному делу №55-484/2022*. – URL https://5ap.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=1673117&delo_id=4&new=4&text_number=1 (дата обращения 31.10.2023).
7. Серегина Е.В. *Трудности юридической оценки особой жесткости как квалифицирующего признака преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности*. В сб.: *Наука и общество – 2019. Материалы международной научной конференции / Под ред. Н. Б. Осипян, М. А. Дмитриевой, М. И. Жбанниковой*. – М.: Московский университет им. Витте, 2019. – С. 486-489.

УДК 343.13

ПРОБЛЕМЫ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ И ДОКАЗЫВАНИЯ В СУДЕ

*Великохацкая Дарья Владимировна,
магистрант 3 курса юридического факультета
Ростовского филиала ФГБОУ ВО
«Российский государственный университет правосудия»*

*Научный руководитель: Палиев Владимир Борисович,
к.пед.н., доцент, доцент кафедры уголовно-процессуального права
Ростовского филиала ФГБОУ ВО
«Российский государственный университет правосудия»*

***Аннотация:** В статье на основе анализа различных точек зрения рассмотрена актуальная проблема, связанная с отсутствием в действующем законодательстве положений об электронных доказательствах. В результате исследования сделан вывод о необходимости закрепления в ч. 2 ст. 74 УПК РФ понятия электронного доказательства.*

***Ключевые слова:** уголовный процесс, электронное доказательство, бремя доказывания, стандарт доказывания, цифровизация.*

PROBLEMS OF EVIDENCE AND EVIDENCE IN COURT

*Velikokhatskaya Darya Vladimirovna
Scientific supervisor: Paliev Vladimir Borisovich*

***Abstract:** The article, based on an analysis of various points of view, examines a problem that is relevant for our time, associated with the lack of regulation of provisions on electronic evidence in the current legislation. As a result of the study, it was concluded that it is necessary to consolidate in Part 2 of Art. 74 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, the concept of electronic evidence.*

***Keywords:** criminal process, electronic evidence, burden of proof, standard of proof, digitalization.*

Положения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) регламентируют, что в качестве доказательств по уголовному делу в суде могут выступать любые сведения, в соответствии с которыми он может установить наличие или же отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по соответствующему делу [1].

Так, законодателем в перечень доказательств включены следующие: показания обвиняемого, показания потерпевшего и свидетелей, заключения и показания эксперта и специалиста, вещественные доказательства, протоколы следственных и судебных действий, а также иные документы.

Однако несмотря на изложенное, на практике зачастую возникают проблемы в процессе определения круга доказательств, которые могут быть положены в основу приговора суда. Кроме того, правоприменительная практика указывает и на существование проблемы распределения бремени доказывания в уголовном процессе. Рассмотрим данные проблемы более подробно.

Учитывая то, что для XXI в. характерно стихийное развитие информационных технологий, а также повсеместное внедрение цифровизации, оказывающих влияние на современную действительность (в том числе, экономическое, политическое и правовое пространство), проблему доказательств в уголовном процессе актуальным представляется рассмотреть на примере электронных доказательств.

На сегодняшний день понятие «электронное доказательство» не имеет легального определения. При этом вопрос о его регламентации является дискуссионным в правовой доктрине.

Так, сформулировано две точки зрения, которые противоположны друг другу, а именно:

– регламентация понятия необходима, так как сведения, которые составляют содержание электронного документа, носят неоднозначный характер [2, с. 121];

– регламентация понятия не нужна, так как это не будет способствовать разрешению имеющихся на практике проблем и споров, касающихся применения электронных доказательств в уголовном процессе ввиду того, что их применение по способу доказывания не отличается от иных доказательств, регламентированных в УПК РФ [3, с. 11].

Безусловно, нужны в том, чтобы регламентировать все признаки в законодательном определении понятия «электронное доказательство», нет, что предопределено стихийным развитием современных технологий, а

также отсутствием указания на характер и признаки сведений, составляющих понятие «доказательства» в целом, легальное определение которого в законодательстве имеется. Однако значимым представляется разрешение вопроса о непосредственной процессуальной процедуре, которая предопределяла бы придание электронным сведениям статуса доказательств.

Вышеизложенное поднимает проблему допустимости в качестве доказательств электронных сведений, которые в рамках уголовного дела облекаются в форму доказательств. При этом, следует отметить, что теория уголовно-процессуального права закрепляет ряд критериев, в соответствии с которыми доказательство может быть признано допустимым. К ним относят следующие: получение сведений надлежащим субъектом, надлежащий источник информации, надлежащий способ получения сведений, а также надлежащее процессуальное оформление сведений [4, с. 34].

Соответственно, можно сделать вывод, что при признании электронных сведений в качестве доказательств, их также необходимо проверять на соответствие вышеназванных критериев.

Следует отметить, что в научных кругах также имеет место быть дискуссия относительно самостоятельности электронных сведений как доказательств. С точки зрения одной группы исследователей, они являются вещественными доказательствами, обладающими определенной спецификой. Другие же отмечают, что это самостоятельный инструмент доказывания.

Так, например, Л.Б. Краснова относится ко второй группе исследователей. Она отмечает, что электронные доказательства – это доказательства производные, так как, как правило, первоначальные вещественные доказательства заменяются в процессе на копии, обладающие признаками оригинала [5, с. 117]. Однако в практической деятельности электронные доказательства не всегда выступают в качестве копий, зачастую они представляют собой оригинальные сведения, которые были сформированы в цифровом виде.

Что касается ранее указанной позиции первой группы исследователей, следует отметить, что они относят электронные доказательства к «иным документам», регламентированным законодателем в качестве доказательств в УПК РФ. Однако представляется, что не всегда сведения, имеющие место быть в киберпространстве, можно отнести к документам, так как доказыванию зачастую подлежат обстоятельства,

которые могут быть удостоверены исключительно сведениями, отраженными, например, в личных сообщениях в социальных сетях.

Таким образом, основываясь на актуальности электронных доказательств, которая предопределена тем, что они способны предоставить большой объем информации, имеющей значение для производства по уголовному делу, а также на повсеместном распространении цифровизации в современном мире, необходимым представляется внести электронные доказательства в перечень доказательств, отраженных в ч. 2 ст. 74 УПК РФ.

Кроме того, в целях выявления и закрепления сущности электронных доказательств необходимо также регламентировать легальное определение данного понятия в ст. 5 УПК РФ.

Список литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в актуальной редакции) // Собрание законодательства РФ. – 24.12.2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

2. Балашова А.А. К вопросу о понятии «Электронное доказательство» // Закон и право. – 2018. – № 6. – С. 120-122.

3. Пастухов П.С. Доктринальная модель совершенствования уголовно-процессуального доказывания в условиях информационного общества: монография. – М.: Юрлитинформ, 2020. – 347 с.

4. Владимировна К.И. Критерии допустимости доказательств в уголовном процессе // Вестник науки и образования. – 2021. – № 4-1 (107). – С. 34-36.

5. Краснова Л.Б. Электронные носители информации как вещественные доказательства // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. – 2013. – № 4-2. – С. 117-121.

© Д.В. Великохацкая, 2023.

УДК 343.2

СПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК ПРИНЦИП УГОЛОВНОГО ПРАВА

*Гуагов Абрек Русланович,
магистрант 2 курса юридического факультета
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»*

*Научный руководитель: Фаргиев Ибрагим Аюбович,
д.ю.н., профессор, профессор кафедры уголовного права
Ростовского филиала ФГБОУ ВО
«Российский государственный университет правосудия»*

***Аннотация:** в статье анализируется один из принципов уголовно права – справедливость. Отмечается, что на сегодняшний день существуют ряд проблем его правового регулирования и практики применения. Так, в законодательстве не содержится понятия справедливости и критериев ее определения.*

***Ключевые слова:** уголовное право, закон, справедливость, критерии, назначение наказания.*

JUSTICE AS A PRINCIPLE OF CRIMINAL LAW

*Guagov Abrek Ruslanovich
Scientific supervisor: Fargiev Ibragim Ayubovich*

***Abstract:** the article analyzes one of the principles of criminal law – justice. It is noted that today there are a number of problems in its legal regulation and practice of application. Thus, the legislation does not contain the concept of justice and the criteria for its definition.*

***Keywords:** criminal law, law, justice, criteria, sentencing.*

Уголовный кодекс Российской Федерации содержит ряд принципов, среди которых присутствует важный с точки зрения этики принцип справедливости. Ст. 6 УК РФ регламентирует 2 основных положения данного принципа в уголовном праве. Первое заключается в том, что

наказание или иные уголовно-правовые меры, применяемые к виновному, должны нести справедливый характер, что подразумевает соответствие вынесенного наказания характеру преступления, его обстоятельствам и его общественной опасности, а также личности виновного. Второе раскрывает принцип справедливости еще шире – уголовная ответственность не может быть применена к виновному дважды за одно и то же преступное деяние. Таким образом, ч. 2 ст.6 УК РФ отражает ст. 50 Конституции РФ, которая исключает повторное осуждение за одно и то же преступление. Поэтому принцип справедливости, закрепленный в УК РФ, воплощает в себе конституционные идеи.

Говоря о принципе справедливости, целесообразно отметить, что данный принцип сформировался исторически. Идея справедливости в принципе является одним из выражений нравственного сознания человека, а сама справедливость отражает социальную сущность людей. Понятие справедливости появилось исключительно из социальных отношений, возникнув в процессе общественно-трудовой практики в обществе на определенном этапе его развития. При этом справедливость является одной из наиболее значимых социально-этических и морально-правовых категорий. Кроме того, «справедливость» является достаточно сложной философской категорией. К ней обращаются в тех случаях, когда по тем или иным причинам появляется необходимость в нормировании поведения членов общества или разрешении конфликтных ситуаций. Именно поэтому принцип справедливости является не только принципом уголовного права – это всеобщий принцип, применимый к любому нормативному регулированию социальных отношений.

Следует отметить, что принцип справедливости в уголовном праве применим не только к категории «наказание» – справедливость применяемого закона или другого нормативного акта также является составляющей принципа справедливости. Не только вынесенный вердикт и назначенное наказание должны быть справедливыми и не нарушать конституционных прав, но и сами законы, на которых основано это наказание, должны быть справедливы и соответствовать конституционным нормам.

Однако, наиболее основополагающим положением принципа справедливости в УК РФ принято считать справедливость наказания. А это значит, что реализация принципа справедливости должна осуществляться непосредственно при государственном контроле в области соблюдения норм и правил действующей в РФ правовой базы. При условии их соблюдения будет существовать гарантия справедливого наказания, что

приведет к повышению авторитета уголовной системы государства и УК РФ, в частности. Это будет означать повышение доверительности граждан к правовой системе РФ в целом.

Актуальность закрепления принципа справедливости в уголовном праве имеет широкое значение и на сегодняшний день заключается в том, что без закрепления основополагающих принципов не может обойтись ни один правовой институт, ни одна правовая отрасль. Это обосновывается еще и тем, что только с их помощью закладываются общие правила поведения членов общества, а также проявляется понимание норм права, которые формировались ни один век социальной и общественно-исторической практикой.

Несмотря на такое значение принципа справедливости, на сегодняшний день существуют ряд проблем его правового регулирования и практики применения. Так, в законодательстве не содержится понятия справедливости и критериев ее определения.

В отечественной уголовно-правовой доктрине нет единого взгляда на определение содержания справедливости, в связи с чем в научных работах содержится множество точек зрения на содержание справедливости вообще и справедливости как цели наказания в частности.

Так, В.И. Тихонов рассматривает принцип справедливости «как основополагающее начало деятельности, целью которой является создание конечного результата, к которому стремится эта деятельность» [1, с. 147].

И.В. Чечельницкий, в свою очередь, относит к принципу справедливости положения ч. 2 ст. 43 УК РФ (наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осуждённого и предупреждения совершения новых преступлений) [2, с. 100].

Прогрессивными концепциями понимания принципа справедливости, можно считать воззрение А.И. Чучаева. А.И. Чучаев утверждает, что «уголовно-правовое содержание принципа справедливости раскрывается через совокупность следующих требований: справедливость криминализации деяний, справедливость пенализации преступлений, справедливость привлечения к уголовной ответственности, справедливость назначения и реализации наказания и иных мер уголовно-правового характера» [3, с. 176]. Если провести некую классификацию указанных требований, ясно, что принцип справедливости, по мнению А.И. Чучаева, ориентирован в первую очередь на правильное применение и статей Особенной части УК РФ в отношении конкретного лица, и грамотную квалификацию преступных деяний в соответствии с

конкретными обстоятельствами уголовного дела, а уж в последнюю очередь является основным началом назначения наказания.

В продолжении изложенных воззрений также выделим позиции понимания принципа справедливости О.Н. Городновой и В.Е. Суденко. О.Н. Городнова оперирует принципом справедливости в контексте его универсальности ко всему УК РФ. Согласно этому мнению, «необходимо анализировать, критически оценивать и совершенствовать нормативную и уголовно-правовую практику на предмет справедливости закона и наказания, а значит предопределять уголовную политику» [4, с. 145]. Рассматривая принцип справедливости В.Е. Суденко отмечает, что «справедливость в уголовном праве выражается через справедливость уголовного закона. Таким образом, В.Е. Суденко указывает на всеобъемлющий характер принципа справедливости. Однако учёный выделяет некоторый перекося в целом ряде норм Особенной части УК РФ в сторону необоснованного усиления охраны интересов преступников за счёт умаления естественных прав потерпевших» [5, с. 76].

Список литературы:

1. Тихонов В. И. Принцип справедливости в уголовном праве и его содержание // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. – 2017. – Т. 27. вып. 6. – С. 145-149.
2. Чечельницкий, И. В. Принцип справедливости в российском праве // Социально-экономические явления и процессы. – 2014. – Т. 9. – № 7. – С. 100-104.
3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под ред. Чучаева А.И. – М.: Контракт, 2019. – 624 с.
4. Городнова, О. Н. Справедливость уголовного закона и наказания: законодательство и практика // Пробелы в российском законодательстве. – 2011. – № 1. – С. 143-147.
5. Суденко, В. Е. Принцип справедливости в уголовном законодательстве // Вестник Ассоциации вузов туризма и сервиса. – 2010. – № 1. – С. 75-82.

© А.Р. Гуагов, 2023.

УДК 343

**ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ СОВРЕМЕННЫМ ФОРМАМ
ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ**

*Гукасян Эвелина Гукасовна,
магистрант 2 курса
Ростовского института (филиала)
«Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России)» в г. Ростове-на-Дону*

*Научный руководитель: Бабенко Светлана Владимировна,
к.ю.н., доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики
Ростовского института (филиала)
«Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России)» в г. Ростове-на-Дону*

***Аннотация:** В статье рассматриваются особенности осуществления предварительного следствия по уголовным делам о преступлениях, совершаемых организованными группами. Основываясь на общетеоретических методах исследования, посредством проведенного анализа правоприменительной практики, автор приходит к выводу о необходимости повторно вернуться к вопросу рассмотрения проекта закона о противодействии организованной преступности, а также внести изменения в уголовно-процессуальное законодательство в целях его систематизации и восполнения пробелов в названной сфере.*

***Ключевые слова:** организованная преступность, преступное сообщество, правоохранительные органы, противодействие, органы предварительного расследования.*

**PROBLEMATIC ASPECTS OF STATE COUNTERACTION
TO MODERN FORMS OF ORGANIZED CRIME**

*Gukasyan Evelina Gukasovna
Scientific adviser: Babenko Svetlana Vladimirovna*

Abstract: *The article discusses the features of the preliminary investigation in criminal cases of crimes committed by organized groups. Based on the general theoretical methods of research, through the analysis of law enforcement practice, the author comes to the conclusion that it is necessary to revisit the issue of considering the draft law on combating organized crime, as well as to amend the criminal procedure legislation in order to systematize it and fill in the gaps in this area.*

Keywords: *organized crime, criminal community, law enforcement agencies, counteraction, preliminary investigation bodies.*

Глобализация общества, имеющая множество положительных аспектов, в полной мере позволила нарастить потенциал преступности, в частности, организованной, которая на сегодняшний день носит статус транснациональной, чем деструктивно воздействует на стабильность мирового сообщества и оказывает угрозу национальным интересам каждого государства. В России противодействие организованной преступности является одним из приоритетных направлений уголовной политики и несет за собой целый арсенал уголовно-правовых и процессуальных средств.

Статданные Генпрокуратурой РФ, свидетельствуют о том, что за январь – декабрь 2022 года выявлено более 13 тыс. лиц, а за аналогичный период 2021 года немногим менее 12 тыс. лиц, совершивших преступления в составе организованной группы или преступного сообщества, что наглядно подтверждает существование вышеуказанной проблемы, не утратившей актуальность и на сегодняшний день [1]. Данная статистика свидетельствует о положительных результатах деятельности правоохранительных органов по изобличению виновных лиц. Вместе с тем, в условиях трансформации социально-политического пространства организованный криминал лишь укрепляет свое положение на государственной арене и не теряет характер латентности, тем самым, препятствуя прямому осуществлению деятельности государства по противодействию данному явлению и привлечению виновных лиц к ответственности.

На сегодняшний день в судебной системе проводится комплекс мер, направленных на совершенствование системы правосудия, а также усиления гуманизации уголовного законодательства и правоприменительной практики. В связи с этим, отмечается тенденция к снижению обвинительных приговоров, что весьма противоречиво и

неоднозначно оценивается исследователями [2, с. 1-4]. Безусловно, определяющей функцией правосудия является вынесение законных и обоснованных решений, и повышение количества оправдательных приговоров вовсе не означает, что суд выполняет «план» по выравниванию выносимых решений. Проведя обзор судебной практики в рамках нашего исследования, наибольший интерес вызвали показатели судимости за 1 полугодие 2023 года по ст. 210 УК РФ, предусматривающей ответственность за организацию преступного сообщества (преступной организации) и (или) участия в ней. По сравнению с показателями предыдущих лет, количество обвинительных приговоров по данной статье снизилось. Так, количество осужденных по ч. 1, ч. 2, ч. 3 ст. 210 УК РФ составляет 86 лиц, при этом осужденных по дополнительной квалификации с вынесением обвинительного приговора по ч. 1 и ч. 3 ст. 210 УК РФ – 124 лица [3].

Наибольший интерес вызывает факт количества лиц, оправданных по дополнительной квалификации: по ч. 1 ст. 210 УК РФ – 26 лиц, по ч. 2 ст. 210 УК РФ – 117 лиц. В сравнении с показателями первого полугодия 2022 года текущие результаты заметно возросли в оправдании лиц по ч. 2 ст. 210 УК РФ. Данный показатель по указанной части статьи составляет итог в осуждении 85 лиц [3]. Возникает вопрос: с чем связано повышение уровня оправдательных вердиктов по статье, предусматривающей ответственность за особо тяжкое преступление – несовершенство законодательства или некомпетентность правоохранительных органов?

Безусловно, специфика расследования преступлений, совершаемых в составе преступного сообщества (преступной организации), требует более тщательного подхода к построению стратегии расследования. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2012 № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» (далее – Постановление Пленума ВС РФ № 12), казалось бы, достаточно подробно разъясняет сущность данного явления, рассматривая его через призму характеризующих признаков, позволяющих разграничить данную форму соучастия от иных форм, тем самым выступая вспомогательным инструментом для правоприменительной деятельности.

Тем не менее, выработанный Постановлением Пленума ВС РФ № 12 подход к пониманию указанного явления в правоприменении не всегда справляется с поставленными задачами, сталкиваясь с определенными сложностями в доказывании таких признаков преступного сообщества как

структурированность, устойчивость связей, распределение ролей и т.д., и как следствие, влияет на выносимые судом решения.

Так, Т.Г.Р., обладающий лидерскими качествами и организаторскими способностями, отбывающий (в момент совершения рассматриваемого деяния) наказание в уголовно-исправительном учреждении, в сентябре 2017 года сформировал преступное сообщество (преступную организацию), целью которого являлась реализация транспортных средств посредством рассрочки иным лицам, с использованием поддельных документов при составлении фиктивных долговых расписок о возможном возврате денежных средств. Разработав преступный план, Т.Г.Р. вовлек в преступный сговор П.С.В., Д.Р.В. и др., распределив между ними преступные роли. Указанные преступные действия и степень организованности между участниками суд признал не относящимися к высокоорганизованному преступному сообществу. Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам приговор в части оправдания по ст. 210 УК РФ оставлен без изменения [4].

Уголовное дело, возбужденное в отношении Т.Г.Р., как организатора и руководителя данной преступной группы, выделенное в отдельное производство, рассматривалось районным судом, который признал виновность последнего в совершении преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 159 (4 эпизода), ч. 2 ст. 327, ч. 1 ст. 210 УК РФ. Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам осуждение Т.Г.Р. по ст. 210 УК РФ оставлено без изменения. Однако пятый кассационный суд общей юрисдикции отменил упомянутые нами приговор и апелляционное определение в части осуждения по ч. 1 ст. 210 УК РФ и прекратил производство по делу за отсутствием состава преступления на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ ввиду диаметрально противоположных выводов суда относительно установления обстоятельств одного и того же преступного сообщества [5]. Безусловно, судебная практика в части оправдания по ст. 210 УК РФ в настоящее время значительно пополнилась.

Обобщая вышесказанное, следует сделать вывод о том, что на сегодняшний день деятельность правоохранительной системы в полной мере не справляется с задачами по противодействию организованной преступности, которая наглядно отражается на даче юридической оценки содеянного. Так или иначе, это следует связать со скудной законодательной базой в этой области и, как следствие, вытекающим несовершенством самой системы правопорядка. В настоящее время само понятие преступного сообщества (преступной организации) закреплено лишь в ч. 4 ст. 35 УК РФ. Постановление Пленума ВС РФ от 10.06.2012

№ 12, хоть и развернуто разъясняет принципы правовой оценки данного явления, с тех пор не дополнялся. В нынешних условиях, современные формы организованной преступности, проникая во все уровни власти и лоббируя свои корыстные интересы, укрепляют свой латентный характер и становятся все менее уязвимее перед лицом государства, что порождает трудности при противодействии данному явлению.

Обзор судебной практики по исследуемой категории уголовных дел наглядно подтверждает это суждение. Скудный комплекс государственных мер по противодействию организованной преступности, приобретшей статус транснациональной, по-прежнему оставляет за собой возможность дальнейшего проникновения организованной преступности во все сферы общества и государства. В связи с этим, полагаем, что вышеуказанное постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2012 № 12 нуждается в доработке. Для более тщательного уяснения, постановление необходимо дополнить более подробным толкованием признака структурированности и его проявлениях в организованной группе и преступном сообществе, а также дополнительными обстоятельствами, подлежащими доказыванию этого признака, которые позволят более четко разграничить данное разделение в связи с имеющимися трудностями на практике.

Кроме того, во избежание ошибок, возникающих при производстве расследования уголовных дел такой направленности, целесообразно внести изменения в УПК РФ, дополнив раздел 17 главой, содержащей положения, определяющей особенности производства уголовных дел по преступлениям, совершаемым организованными группами. Данная глава включала бы в себя нормы, закрепляющие обстоятельства, подлежащие доказыванию, меры обеспечения безопасности свидетелей, потерпевших и иных участников уголовного судопроизводства при осуществлении стадии предварительного расследования и пр.).

С целью систематизации законодательной базы в области противодействия организованной преступности, считаем необходимым повторно рассмотреть вопрос о внесении в Государственную Думу Российской Федерации проекта Федерального закона «О противодействии организованной преступности», что позволит обеспечить комплексный подход к данному явлению. В названном Законе должны быть закреплены положения о понятии организованной преступности, организационных основах противодействия данному явлению, включая положения об органах, осуществляющих борьбу с организованной преступностью, их полномочиях, а также положения, затрагивающие осуществление ОРД в

этой области и особенности предоставления результатов проведенных ОРМ, а также меры по предупреждению легализации незаконно получаемых денежных средств и имущества и т.д.

Вместе с тем, эффективность имеющихся законодательных резервов зависит от качества их применения на практике, что вызывает необходимость в возрождении ликвидированного в 2008 году Управления по борьбе с организованной преступностью, в качестве особенного субъекта, позволяющего сосредоточить государственный арсенал в рамках единого и относительно самостоятельного подразделения. Прогрессирующее общество и государство, безусловно, оказывает положительное влияние на все сферы жизнедеятельности, но вместе с тем выступает и рычагом укрепления неуязвимости преступного мира перед имеющимся государственным противостоянием. Ряд предлагаемых нами мер позволит повысить эффективность осуществляемой правоохранительными органами деятельности по противодействию данному явлению в современных реалиях.

Список литературы:

1. Показатели преступности России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://crimestat.ru> (Дата обращения: 28.10.2023).
2. Куликов В. Суд в оправдание // Российская газета. – 24 июля 2023. – № 161 (9106). – С. 1-4.
3. Судебный департамент при Верховном Суде РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.cdep.ru> (28.10.2023).
4. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Ставропольского краевого суда от 19.07.2021 по делу № 22-3514/2021 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://kraevoy--stv.sudrf.ru> (30.10.2023).
5. Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 30.05.2022 по делу № 77-1056/2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://5kas.sudrf.ru> (30.10.2023).

© Э.Г. Гукасян, 2023

УДК 343.131

**ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА
СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ В СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ
УГОЛОВНОГО ДЕЛА**

*Дыбаль Никита Владимирович,
магистрант 3 курса юридического факультета
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»*

*Научный руководитель: Коблева Мария Мухадиновна,
к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовно-процессуального права
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»*

Аннотация: в статье исследуются вопросы реализации принципа состязательности сторон в стадии возбуждения уголовного дела. Определяется, что все составляющие принципа состязательности сторон находят свое проявление в стадии возбуждения уголовного дела, но при этом обнаруживается ряд проблем. Вносится предложение о закреплении в УПК РФ процессуального статуса заявителя о преступлении и лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, что будет способствовать реализации принципа состязательности в стадии возбуждения уголовного дела в большем объеме и устранению нарушений данного принципа.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, принцип, состязательность, стороны, стадия возбуждения уголовного дела.

**PROBLEMS OF IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE
OF ADVERSARY AT THE STAGE OF INSTITUTION
OF CRIMINAL CASE**

*Dybal Nikita Vladimirovich,
Scientific adviser: Kobleva Maria Mukhadinovna*

Abstract: the article examines the implementation of the principle of adversarial behavior of the parties at the stage of initiating a criminal case. It is

determined that all components of the adversarial principle of the parties find their manifestation at the stage of initiating a criminal case, but a number of problems are discovered. A proposal is being made to consolidate in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation the procedural status of the applicant about a crime and the person in respect of whom the report of a crime is being verified, which will contribute to the implementation of the principle of adversarial behavior at the stage of initiating a criminal case to a greater extent and the elimination of violations of this principle.

Keywords: *criminal proceedings, principle, adversarial nature, parties, stage of initiating a criminal case.*

Обязательным признаком любого демократического и правового государства является обеспечение принципа состязательности в любом виде судопроизводства. Конституция Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации устанавливают, что «Судопроизводство осуществляется на основе состязательности» [1]. Кроме того, о состязательности уголовного судопроизводства говорят и высшие судебные инстанции. Так, согласно Определения Верховного Суда Российской Федерации от 14 марта 2013 г. № 69-Д13-7: «В соответствии с требованиями закона уголовное судопроизводство осуществляется на основе состязательности сторон. При этом суд создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления, предоставленных им прав» [2].

Несмотря на провозглашение принципа состязательности, по сегодняшний день в теории и правоприменительной практике не утихают дискуссии, связанные с проявлением данного принципа на разных стадиях уголовного процесса, в первую очередь, в стадии возбуждения уголовного дела.

Как известно, стадия возбуждения уголовного дела является начальной, первой стадией уголовного судопроизводства, с которой начинается все производство по уголовному делу. Содержание данной стадии состоит в том, что уполномоченное должностное лицо получает сообщение о преступлении, регистрирует его, после чего данное сообщение проверяется на предмет наличия признаков преступления. Анализ положений УПК РФ свидетельствует о том, что все составляющие принципа состязательности сторон находят свое проявление в стадии возбуждения уголовного дела, но при этом обнаруживается ряд проблем.

Так, согласно ч. 1 ст. 125 УПК РФ «постановления органа дознания, дознавателя, следователя, руководителя следственного органа об отказе в возбуждении уголовного дела, ...могут быть обжалованы в районный суд по месту совершения деяния, содержащего признаки преступления» [3]. А ч. 4 ст. 148 УПК РФ устанавливает, что «копия постановления об отказе в возбуждении уголовного дела в течение 24 часов с момента его вынесения направляется заявителю ... При этом заявителю разъясняются его право обжаловать данное постановление и порядок обжалования» [3].

При проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь и руководитель следственного органа согласно п. 47 ст. 5 УПК РФ являются представителями стороны обвинения и выполняют одноименную функцию, которая состоит в собирании, проверке и оценке доказательств способами, которые предусмотрены УПК РФ согласно предоставленных им полномочий. Основное назначение их деятельности – это проверка наличия или отсутствия оснований для возбуждения уголовного дела.

В стадии возбуждения уголовного дела также присутствует и суд, участие которого необходимо, как гласит п. 4 ч. 2 ст. 29 УПК РФ, для принятия решения «о производстве осмотра жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц», когда данное жилище является местом совершения преступления. Кроме того, суд появляется в данной стадии, в случае обжалования решений «об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела, а равно иные действия (бездействие) и решения, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию» [3]. Т.е. в стадии возбуждения уголовного дела суд выступает как гарант защиты конституционных прав и свобод.

Из содержания приведённых статей следует, что на этапе проверки сообщения о преступлении появляются стороны уголовного судопроизводства.

К сожалению, уже в этой стадии начинают происходить нарушения принципа состязательности. Так, право на обжалование постановления об отказе в возбуждении уголовного дела отсутствует у лица, в отношении которого такая проверка проводилась, что свидетельствует об ущемленном положении данного лица как участника стороны защиты. Однако, Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» в абз. 2 п. 2 разъясняет следующее: «судебному обжалованию в соответствии с частью 1 статьи

125 УПК РФ подлежат иные решения и действия (бездействие) должностных лиц, принятые (совершенные) на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, если они способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства или иных лиц, чьи права и законные интересы нарушены, либо могут затруднить доступ граждан к правосудию. К иным решениям и действиям (бездействию), способным причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства, следует относить, например: постановления дознавателя, следователя и руководителя следственного органа о возбуждении уголовного дела» [4].

Считаем, что для устранения выявленных проблем и противоречий, в УПК РФ необходимо ввести процессуальный статус заявителя о преступлении и лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении. В связи с чем, предлагаем в УПК РФ:

– в ст. 144 УПК РФ добавить часть 6.1. следующего содержания:

«Заявителем о преступлении является лицо, обратившееся в органы расследования с заявлением о преступлении.

Заявитель о преступлении вправе:

а) ходатайствовать о предоставлении переводчика и пользоваться помощью переводчика бесплатно;

б) ходатайствовать о применении мер безопасности в соответствии с частью третьей статьи 11 настоящего Кодекса;

в) получать информацию о ходе и результатах проверки заявления о преступлении;

г) принимать участие в процессуальных действиях, проводимых в рамках проверки заявления о преступлении и затрагивающих его интересы, пользуясь при этом правами подозреваемого, обвиняемого.

Заявитель о преступлении не вправе:

1) уклоняться от явки по вызову дознавателя и следователя;

2) разглашать данные, ставшие ему известными в связи с подачей заявления и производимой по нему проверкой, если он был об этом заранее предупрежден в порядке, установленном статьей 161 настоящего Кодекса;

– ввести ст. 144.1 УПК РФ под названием «Лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении» следующего содержания:

«1. Лицом, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, является:

а) лицо, обратившееся в органы расследования с заявлением о явке с повинной;

б) лицо, в отношении которого проводится проверка в связи с подачей заявления о преступлении.

2. Лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, пользуется всеми правами подозреваемого, закреплёнными в части 4 статьи 46 настоящего Кодекса».

Следует отметить, что в большей мере элементы состязательности проявляются в случае возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица, когда сторона обвинения в лице следователя или дознавателя осуществляет от имени государства уголовное преследование подозреваемого с целью его изобличения в совершении преступления. Подозреваемый, как участник стороны защиты наделен широким кругом процессуальных прав, закреплённых в ст. 46 УПК РФ, которыми он защищается от обвинения. Одним из таких прав является участие защитника. Следует отметить, что со вступлением в дело защитника стадия возбуждения уголовного приобретает следующие черты состязательности:

– следователь или дознаватель, которые осуществляют проверку сообщения о преступлении, утрачивают единоличный характер своей деятельности со вступлением в дело защитника;

– пока в стадию возбуждения уголовного дела не вступит защитник, от следователя или дознавателя зависят выбор способа проверки сообщения о преступлении, а также выдвижение, подлежащих проверке версий;

– к деятельности по собиранию, проверке и оценке доказательств следователя или дознавателя присоединяется и защитник.

Таким образом, в стадии возбуждения уголовного дела находит реализацию принцип состязательности, т.к. на данной стадии происходит разделение функций обвинения и защиты: следователь (дознаватель) проверяют сообщение о преступлении как представители стороны обвинения, а, с момента фактического задержания появляется подозреваемый и вместе с ним защитник, которые представляют сторону защиты. Кроме того, как решение о возбуждении уголовного дела, так и об отказе в возбуждении уголовного дела может быть обжаловано в суд, что говорит о том, что функция разрешения и рассмотрения уголовного дела находит отражение в стадии возбуждения уголовного дела. Состязательность сторон действует в стадии возбуждения уголовного дела, т.к. имеются все элементы данного принципа.

Однако, действующее уголовно-процессуальное законодательство содержит ряд положений, которые нарушают действие принципа состязательности в стадии возбуждения уголовного дела. Для устранения таких нарушений необходимо внести изменения в действующее уголовно-процессуальное законодательство. В первую очередь, в УПК РФ необходимо закрепить процессуальный статус заявителя о преступлении и лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении. По нашему мнению, такое дополнение уголовно-процессуального закона будет способствовать реализации принципа состязательности в стадии возбуждения уголовного дела в большем объеме и устранению выявленных нарушений данного принципа.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. [с учетом поправок] // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022.

2. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 14 марта 2013 г. № 69-Д13-7. – Документ опубликован не был

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СЗ РФ. 24.12.2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 4.

© Н.В. Дыбаль, 2023.

УДК 343.2/.7

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 196 УК РФ

*Дубовик Ольга Александровна,
магистрант 3 курса юридического факультета
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»*

*Научный руководитель: Демидченко Юрий Викторович,
к.ю.н., доцент кафедры уголовного права
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»*

Аннотация: В статье автором анализируются вопросы уголовного законодательства в сфере банкротства, выявляются основные проблемы при квалификации преступлений, предусмотренных статьей 196 УК РФ. Целью исследования является изучение и выделение основных особенностей преступлений в сфере банкротства, проведение анализа уголовных норм, предусматривающих ответственность за преднамеренное банкротство. Автором на основании проведенного анализа предлагаются пути совершенствования уголовного законодательства.

Ключевые слова: банкротство, преднамеренное банкротство, физические лица, юридические лица, крупный ущерб.

SEPARATE ISSUES OF QUALIFICATION OF THE CRIME PROVIDED FOR BY ARTICLE 196 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

*Dubovik Olga Alexandrovna
Scientific Supervisor: Demimdchenko Yuriy Viktorovich*

Abstract: In the article, the author analyzes the issues of criminal legislation in the field of bankruptcy, identifies the main problems in the qualification of crimes provided for in Article 196 of the Criminal Code of the Russian Federation. The purpose of the study is to study and highlight the main

features of crimes in the field of bankruptcy, to analyze criminal norms providing for liability for intentional bankruptcy. Based on the analysis, the author suggests ways to improve criminal legislation.

Keywords: *bankruptcy, intentional bankruptcy, individuals, legal entities, major damage.*

Сущность такого преступления, как преднамеренное банкротство, может быть выяснена при анализе диспозитивной части статьи 196 УК РФ. Объективная сторона данного преступления заключается в деяниях, которые влекут неплатежеспособность юридического лица или ИП (то есть, отсутствие способности к удовлетворению кредиторских требований или отсутствие способности к уплате обязательных платежей в силу объективных причин), в качестве последствий рассматривается крупный ущерб. Субъектом должен быть ИП, руководитель или учредитель юридического лица. Между действиями или бездействиями и наступившими опасными последствиями должна присутствовать причинно-следственная связь.

Сложности при квалификации такого рода преступлений, в основном, обусловлены тем фактом, что при определении объективной стороны (а именно, деяний) в качестве основы необходимо рассматривать нормы гражданского законодательства. [1, с. 139].

Так, ключевая сложность заключается в определении границы между правомерным и неправомерным поведением лица. [2, с. 77]. Согласно общим принципам гражданского законодательства, субъекты экономической деятельности свободны в осуществлении предпринимательства, и действуют исключительно самостоятельно. Иначе говоря, предприниматели могут участвовать в заключении любых договоров, брать кредиты на любые суммы и т.д.

При этом многообразии форм проявления экономической сферы общества ограничивает законодателя в установлении четких правил поведения для вышеупомянутых лиц.

Так, законодатель устанавливает лишь общие принципы предпринимательской деятельности, важнейшими из которых является принцип законности (иначе говоря, субъекты предпринимательской деятельности не должны нарушать прямые законодательные запреты), а также принцип добросовестности.

Определить пределы реализации принципа добросовестности и его соотношения с тем фактом, что предприниматели действуют в своих

интересах, а их деятельность направлена, прежде всего, на получение прибыли, довольно сложно.

С одной стороны, предприниматель должен учитывать интересы своих контрагентов по договорам (в том числе, по кредитным), не нарушать прав других лиц. При этом, на практике могут возникнуть проблемы. Как указывалось, в предыдущем подразделе, одним из способов реализации преднамеренного банкротства может стать закупка ресурсов по завышенным ценам, продажа ресурсов по заниженным, или взятие кредита, который субъект экономической деятельности заведомо не сможет погасить. Однако, как при квалификации деяний по статье 196 определить, действительно ли в данном случае лицо действовало недобросовестно, или же оно лишь не вполне удачно реализовывало принцип своей экономической свободы?

Для ответа на данные вопросы обратимся к материалам судебной практики, а также еще раз рассмотрим возможные способы реализации преступных с точки зрения статьи 196 УК РФ преступных деяний.

В рамках Постановления Правительства №855 [3]. указываются следующие примерные способы совершения преступления, предусмотренного статьей 196 УК РФ:

Заключение договоров на условиях, которые не являются соответствующими нормальным условиям рынка:

- по отчуждению имущества (за исключением отчуждения имущества на основании договора купли-продажи) с тем, чтобы заменить отчужденное имущество на имущество, которое нельзя реализовать с целью покрытия долгов;
- купля-продажа по ценам, не соответствующим рыночной цене;
- продажа имущества, без которого лицо не может осуществлять предпринимательскую деятельность и получать прибыль;

Несовершение необходимых действий с тем, чтобы взыскать задолженность дебиторского характера.

Если обобщить данные способы, то можно сказать, что должник совершает с целью создания состояния неплатежеспособности сделки, которые являются для него заведомо убыточными. При этом решение вопроса об убыточности основывается не столько на законодательных положениях, сколько на результатах экономико-финансового анализа, что так же затрудняет квалификацию действий или бездействия в качестве преступных с точки зрения положений статьи 196 УК РФ. Иначе говоря, необходимо анализировать конкретную ситуацию, чтобы принять решение о том, является ли встречное представление на основании сделки гораздо

менее стоящим, чем то, что делает в силу своих обязательств по сделке должник.

Легко оценить такие действия как неправомерные в случае, если одна сделка приводит к состоянию неплатежеспособности должника. Однако в случае, если должник планомерно и постепенно реализовывал преступные действия по приведению лица в состояние неплатежеспособности в течение нескольких лет, то оценить совокупность различных сделок как неправомерные может быть довольно сложным. [4, с. 69]. При этом судебная практика показывает, что по большей части неплатежеспособность возникает именно из-за деяний, реализация которых занимает длительный промежуток времени. Например, в деле, связанном с банкротством Открытого акционерного общества «Контур» состояние неплатежеспособности «накапливалось» 5 лет, в то время как в другом деле, рассмотренном Киселевским городским судом Кемеровской области – 3 года. [5, с. 139].

Некоторые авторы утверждают, что исключение из положений статьи 196 УК РФ положений о неплатежеспособности в 2005 году было не верным. [2, с. 77].

Так, действующая редакция данной статьи практически повторяет формулировки ФЗ о неплатежеспособности, при этом, вместо формулировок о судебной санкции как объективного признака состояния неплатежеспособности присутствует формулировка «заведомо влекущих». Иными словами, объективная сторона заключается в совершении деяний, заведомо влекущих состояние неплатежеспособности. Так, объективная сторона заключается в совершение влекущих неплатежеспособность деяний, крупного ущерба и наличия причинно-следственной связи между ними.

При этом ущерб может быть выражен в уменьшении стоимости имущества должника, в увеличении имущественных требований к нему, и иных результатов действий, которые препятствуют кредиторам в получении того, что им причитается из числа имущества должника в силу закона и договора. Некоторые авторы утверждают, что наличие санкционирования суда о признании лица несостоятельным облегчает установление ущерба. [2, с. 77]. Также в качестве замены судебного решения может рассматриваться экспертное решение, которое так же указывает на наличие состояния банкротства. Иные авторы указывают, что достаточно лишь наличия признаков, указывающих на банкротство, в то время как решение суда не является в данном случае необходимым условием.

Можно полагать, что решение суда в действительности не является в данном случае обязательным условием объективной стороны, поскольку диспозиция хоть и повторяет положения ФЗ о несостоятельности, указания на обязательность наличия такого решения не содержит. Иначе говоря, совершение деяний, которые ведут к наличию признаков неплатежеспособности и могут служить основанием для последующего признания лица неплатежеспособным посредством решения Арбитражного суда, уже сами по себе составляют признак объективной стороны преступления.

При этом суды, как правило, рассматривают решение суда в качестве существенного признака объективной стороны.

Еще одной сложностью квалификации деяний по статье 196 УК РФ является тот факт, что проведение проверки на наличия признаков фиктивного банкротства лежит на арбитражном управляющем, который может находиться в зависимости от преступника. [6, с. 81].

Субъективная сторона таких преступлений характеризуется прямым умыслом. Иначе говоря, лицо должно желать наступления состояния неплатежеспособности у себя (для ИП) или у подконтрольного юридического лица. Например, прямой умысел был у преступника Б. в деле, рассматриваемом вышеупомянутым Киселевским районным судом. В этом деле суд доказал, что виновный сознательно и целенаправленно действовал незаконно для того, чтобы извлечь прибыль, чем и причинил убытки кредиторам. [7].

Умысел играет важную роль при отграничении составов, предусматриваемых статьями 195 и 196 УК РФ. Так, умысел на создание состояния неплатежеспособности должен возникнуть до ее наступления с тем, чтобы действия квалифицировались по статье 196 УК РФ. Для того, чтобы действия квалифицировались по статье 195, неплатежеспособность должна возникнуть вне зависимости от умысла и действий лица, лицо же, после наступления недееспособности, должно умышленно препятствовать устранению состояния неплатежеспособности, усугублять ее и т.д.

Говоря о субъекте данного преступления, встает вопрос о возможности расширения перечня специальных субъектов и включения в данный перечень арбитражного управляющего.

Ученые по-разному подходят к решению данного вопроса:

– с одной стороны, управляющий назначается лишь после того, как состояния банкротства будет подтверждено судом, что исключает его умысел по созданию у лица состояния неплатежеспособности;

– с другой, он может усилить это состояние, то есть совершить действия, которые приведут к невозможности исполнения обязательств (что фактически попадает под признаки объективной стороны статьи 196 УК РФ). [8, с. 43].

Автор данного исследования полагает, что перечень субъектов все же должен быть дополнен в силу того, что в случае сокрытия арбитражным управляющим наличия признаков преднамеренного банкротства, он становится соучастником преступления по статье 196 УК РФ.

Список литературы:

1. Зинковский М. А. Преднамеренное банкротство в условиях национального экономического кризиса // Современное право. – 2015. – № 6. – С. 137-140.

2. Пивоварова Н. Н. Криминальные банкротства: проблемы уголовно-правового регулирования: дис... канд. юрид. наук / Н.Н. Пивоварова. – Ростов-на-Дону, 2010. – 229 с.

3. Постановление Правительства РФ от 27.12.2004 N 855 «Об утверждении Временных правил проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства» // Собрание законодательства РФ. 2004. № 52 (часть II). ст. 5519.

4. Морозова Ю. В. Неправомерные действия при банкротстве, преднамеренное и фиктивное банкротство по уголовному законодательству Российской Федерации: дис... канд. юрид. наук / Ю.В. Морозова. – Москва. 2010. – 245 с.

5. Литвинова Е. С. Уголовно-правовая характеристика криминального банкротства. дис... канд. юрид. Наук. – Томск. 2017. – 214 с.

6. Пылаева С. С. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика и предупреждение неправомерных действий при банкротстве, преднамеренного и фиктивного банкротства: дис... канд. юрид. наук / С.С. Пылаева. – Москва. 2003. – 184 с.

7. Справка от 14.02.2012 г. О практике рассмотрения судами Кемеровской области уголовных дел о неправомерных действиях в сфере банкротства (ст.ст. 195-197 УК РФ) [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

URL:

http://oblsud.kmr.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=145
(12.11.2023).

8. Карлов Г. В. Арбитражный управляющий как субъект преступлений, предусмотренных статьями 195-197 УК РФ (дискуссия)./Тюнин В.И., Цветкова С.А., Ярцев Р.В//«Арбитражная практика». – М.: б/и, 2008. – С. 12-16.

© О.А. Дубовик, 2023.

УДК 343.98

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ЛИЧНОСТИ ПО СЛЕДАМ КРОВИ И ДРУГИМ ОБЪЕКТАМ БИОЛОГИЧЕСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

*Житник Валерия Сергеевна,
студентка 4 курса юридического факультета
очной формы обучения
Ростовского филиала ФГБОУ ВО
«Российский государственный университет правосудия»*

*Научный руководитель: Рогова Инга Георгиевна,
старший преподаватель кафедры уголовно-процессуального права
Ростовского филиала ФГБОУ ВО
«Российский государственный университет правосудия»*

***Аннотация:** В научной статье человеческая личность рассматривается как главный объект исследования в процессе раскрытия, расследования и судебного разбирательства уголовных дел. Значительное внимание уделено исследованию биологических объектов организма человека, которые в результате судебно-биологических экспертиз позволяют раскрыть самые запутанные уголовные дела о тяжких и особо тяжких преступлениях. Центральным вопросом в статье является сбор материала для экспертизы, назначение и производство судебно-биологических экспертиз, объектов и материалов человеческого организма, анализ экспертной и судебной деятельности.*

***Ключевые слова:** следователь, специалист, судебная экспертиза, биологические объекты, ДНК анализ.*

IDENTIFICATION OF A PERSON BY TRACES OF BLOOD AND OTHER BIOLOGICAL OBJECTS

*Zhitnik Valeria Sergeevna
Scientific supervisor: Rogava Inga Georgievna*

***Abstract:** In the scientific article, the human personality is considered as the main object of research in the process of disclosure, investigation, and*

judicial examination of criminal cases. Significant attention is paid to the study of biological objects of the human organism, which, as a result of forensic biological expertise, allow the most complex criminal cases of serious and particularly serious crimes to be disclosed. The central issue in the article is the collection of material for expertise, the appointment and conduct of forensic biological expertise, the objects and materials of the human body, the analysis of expert and judicial activities.

Keywords: *investigator, specialist, forensic expertise, biological objects, DNA analysis.*

Идентификация личности по следам крови и другим объектам биологического происхождения играет важную роль в современном правоохранительном деле. С развитием технологий в области генетики и криминалистики стали возможными новые методы идентификации, которые позволяют установить личность человека по его биологическим следам с высокой точностью [1, с. 16].

Одним из наиболее распространенных методов идентификации личности по следам крови является ДНК-анализ. Каждый человек имеет уникальный генетический код, который можно определить по образцам ДНК, полученным из крови, слюны, волос и других биологических материалов. Сравнение полученного ДНК-профиля с базами данных позволяет установить личность человека или определить степень родства между лицами [2, с. 10].

Помимо ДНК-анализа, существуют и другие методы идентификации личности по следам крови и другим биологическим объектам. Например, эксперты могут проводить сравнительный анализ белков, групп крови, строение волокон волос и другие идентифицирующие признаки. Также технологии расширяются и улучшаются, что позволяет устанавливать личность на основе все более мелких и сложных биометрических данных [3].

Эффективность методов идентификации личности по следам крови и другим объектам биологического происхождения сделала их неотъемлемой частью работы правоохранительных органов и судебной медицины. Благодаря этим методам удается разгадать множество преступлений, устанавливать виновных и оправдывать невиновных.

Тем не менее, следует отметить, что использование биологических данных для идентификации личности вызывает также вопросы в сфере этики и законности. Необходимо соблюдать строгие правила и процедуры

при сборе, хранении и использовании биологических материалов, чтобы защитить права и конституционные гарантии граждан [4, с. 5].

В процессе расследования уголовных дел важнейшим объектом исследования является личность преступника, потерпевшего, свидетеля, эксперта, специалиста, понятых и других участников. Одной из наиболее сложных, спорных и малоизученных криминологических проблем является проблема личности преступника.

Преступление представляет собой социально значимый поступок человека и одно из антисоциальных проявлений его личности. В последние годы количество преступлений в Российской Федерации постоянно увеличивается, включая тяжкие и особо тяжкие преступления, которые часто вызывают широкий общественный резонанс. Однако более 40% всех зарегистрированных преступлений остаются нераскрытыми, и лица, их совершившие, остаются неустановленными.

При тщательном осмотре мест происшествий практически всегда можно обнаружить объекты биологического происхождения, такие как кровь, волосы, кожа, кости, мышцы и части внутренних органов, которые имеют важное криминалистическое значение, поскольку помогают идентифицировать преступника [6, с. 4].

Эти объекты относятся к группе материально-фиксированных следов, которые могут быть предметом тератологического исследования при изучении механизма образования следов и их взаиморасположения, таких как расстояние и угол, под которым текла кровь и другие параметры.

Важно учитывать, что неправильная упаковка некоторых объектов, например, окровавленных вещей, может привести к утрате определенных признаков объекта и затруднить его дальнейшее исследование. Возможны ситуации, когда, например, одежда подозреваемого и жертвы могут быть уложены в один пакет, и эксперту необходимо определить, был ли между ними личный контакт. Следы биологического происхождения подвержены изменениям под воздействием внешней среды и могут изменяться со временем. Это следует учитывать при проведении первоначальных следственных действий. Изменчивость характерна для практически всех биологических веществ [7, с. 9].

Например, следы крови, слюны, спермы и мочи со временем могут изменить свои физические свойства под воздействием окружающей среды, став жидкими, вязкими или сухими. Поэтому важно применять методы криминалистической экспертизы для изъятия этих биологических объектов с целью получения доказательств и оперативной информации.

В случае тяжких преступлений следы биологического происхождения обнаруживаются повсеместно. Традиционные методы экспертизы становятся менее эффективными из-за использования преступниками новых технологий. Поэтому сейчас активно применяются новые методы исследования биологических объектов, такие как морфометрические исследования, типирование групп крови и ДНК-анализ.

Биологическая экспертиза, по статистике, в четыре раза эффективнее дактилоскопических исследований. ДНК-анализ изначально применялся в медицине, но теперь активно используется в судебной экспертизе для исследования крови, мочи, спермы, волос, органов, костей, а также зубов, ногтей, гистологических препаратов, перхоти, цитологических мазков и потожировых следов пальцев.

До сих пор 90–95% биологических объектов, изымаемых с мест преступлений, анализировались традиционными (серологическими) методами, которые не требовали значительных финансовых затрат и дорогостоящего оборудования [8, с. 8].

Однако эти объекты часто поступали на экспертизу с примесями и различными загрязнениями, включая бактериальные и грибковые, что в конечном итоге часто приводило к необъективным результатам исследования из-за их непостоянства и воздействия неблагоприятных условий окружающей среды, таких как влажность, температура и ультрафиолетовое излучение [9, с. 13].

В настоящее время проведение ДНК-диагностики всегда оправдано при расследовании террористических актов, убийств и причинения тяжкого вреда здоровью. Специалисты-криминалисты считают метод ДНК-анализа самым эффективным и перспективным для исследования следов биологического происхождения [10, с. 140].

Таким образом, идентификация личности по следам крови и другим биологическим объектам является важным инструментом в руках правоохранительных органов, помогающим решать множество криминальных дел и обеспечивать безопасность общества. Однако необходимо соблюдать высокие стандарты этики и законности при использовании этих методов.

Список литературы:

1. Кондрашков Н.Н., Кудрявцев В.Н. и др. *Личность преступника*. М.: Юрид. лит., 1971. С. 16.

2. 2 Соколова О.А. Актуальные направления комплексного подхода к изучению личности человека в предупреждении, раскрытии расследовании преступлений // *Эксперт-криминалист*. 2013. №3. С. 9–11.

3. 3 Об утверждении Инструкции по организации производства судебных экспертиз в судебно- экспертных учреждениях системы Министерства юстиции Российской Федерации: приказ Минюста Рос. Федерации от 20 дек. 2002 г. № 347. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. 4 Бычков В.В. Назначение судебной экспертизы как право дознавателя и следователя // *Российский следователь*. 2014. № 5. С. 3–7.

5. 5 Рамазанов Т.Б., Алимуратов Г.Б. Осмотр места происшествия. Махачкала: Изд-во ДГУ, 2014. С. 3–5.

6. 6 Полякова М.А. Использование специальных познаний и помощи специалиста на первоначальном этапе расследования преступлений // *Эксперт-криминалист*. 2009. № 3. С. 6–10.

7. 7 Плесовских Ю.Г. Заключение специалиста, участвующего в осмотре места происшествия, как объект судебно-экспертного исследования // *Эксперт-криминалист*. 2006. № 2. С. 8–10.

8. Аминев Ф.Г. Об интеграции судебных экспертиз при расследовании преступлений // *Эксперт- криминалист*. 2015. №1. С.3-6.

9. Хмелева А.В. Тактические особенности назначения судебных экспертиз // *Эксперт-криминалист*. 2014. № 4. С. 12–15.

10. 10 Гаджирамазанова П.К. Актуальные вопросы назначения судебно-медицинской экспертизы // *Юридический вестник ДГУ*. Т. 15. 2015. № 3. С.140.

© В.С. Житник, 2023.

УДК 343.54

**МОТИВЫ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
ПОСЯГАЮЩИХ НА ПОЛОВУЮ
НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ И ПОЛОВУЮ СВОБОДУ
ЛИЧНОСТИ**

*Зацепилова Олеся Андреевна,
магистрант 2 курса юридического факультета
Ростовского филиала ФГБОУ ВО
«Российский государственный университет правосудия»*

*Научный руководитель: Бохан Андрей Петрович,
к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного права
Ростовского филиала ФГБОУ ВО
«Российский государственный университет правосудия»*

***Аннотация:** статья посвящена исследованию мотивов преступлений против половой неприкосновенности и свободы личности. Особое внимание уделяется превентивному характеру определения мотива данного преступного деяния, а также анализируются проблемы квалификации. Автором приведены основные нормативно-правовые акты, регламентирующие роль мотивов преступлений, примеры практики, статистики, определяющие количественно-качественные показатели преступности. По результатам исследования темы автором дается оценка значимости определения мотива в насильственных половых посягательствах для предотвращения совершения подобных деяний, а также для правильной квалификации преступлений.*

***Ключевые слова:** мотив, половая свобода, половая неприкосновенность, насилие, предупреждение преступлений, квалификация.*

**MOTIVES OF VIOLENT CRIMES THAT INFRINGE
ON SEXUAL INTEGRITY AND SEXUAL FREEDOM**

*Zatsepilova Olesya Andreevna
Scientific adviser: Bokhan Andrey Petrovich*

***Abstract:** The article is devoted to the study of the motives of crimes against sexual integrity and personal freedom. Special attention is paid to the preventive nature of determining the motive of this criminal act, as well as the problems of qualification. The author presents the main normative legal acts regulating the role of motives of crimes, examples of practice, statistics determining quantitative and qualitative indicators of crime. According to the results of the research of the topic, the author assesses the importance of determining the motive in violent sexual assaults to prevent the commission of such acts, as well as for the correct qualification of crimes.*

***Keywords:** motive, sexual freedom, sexual integrity, violence, crime prevention, qualification.*

Главным фактором человеческого поведения, даже преступного, является мотив. Он служит отправной точкой всего механизма преступного поведения личности, ввиду чего представляет собой ключевой элемент его изучения. Предусмотренные ст. 131-132 Уголовного Кодекса Российской Федерации (далее по тексту УК РФ) преступления входят в группу насильственных преступлений, их мотивы жестоки и зачастую связаны с определенными личностными дефектами. Проблема определения мотивов данных половых преступлений актуальна для предупреждения совершений этих деяний и отграничения от схожих внешне составов. Чтобы попытаться свести к минимуму количественно-качественные показатели данного преступного деяния, улучшить работу по его предупреждению и квалификации, необходимо проявлять особое внимание к его криминологической характеристике и составу.

Насильственная преступность представляет собой наибольшую степень общественной опасности среди всего объема преступлений, предусмотренных УК РФ, поскольку относится к категории преступлений против личности. В соответствии с ч. 1 ст. 2 УК РФ охрана прав и свобод человека и гражданина ставится на первое место среди задач Кодекса, являясь приоритетным направлением всей правоохранительной деятельности. Статьи 131 и 132 УК РФ, регламентирующие изнасилование и насильственные действия сексуального характера, относятся к данному виду преступности, поскольку здесь объектом посягательства являются важнейшие человеческие ценности – половая неприкосновенность и половая свобода личности, во время совершения которых лицо применяет насилие или угрожает его применением.

Мотив представляет собой обусловленное определенными потребностями и интересами внутреннее побуждение, которое вызывает у лица решимость совершить преступление и которым оно руководствовалось при его совершении. Среди признаков субъективной стороны преступления он относится к факультативным, но при этом доказывание мотива согласно ст. 73 Уголовно процессуального кодекса является вторым обстоятельством после самого события преступления и стоит наряду с виновностью лица и формой его вины, что говорит о важности данного элемента состава преступления [1]. Феномен мотива как элемента криминологической характеристики преступления, предусмотренного ст. 131-132 УК РФ, является дискуссионной темой как среди ученых-юристов, так и среди правоприменителей.

Согласно статистическим данным о состоянии преступности, предоставленным МВД России за январь-август 2023 года, в нашей стране зарегистрировано 2232 изнасилования и покушения на изнасилование, из которых раскрыто 2106 преступлений [2]. К сожалению, эти цифры даже близко не отражают реальную обстановку преступности в нашей стране. Изнасилование всегда было и остается преступлением, о котором потерпевшие зачастую умалчивают ввиду страха осуждения общества, в связи с чем преступление приобретает характер латентного, а преступник избегает уголовного преследования и дальнейшего наказания.

С субъективной стороны рассматриваемые деяния характеризуются исключительно умышленной формой вины, а именно они совершаются только с прямым умыслом, при этом об их мотивах и целях в УК РФ законодатель ничего не говорит. Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своем постановлении от 04.12.2014 N 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» к мотивам изнасилования и перечисленным в ст. 132 УК РФ действиям относит удовлетворение половой потребности, месть, национальную или религиозную ненависть, желание унижить потерпевшее лицо и т.п., оставляя данный перечень открытым [3]. Указанные мотивы также могут сочетаться друг с другом либо выражаться. Вместе с тем практика правоприменения показывает, что главным мотивом остается мотив сексуальный с целью удовлетворения своих половых потребностей. В этой связи знаменитый русский юрист, судья и оратор А.Ф. Кони писал «Там, где существует изнасилование, – там безрассудная наглость, там отсутствует всякое чувство и одна жестокая, злая чувственность, одна животная страсть» [4, с. 284].

В отличие от УК РФ, некоторые ученые-юристы подробнее раскрывают феномен мотива преступления, предусмотренного ст. 131 УК РФ. Так, В.С. Комиссаров предполагал, что, «исходя из самой сущности данных преступлений, можно сделать вывод, что им имманентно (внутренне) присущи только сексуальные мотивы (половое влечение, либидо) и цель (стремление удовлетворить половую страсть)» [5, с. 113-114]. Другие авторы говорят о независимых от сексуального влечения мотивах. По мнению В.Н. Кудрявцева «встречаются и другие мотивы, например, месть, унижение человеческого достоинства» [6, с. 48], что вызывает на наш взгляд проблемы квалификации преступления.

Судебной практике известно множество случаев совершения, предусмотренных ст. 131-132 УК РФ преступлений. Анализируя и обобщая факты изнасилований и деяний, предусмотренных ст. 132 УК РФ, на наш взгляд сугубо сексуальный мотив присутствует у виновных, у которых совершение данного преступления является единичным случаем, либо их несколько с большим промежутком во времени, в связи с чем характер серийности отсутствует. Намного сложнее определение мотивации возникает при расследовании преступных деяний, совершенных серийными сексуальными убийцами и маньяками. Самым известным представителем среди них является А.Р. Чикатило. Его биография свидетельствует о травмированности личности, с раннего детства А.Р. Чикатило жил в психологически трудных условиях, сам был замкнутым и отстраненным, из-за чего окружающие его унижали, он подвергался насмешкам и доминированию над ним. Поэтому его преступления совершаются по мотивам мести, стремлению к самоутверждению и служат расплатой за его психологические страдания от окружающего мира. Профессор психиатрии А.В. Покобатько, входивший в группу ученых-психиатров, обследовавших Чикатило на вменяемость, говорил о нем следующее: «Свою злость, бешенство, нереализованный сексуальный потенциал он срывал на жертвах, «так как видел в них причину своих несчастий». Он уничтожал то, что олицетворяло для него недоступную область сексуальных связей, отсутствие которых для него являлось источником глубокой психотравмы.» [7]. Можно отметить, что все эти мотивы совершенных им деяний объясняют причину, по которой жертвами являлись как женщины, так и дети обоих полов, то есть не было определенного желания просто удовлетворить сексуальные потребности с женщиной.

Приведенный пример иллюстрирует, как обстоятельства жизни человека могут вызвать в нем предрасположенность к жестоким

насильственным преступлением. Внутренняя борьба с внешним миром обуславливает те или иные искажения в мотивах поведения. Поэтому определение мотивов сексуальных посягательств способно повлиять на предупреждение их совершения в будущем. В данном случае следует уделять большее внимание сексуальному просвещению общества, оказывать психологическую поддержку жертвам любых преступных посягательств для подавления агрессии и враждебности личности, что и выполняет превентивная роль мотивов данной категории преступлений.

Определение мотивов насильственных половых преступлений имеет важную роль еще потому, что «если применение насилия, угроз преследует иные мотивы и цели (хулиганские побуждения, издевательство, оскорбление), то действия, внешне напоминающие изнасилование (например, виновный причинял физический вред посредством побоев, издевательств над половыми органами) не могут влечь сами по себе квалификации по ст.131 УК РФ» [8]. Тогда действия виновного лица следует квалифицировать по соответствующей статье УК РФ.

Примером может служить случай из судебной практики Самарской области. Так, Автозаводским районным судом г. Тольятти М. и К. осуждены за совершение преступления, предусмотренного ст. 162 ч.2 УК РФ при следующих обстоятельствах. К., М. и потерпевшая находились у нее на кухне, где распивали спиртные напитки. Потерпевшая по истечении времени удалилась к себе в комнату, где, раздевшись, легла спать. К. и М. обнаружили отсутствие спиртного, не имея денежных средств на его приобретение, решили совершить хищение банковской карты у потерпевшей. Проследовав к ней в комнату, К. и М. выдвинули неоднократные требования о передаче им банковской карты, на что потерпевшая ответила отказом. Тогда К. нанес ей несколько ударов кулаком по голове и туловищу, тем самым применив насилие, опасное для жизни и здоровья. Потерпевшая просила не трогать ее, на что М. для подавления ее сопротивления взял с кухни орудия совершения преступления – деревянную колотушку и ложку и, осознавая, что та находится в беспомощном и незащищенном состоянии в силу своего заболевания и физического состояния, удерживая в руках деревянную колотушку и деревянную ложку, раздвинул ей ноги, ввел ей во влагалище деревянную колотушку и произвел ею поступательно возвратные движения, деревянную ложку ввел в ее заднепроходное отверстие, желая причинить сильную физическую боль, сломить сопротивление и беспрепятственно завладеть банковской картой [9].

Наличие у К. и М. сексуальных мотивов совершения преступления не было доказано в ходе предварительного и судебного следствия, выдвинут мотив лишь один – корысть. Вместе с тем их действиями, описанными в приведенном нами примере, причинена физическая боль потерпевшей посредством воздействия на ее половые органы, что повлекло нарушение ее половой неприкосновенности. И поскольку объектом посягательства, предусмотренного ст. 132 УК РФ, являются общественные отношения, обеспечивающие половую свободу и половую неприкосновенность личности, а также способ совершения данного преступления обладает сексуальным характером, то оно может быть квалифицировано по п. «а, б» ч. 2 ст. 132 УК РФ как иные действия сексуального характера, совершенные с применением насилия и использованием беспомощного состояния потерпевшей. В подобных случаях усматривается комплекс мотивов, характерных для совершения преступлений сексуальной направленности.

Таким образом несмотря на то, что согласно Пленуму Верховного Суда Российской Федерации N 16, мотив совершения преступлений, предусмотренных статьями 131-132 УК РФ для квалификации значения не имеет, его определение несет превентивный характер, подлежит обязательному доказыванию при расследовании преступлений, а также помогает более точно квалифицировать преступное деяние, уменьшая случаи неверного применения норм материального права.

Список литературы:

1. *«Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // «Собрание законодательства РФ». 24.12.2001. N 52 (ч. I). ст. 4921*
2. *Министерство внутренних дел Российской Федерации: Состояние преступности в Российской Федерации за январь – август 2023 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://xn--b1aew.xn--plai/reports/item/41741442> (22.10.2023)*
3. *Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 N 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // «Российская газета». N 284. 12.12.2014.*
4. *Кони А.Ф. Речь по делу об убийстве коллежского асессора Чихачева // Собрание сочинений: в 8 т. Т. 3. М., 1967. 556 с.*

5. *Российское уголовное право: в 2 т. Особенная часть: учебник / Г.Н. Борзенков; под общ. ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комиссарова, А.И. Рарога. – 3-е изд. перераб. и доп. М.: Проспект, 2010. 688 с.*

6. *Российское уголовное право. Общая часть: учебник / под общ. ред. А.В. Наумова. – 3-е изд. перераб. и доп. М.: Норма, 2010. 679 с.*

7. *Феномен Чикатило [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.serial-killers.ru/materials/fenomen-chikatilo.htm> (22.10.2023)*

8. *Уголовное право России. Часть особенная: учебник для вузов под ред. Л.Л. Кругликова. М., Волтерс Клувер, 2004. // СПС «КонсультантПлюс».*

9. *Приговор № 1-335/2018 от 10 мая 2018 г. по делу № 1-335/2018. Автозаводский районный суд г. Тольятти (Самарская область) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://sudact.ru/regular/doc/Dqsc32x4FgJh/?page=29®ular-court=®ular-date_from=®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=®ular-workflow_stage=®ular-date_to=®ular-area=®ular-txt=%D0%B2%D0%BB%D0%B0%D0%B3%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D1%89%D0%B5&_=1697992224661®ular-judge=&snippet_pos=1444#snippet (22.10.2023)*

© О.А. Зацепилова, 2023.

УДК 343.2

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ КОНФИСКАЦИИ ИМУЩЕСТВА В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ

*Зорогьян Тигран Андроевич,
магистрант 2 курса юридического факультета
Ростовского филиала ФГБОУ ВО
«Российский государственный университет правосудия»*

*Научный руководитель: Фаргиев Ибрагим Аюбович
д.ю.н., профессор, профессор кафедры уголовного права
Ростовского филиала ФГБОУ ВО
«Российский государственный университет правосудия»*

***Аннотация:** в статье исследуется институт конфискации имущества. Определяется, что сущность конфискации имущества должна раскрываться через ее определение, что в недостаточной степени отражено в законодательном определении. На основе анализа положений действующего уголовного закона, а также мнений ученых-правоведов предлагается авторское видение понятия и сущности данного уголовно-правового института.*

***Ключевые слова:** уголовное право, конфискация имущества, иная мера, изъятие, обращение.*

THE CONCEPT AND ESSENCE OF CONFISCATION OF PROPERTY IN THE CRIMINAL LAW OF RUSSIA

*Zoroglyan Tigran Androevich,
Scientific supervisor: Fargiev Ibragim Ayubovich*

***Abstract:** the article examines the institution of property confiscation. It is determined that the essence of confiscation of property should be revealed through its definition, which is not sufficiently reflected in the legislative definition. Based on an analysis of the provisions of the current criminal law, as well as the opinions of legal scholars, the author's vision of the concept and essence of this criminal law institution is proposed.*

Keywords: criminal law, confiscation of property, other measure, seizure, appeal.

Острые социальные проблемы и высокий уровень преступности в современной России обуславливают поиск наиболее рациональных с точки зрения задач уголовного законодательства средств и методов предупреждения и противостояния различным преступным проявлениям. Концепции обеспечения безопасности человека, общества, государства и гуманизации наказания, отражающие социальную сущность современной уголовно-правовой политики, могут быть реализованы на основе дальнейшей дифференциации уголовной ответственности, универсализации мер уголовно-правового характера, а также придании им большей предупредительной направленности.

В теории уголовного права в последние годы ведётся активный поиск альтернативных наказаниям, связанным с изоляцией от общества, иных мер уголовно-правового характера. Что само по себе является социально востребованным научным направлением. В связи с этим представляется актуальной проблема насыщения мер уголовной ответственности правовыми средствами, направленными, в первую очередь, на предупреждение преступлений, устранение причин и условий, их порождающих или способствующих им.

Среди этих мер уголовно-правового характера одно из центральных мест занимает конфискация имущества, регламентация которой в российском законодательстве претерпела достаточно противоречивые трансформации. Отношение законодателя к конфискации имущества на разных этапах развития Российского государства было неоднозначным. Конфискация имущества как вид наказания была предусмотрена еще в Русской правде. Однако если сначала она являлась достаточно «выгодным» видом наказания, так как способствовала пополнению бюджета потерпевшего, а потом и государства, то с течением времени роль конфискации становится второстепенной, и она выполняет функции дополнительного наказания.

С вступлением в силу ныне действующего УК РФ конфискация была предусмотрена как дополнительный вид наказания. Однако, в 2003 году вступил в силу Федеральный закон от 8.12.2003 № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации», который коренным образом изменил институт конфискации имущества в уголовном праве. Конфискации имущества вообще не было в УК РФ на протяжении 3 лет. За этот период было совершено много преступлений,

связанных с хищениями и другими видами корыстных преступлений предусмотренных Особенной частью УК РФ, однако то, что похитили у собственника или государства оставалось во владении у преступников, даже после их изобличения и привлечения к уголовной ответственности. Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму» конфискация имущества возвращена в уголовное законодательство, однако не как самостоятельный вид наказания, а в качестве одной из мер уголовно-правового характера (глава 15.1 УК РФ).

Следует отметить, что введение конфискации в качестве иной меры уголовно-правового характера привело к большим дискуссиям вокруг данного института.

Согласно Толкового словаря живого великорусского языка В. Даля, конфисковать – это «отобрать или взять на казну, за долги, преступленья; или отобрать недозволенное к ввозу в государство» [1, с. 154]. В юридической науке под конфискацией понимается «безвозмездное изъятие у собственника имущества в случаях, предусмотренных законом, по решению суда в виде санкции за совершение преступления или иного правонарушения» [2, с. 310].

Сущность конфискации имущества должна раскрываться через ее определение. Согласно ч. 1 ст. 104.1 УК РФ «Конфискация имущества есть принудительное безвозмездное изъятие и обращение в собственность государства на основании обвинительного приговора следующего имущества» [3]. Следует отметить, что законодательное определение данного понятия закреплялось в ранее действовавших отечественных законодательных актах и в первоначальной редакции действующего УК РФ. Формулировки законодательных определений менялись в зависимости от избранного на том или ином этапе подхода к ее регламентации, а также от уровня развития законодательной техники. Однако, законодательное определение конфискации имущества не в полной мере отражает ее сущность, в связи с чем в теории уголовного права учеными-правоведами предлагаются различные трактовки данного понятия.

Так, Ф.К. Набиуллин предложил следующее определение: «Конфискация имущества – это некарательная мера уголовно-правового характера, имеющая принудительный и безвозмездный характер, заключающаяся в обращении в собственность государства имущества,

которое так или иначе связано с совершением преступления, принадлежащего обвиняемому либо другому лицу, назначаемая судом наряду с наказанием» [4, с. 22].

Б.Т. Разгильдиев считает, что конфискация имущества: «... это осуществляемое в соответствии с уголовно-правовыми принципами и на основании обвинительного приговора суда принудительное, безвозмездное изъятие в доход государства «криминального» имущества для лишения лиц возможности материального обогащения посредством совершения преступлений» [5, с. 796].

В.К. Абраменко понимает конфискацию имущества как «меру государственного принуждения, предусмотренную уголовным законом, направленную на устранение экономической мотивации совершения преступлений, а также получения доходов от незаконно нажитого имущества, применяемую в целях предупреждения преступлений и заключающуюся в принудительном безвозмездном изъятии имущества, полученного или используемого в результате совершения преступления, в том числе личного имущества у лица, виновного в совершении преступления, а также третьих лиц в случае, предусмотренном законом, на основании решения суда» [6, с.]. Здесь речь идет об изъятии конфискуемого имущества, однако не отражена его дальнейшая судьба, т. е. не указано, в чью собственность оно обращается.

По мнению Д. Ю. Борченко, конфискация имущества – это «мера государственного принуждения, предусмотренная уголовным законом, назначаемая по обвинительному приговору, определению или постановлению суда лицу, признанному виновным в совершении преступления, заключающаяся в принудительном, безвозмездном и окончательном отобрании (изъятии) находящегося в незаконном (или в законном) владении у осужденного или другого лица с последующим обращением в собственность государства имущества, полученного в результате совершения преступления, доходов от него, либо имущества, используемого или предназначенного для финансирования терроризма и организованной преступной деятельности, либо орудий, оборудования, иных средств совершения и предметов преступления» [7, с. 8].

К.Н. Карпов считает, что «во-первых, по своей сущности конфискация имущества как иная мера уголовно-правового характера в действующей регламентации выступает объективным последствием совершенного деяния, то есть средством, устраняющим проявления преступления и восстанавливающим нарушенные материальные (экономические) правоотношения, не связанным с применением наказания

к виновному. Во-вторых, конфискация имущества не носит карательного характера» [8, с. 149].

Проанализировав положения действующего уголовного закона, а также приведенные мнения ученых на понятие и сущность конфискации имущества, считаем, что «конфискация имущества представляет собой вид меры государственного принуждения, выступающая как иная мера уголовно-правового характера, носящая компенсационный, т.е. восстановительный характер».

В свою очередь, сущность конфискации имущества заключается в принудительном безвозмездном изъятии имущества лица, совершившего преступление, и (или) в обращении этого имущества в собственность государства.

Список литературы:

1. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М., 1955. Т. 2. – 2716 с.
2. Юридический словарь / Под ред. А. Н. Азрилияна. – М., 2007. – 1152 с.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.
4. Набиуллин Ф. К. Некарательные меры уголовно-правового характера: природа, система и социально-правовое значение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2008. – 26 с.
5. Разгильдиев Б. Т. Глобальны ли иные меры уголовно-правового характера? // Научные основы уголовного права и процессы глобализации: материалы V Российского конгресса уголовного права (27-28 мая 2010 г.). – М., 2010. – С. 796-803.
6. Абраменко, В. Б. Конфискация имущества как средство предупреждения преступлений в сфере экономической деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2010. – 29 с.
7. Борченко, Д. Ю. Конфискация имущества как мера уголовно-правового характера: понятие, природа, социальное предназначение и порядок применения: дис. ... канд. юрид. наук. – Тольятти, 2007. – 199 с.
8. Карпов, К. Н. Иные меры уголовно-правового характера: система, виды. – М., 2012. – 307 с.

© Т.А. Зороглян, 2023.

УДК 343

СВЯЗЬ БРОДЯЖНИЧЕСТВА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

*Иващенко Екатерина Алексеевна,
магистрант 3 курса юридического факультета
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»*

*Научный руководитель: Осадчая Наталья Георгиевна,
к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного права
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»*

***Аннотация:** в статье автор рассматривает связь бродяжничества с преступностью. Анализируется ряд факторов, которые связывают эти два явления и создают опасную симбиозную связь. Исследуя рассматриваемую проблему, автор приходит к выводу, что бродяжничество, являясь одной из форм социальной дезадаптации, часто становится причиной увеличения уровня преступности в обществе.*

***Ключевые слова:** подростки, бродяжничество, криминальная активность, отклоняющееся поведение, преступность.*

CONNECTION OF VAGRANCY WITH CRIME

*Ivashchenko Ekaterina Alekseevna
Scientific supervisor: Osadchaya Natalia Georgievna*

***Abstract:** in the article, the author examines the connection of vagrancy with crime. A number of factors that link these two phenomena and create a dangerous symbiotic relationship are analyzed. Investigating the problem under consideration, the author comes to the conclusion that vagrancy, being one of the forms of social maladaptation, often causes an increase in the level of crime in society.*

***Keywords:** teenagers, vagrancy, criminal activity, deviant behavior, crime.*

Связь бродяжничества с преступностью является одной из наиболее актуальных и обсуждаемых тем в нашей современной общественности. Бродяжничество, или бездомность, означает состояние, когда человек не имеет постоянного места жительства и вынужден проводить свою жизнь на улице. Однако, помимо социальных и экономических проблем, с которыми сталкиваются бродяги, существует также серьезная связь между этим явлением и преступностью.

Определенное количество людей, оказавшихся в бездомном положении, сталкиваются с невозможностью получения достойной работы и дохода. Им приходится выживать каким-либо образом – путем мелкого воровства или участия в криминальных группировках. Такие люди часто становятся объектами для злоумышленников: они подвергаются различным видам эксплуатации и становятся жертвами преступлений. В результате этого бродяги могут спровоцировать рост преступности в определенных районах или городах.

Бродяжничество и попрошайничество, с одной стороны, являются древнейшей разновидностью антисоциальных явлений, с другой – показателем народного благосостояния и общественной нравственности [1, 52].

Исходя из этого можно сделать вывод, что рассматриваемая проблема имеет социальную природу. И если в начале 90-х гг. причины беспризорности искали в особом психологическом складе ребенка, его генетической предрасположенности жить вне семьи, то к началу 2000-х гг. складывается понимание того, что корни беспризорности кроются в сложившихся социальных условиях. Здесь выделялось два направления предупреждений детских правонарушений обеспечение несовершеннолетних средствами к существованию и воспитательная работа с ними. Одним из основных методов борьбы с детской беспризорностью и преступностью государство считало создание сети разнообразных детских учреждений для сирот и беспризорных.

Специфические черты деятельности в вопросах борьбы с беспризорностью и бродяжничеством в течении всего рассматриваемого периода Российской истории это приукрашивание реальных достижений и идеализация подхода до полного забвения.

В итоге такие важные проблемы ликвидации детской беспризорности, как численность беспризорных и несовершеннолетних преступников, трудности содержания детей в детских учреждениях, социальная помощь зарубежных благотворительных организаций уличным детям, не получили достаточного освещения.

Вероятно, именно в силу этих обстоятельств мы сегодня имеем картину, когда никто не может точно сказать о численном составе этого контингента, о его половозрастном составе, причинах, мотивации, психическом состоянии детей, социальном положении семей и т.д. Отсутствие подобной целостной информации на государственном уровне ведет к недостаточному приложению усилий в этом направлении, отсутствию должного финансирования, методологии, кадрового обеспечения.

Самовольные уходы создают непосредственную опасность для жизни и здоровья подростков, способствуют совершению противоправных деяний. Без надзора со стороны опекунов возникают условия, способствующие совершению преступлений как в отношении подростков, так и самими подростками. По мере повторения уходов появляются те или иные формы асоциального поведения, связанные чаще с необходимостью приобретения продуктов питания, – мелкое воровство, попрошайничество. Со временем присоединяются правонарушения, обусловленные влиянием других несовершеннолетних и взрослых с асоциальным поведением [2, 89-92].

Лица, занимающиеся бродяжничеством, существовали всегда и, видимо, всегда будут существовать. Однако количество этой категории лиц в обществе зависит также от осуществления эффективной профилактики бродяжничества органами государственной власти на законодательном уровне [3, С. 41].

По данным МВД, в РФ стали чаще уходить из дома дети. За 2019 год было выявлено 75,5 тысяч беспризорных несовершеннолетних. Годом ранее их количество составляло 68,7 тысяч.

Продолжается рост числа несовершеннолетних, не обучающихся в образовательных учреждениях и нигде не работающих. Во многих случаях несовершеннолетние уклоняются от обучения, не посещают занятия, формально числясь в образовательном учреждении.

Бродяжничество, являясь одной из форм социальной дезадаптации, часто становится причиной увеличения уровня преступности в обществе. Существует ряд факторов, которые связывают эти два явления и создают опасную симбиозную связь.

Во-первых, люди, занимающиеся бродяжничеством, пытаются любым способом заработать денег для существования или получить иную материальную выгоду. Часто они вынуждены заниматься незаконными видами деятельности для выживания, такими как кражи, грабежи или наркотическая торговля. Отсутствие законопослушности и стабильного

заработка побуждают бродяг к рискованным и непредсказуемым действиям.

Во-вторых, бродяжники составляют основную часть целевой аудитории для рекрутеров в преступные группировки. Нередко банды используют бездомных людей для совершения преступлений, таких как контрабанда товаров или насильственная эксплуатация. Бедность и отчаяние делают бродяг легкой добычей для преступников, что способствует распространению и укреплению преступной среды.

В-третьих, бродяжничество создает благоприятную почву для развития насилия и агрессии. Отсутствие социальной поддержки и постоянного жилья оставляют бездомных людей уязвимыми и склонными к конфликтам. Борьба за выживание в условиях небезопасности и беззакония может привести к регулярным столкновениям между бродягами или даже к нападениям на нормально живущих граждан.

Наконец, бродяжничество способствует распространению асоциального поведения и нарушения общественного порядка. Бездомные люди часто занимают общественные места, используют их как временное жилье или место работы. Это вызывает разочарование и негативное отношение со стороны других граждан, что может привести к возникновению конфликтов.

Люди, занимающиеся бродяжничеством, приспособляются и привыкают к подобному образу жизни. На наш взгляд необходимо более активно предпринимать меры для предотвращения данного социального явления. Самым простым и популярным способом предотвращения бродяжничества будет проведение лекций в школах, где несовершеннолетним должны объяснить сущность и последствия бродяжничества. Также необходимо развитие школьных бесплатных кружков и секций с целью занятия школьников полезной деятельностью и укрепления физического и психологического здоровья. А также профессиональная помощь сложившегося девиантного поведения.

Наши рекомендации достаточно просты, однако сегодня очень мало внимания уделяется данной проблеме. Специалисты, работавшие в школе с наиболее незащищёнными лицами, выполняют сугубо отведенные им обязанности по обучению, не обращая внимания на индивидуальный подход и психологическое здоровье детей.

Мы предполагаем, что если не уделять данному вопросу больше внимания, то каждый год количество лиц, занимающихся бродяжничеством будет расти, и соответственно, вместе с этим и преступность.

Список литературы:

1. Дизер Олег Александрович К вопросу об административной ответственности за бродяжничество и попрошайничество // Сибирское юридическое обозрение. 2017. №4. С. 52-59.
2. Шереметьева Ирина Игоревна, Ведяшкин Виктор Николаевич Бродяжничество у подростков, осложненное делинквентным поведением // Социальная и клиническая психиатрия. 2012. №3. С.
3. Вишневецкий Кирилл Валерьевич Характеристика бродяжничества как социального явления // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. №4. С. 40-43.

© Е.А. Иващенко, 2023.

УДК 343.8

ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ВИДОВ НАКАЗАНИЙ

*Искалиев Илья Андреевич,
магистрант 2 курса юридического факультета
Ростовского филиала ФГБОУ ВО
«Российский государственный университет правосудия»*

*Научный руководитель: Бохан Андрей Петрович,
к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного права
Ростовского филиала ФГБОУ ВО
«Российский государственный университет правосудия»*

***Аннотация:** настоящая статья исследует проблемы развития и совершенствования альтернативных видов наказаний в современной системе уголовной юстиции. В статье анализируются основные причины, по которым альтернативные виды наказаний развиваются и проблемы, с которыми они сталкиваются. Ключевыми моментами рассмотрения являются эффективность альтернативных видов наказаний, их соответствие принципам гуманизма и цели реабилитации правонарушителей. Кроме того, проводится сравнительный анализ с традиционными видами уголовного наказания и указываются пути совершенствования альтернативных видов наказаний.*

***Ключевые слова:** альтернативные виды наказаний, развитие, совершенствование, уголовное наказание, эффективность, гуманизм, реабилитация, традиционное наказание.*

PROBLEMS OF EFFECTIVENESS OF ALTERNATIVE TYPES OF PUNISHMENTS

*Iskaliev Ilya Andreevich
Scientific adviser: Bokhan Andrey Petrovich*

***Abstract:** this article explores the problems of development and improvement of alternative types of punishments in the modern criminal justice system. The article analyzes the main reasons why alternative types of*

punishments are developing and the problems they face. The key points of consideration are the effectiveness of alternative types of punishments, their compliance with the principles of humanism and the goal of rehabilitation of offenders. In addition, a comparative analysis with traditional types of criminal punishment is carried out and ways to improve alternative types of punishment are indicated.

Keywords: *alternative types of punishments, development, improvement, criminal punishment, efficiency, humanism, rehabilitation, traditional punishment.*

В условиях формирования правового государства и гуманизации законодательства перед наукой уголовного и уголовно-исполнительного права выдвигается целый ряд задач теоретического и практического характера. Осуществление их означает необходимость реального обеспечения исполнения всех видов уголовных наказаний, предусмотренных Уголовным кодексом РФ.

Сталкиваясь с возрастающим числом правонарушений, государства склонны реагировать на это ужесточением уголовной политики, прежде всего, расширением применения тюремного заключения к возможно большему числу граждан, преступивших закон. В результате такие меры приводят к увеличению количества заключенных, росту рецидива, криминализации личности, разрыву социально полезных связей и другим неблагоприятным последствиям, связанным с изоляцией личности при исполнении лишения свободы.

Наказание в виде лишения свободы основано на презумпции того, что лицо, совершившее преступление, ценит личную свободу превыше всего, и угроза помещения в тюрьму является фактором, сдерживающим преступность. На практике же подобный сдерживающий эффект достаточно минимален.

Более того, опыт показывает, что тюремное заключение оказывает негативное воздействие как на лиц, совершивших преступление, так и на общество в целом, потому что для осужденных тюрьмы являются зачастую «школой преступности», а недостаточно развитая система реабилитации и адаптации после освобождения также не способствует возвращению в общество.

Сегодня практически каждое второе уголовное дело, дошедшее до суда, связано с мелкими, незначительными преступлениями, а люди, в том числе совсем молодые, попадают в места лишения свободы, в тюрьму.

Пребывание там, сама судимость, как правило, негативно сказываются на их дальнейшей судьбе и нередко приводят к последующим преступлениям» [1].

В действующем УК РФ не содержится понятия и перечня альтернативных видов наказаний. Однако в науке уголовного и уголовно-исполнительного права можно найти значительный перечень определений термина «альтернативные наказания».

В.А. Зайченко «под альтернативными наказаниями понимают такие меры государственного принуждения, которые выражаются в принудительном воздействии на лицо, виновное в совершении преступления, не связаны с изоляцией от общества, но являются ее адекватной заменой в соответствии с характером и степенью общественной опасности содеянного, а также преследуют цели восстановления социальной справедливости, исправления осужденного, общего и специального предупреждения совершения новых преступлений» [3, с. 52].

И.В. Дворянсков, В.В. Сергеева, Д.Е. Баталин отмечают, что «альтернативными наказаниями следует считать меры государственного принуждения, которые выражаются в принудительном воздействии на лицо, виновное в совершении преступления, не связаны с изоляцией от общества, но являются ее адекватной заменой в соответствии с характером и степенью общественной опасности содеянного и преследуют цели восстановления социальной справедливости, исправления осужденного, общего и специального предупреждения совершения новых преступлений» [2, с. 10].

Таким образом, под альтернативными видами наказаний можно понимать наказания, предусмотренные УК РФ в качестве основных, не связанных с лишением свободы. Исходя из этого, можно выделить следующие виды наказания, не связанные с лишением свободы.

Наиболее мягким видом альтернативного наказания, предусмотренным уголовным законом и включившим большое количество составов преступлений в виде санкции, является штраф – денежное взыскание, назначаемое в пределах, предусмотренных Уголовным кодексом, в размере от пяти тысяч до пяти миллионов рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от двух недель до пяти лет. Размер штрафа определяется судом с учетом тяжести совершенного преступления и имущественного положения осужденного, его семьи, а также возможности получения осужденным заработной платы или иного дохода. С учетом тех же обстоятельств суд может назначить штраф с рассрочкой выплаты определенными частями на срок до пяти лет.

В случае злостного уклонения от уплаты штрафа, он может быть заменен иным наказанием [4].

Альтернативные наказания имеют ряд преимуществ как для общества, так и для самих осужденных. Во-первых, они позволяют осужденным продолжать поддерживать социальные связи, работать и учиться, что способствует их реабилитации и ресоциализации. Вместо того чтобы отрывать осужденного от общества, альтернативные наказания включают человека в общественную жизнь и помогают ему сохранить работу и связи с семьей и друзьями.

Во-вторых, альтернативные наказания могут быть более эффективными для предупреждения повторных правонарушений. Исследования показывают, что более интенсивные формы альтернативных наказаний, например, электронный домашний арест и общественные работы, могут быть эффективнее в снижении рецидива преступности, чем традиционные методы наказания, такие как лишение свободы.

Альтернативные наказания помогают осужденным осознать последствия их преступлений и реализовать свой потенциал в обществе. Они предлагают возможность исправить ошибки и сделать позитивный вклад в общество. Кроме того, альтернативные наказания могут сэкономить деньги на содержание тюрем и обеспечить более целенаправленное использование ресурсов [5].

Несмотря на все преимущества, альтернативные наказания не являются универсальным решением для всех видов преступлений и осужденных. Они должны применяться с учетом характеристик преступления, персональных особенностей осужденного и нужд общества. Определение наиболее эффективного наказания должно основываться на общепринятых принципах правосудия и рационального использования ресурсов.

Альтернативные наказания также способствуют сокращению рецидива преступлений, так как они активно включают осужденных в социальную среду и обеспечивают им поддержку и сопровождение на пути к реинтеграции. Это позволяет осужденным восстановить личные и профессиональные связи, а также научиться храниться навыкам и навыкам, необходимым для успешной адаптации в обществе после освобождения [6].

В целом, альтернативные наказания играют важную роль в реинтеграции осужденных, помогая им изменить свое поведение, восстановиться в обществе и стать полноценными и ответственными членами общества.

Список литературы:

1. Бурьянова Е.С. Перспективы развития альтернативных лишению свободы наказаний // Форум молодых ученых. 2022. №11 (75). С.46-51
2. Дворянсков И.В., Сергеева В.В., Баталин Д.Е. Применение альтернативных видов наказания в Западной Европе, США и России (сравнительно-правовое исследование). – М.: РОО «Центр содействия реформе уголовного правосудия», 2014. – 76 с.
3. Зайченко В. А. Альтернативные лишению свободы наказания как средство оптимизации системы уголовных наказаний в США: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2005. 256 с.
4. Непомнящая Т.В. Альтернативные виды наказаний: проблемы развития и совершенствования // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2019. №3 (32). С.217-220
5. Рогова Е.В., Парфиненко И.П. Наказания в современном уголовном праве России: новые перспективы и проблемы применения // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. №1 (35). С.67-73.
6. Япарова Д.З. Проблемы альтернативного наказания в Российской Федерации // Наука и образование сегодня. 2021. №3 (62). С.21-22.

© И.А. Искалиев, 2023.

УДК 343.13

ПОНЯТИЕ СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

*Карбышев Захар Артурович,
магистрант 2 курса юридического факультета
Ростовского филиала ФГБОВО
«Российский государственный университет правосудия»*

*Научный руководитель: Рogaва Инга Георгиевна,
старший преподаватель кафедры уголовно-процессуального права
Ростовского филиала ФГБОВО
«Российский государственный университет правосудия»*

Аннотация: в статье исследуется понятие стадии возбуждения уголовного дела. Отмечается, что не смотря на значимость данной стадии, законодатель не дает ее определения. На основе анализа положений уголовно-процессуального закона и мнений ученых-процессуалистов дается авторское определение данной стадии.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, возбуждение уголовного дела, институт, деятельность, процессуальный, акт, стадия, промежуток времени.

THE CONCEPT OF THE STAGE OF INSTITUTION OF A CRIMINAL CASE

*Karbyshev Zakhar Arturovich,
Scientific supervisor: Rogava Inga Georgievna*

Abstract: the article examines the concept of the stage of initiating a criminal case. It is noted that despite the significance of this stage, the legislator does not define it. Based on an analysis of the provisions of the criminal procedure law and the opinions of procedural scientists, the author's definition of this stage is given.

Keywords: criminal proceedings, initiation of a criminal case, institution, activity, procedural, act, stage, period of time.

Возбуждение уголовного дела является первоначальной стадией, с которой начинается весь механизм уголовного судопроизводства. Кроме того, в случаях, когда речь идет о делах частного обвинения, где все действие происходит у мирового судьи, момент принятия мировым судьей заявления о преступлении считается стадией возбуждения уголовного дела. Однако, не смотря на такую значимость данной стадии, законодатель так и не дал ее определения.

Следует отметить, что в российском уголовном судопроизводстве рассматриваемая стадия впервые появилась в УПК РСФСР 1922 г. в главе VII. «Возбуждение производства по уголовному делу» [1], а затем данная стадия была сохранена в УПК РСФСР 1960 г. и в действующем УПК РФ, где возбуждению уголовного дела посвящен раздел VII «Возбуждение уголовного дела» [2].

В связи с отсутствием законодательного определения стадии возбуждения уголовного дела, в науке до сих пор не утихают споры и дискуссии, и, соответственно, нет единого мнения о понятии данной стадии уголовного судопроизводства. Все существующие мнения можно условно разделить на пять групп:

1 – возбуждение уголовного дела – это уголовно-процессуальный институт, представляющий собой совокупность норм уголовно-процессуального закона, регулирующих уголовно-процессуальные отношения, возникающие при получении сообщения о преступлении, «которое поступает в правоохранительные органы, регистрируется, проверяется и по которому принимают соответствующее решение, которое предусмотрено действующим уголовно-процессуальным законодательством» [3, с. 103]. Так, Н.С. Алексеев, В.Г. Даев и Л.Д. Кокорев подразумевали под стадией возбуждения уголовного дела «обособленную часть уголовного судопроизводства, которая характеризуется определенными задачами, специальным кругом участников процессуальной деятельности, спецификой процессуальной формы, а также и видом принимаемых решений» [4, с. 67].

2 – возбуждение уголовного дела – это деятельность, урегулированная нормами уголовно-процессуального закона, заключающаяся «в приеме, регистрации, проверки и рассмотрении поступающих сообщений о совершенном или готовящемся преступлении» [5, с. 305];

3 – возбуждение уголовного дела – это процессуальный акт, который выносится «соответствующими правоохранительными органами, уполномоченными на разрешение сообщений о совершенном или

готовящемся преступлении, который содержит в себе описание признаков преступления». Так, по мнению С.И. Викторовского, который одним из первых дал дефиницию возбуждения уголовного дела в отечественной юридической науке, возбуждение уголовного преследования – «...это такой акт в уголовном процессе, который доводится до сведения судебной власти о совершении преступного факта, указывается вероятный виновник совершенного деяния и предъявляется требование расследовать дело» [6, с. 235];

4 – возбуждение уголовного дела – это первоначальная стадия уголовного судопроизводства, «основной задачей которой является решение вопроса о наличии либо об отсутствии состава преступления, о совершении или подготовке к совершению которого было сообщено в правоохранительные органы» [7, с. 26]. А.М. Ларин предлагал следующую дефиницию возбуждения уголовного дела: это совокупность процессуальных юридических норм, регламентирующих порядок возбуждения уголовного дела или отказа в его возбуждении [8, с. 36];

5 – возбуждение уголовного дела – это «промежуток времени, в течение которого осуществляется специфическая уголовно процессуальная деятельность, направленная на проверку заявления или сообщения о преступлении» [4, с. 176];

Из приведенных определений следует, что возбуждения уголовного дела понимается в нескольких значениях:

- во-первых, это уголовно-процессуальный институт;
- во-вторых, это вид уголовно-процессуальной деятельности;
- в-третьих, это вид процессуального акт досудебной части уголовного судопроизводства;
- в-четвертых, это самостоятельная первоначальная стадия уголовного судопроизводства;
- в-пятых, э то промежуток времени.

Возбуждению уголовного дела как одной из стадий уголовного судопроизводства присущи свои цели, задачи, сроки, субъекты реализации целей и задач возбуждения уголовного дела, специальные уголовно-процессуальные средства и документ, которым завершается рассматриваемая стадия.

Исходя из содержания гл. 16 УПК РФ, цель стадии возбуждения уголовного дела заключается в установлении законности повода и достаточности основания для принятия решения о возбуждении уголовного дела посредством средств, указанных в ч. 1 ст. 144 УПК РФ.

Сроки данной стадии указаны в ст. 144 УПК РФ (3 суток, 10 суток и 30 суток).

Субъектами возбуждения уголовного дела, согласно ч. 1 ст. 145 УПК РФ выступают «орган дознания, дознаватель, следователь, руководитель следственного органа» [2].

Стадия возбуждения уголовного дела обладает своими средствами проверки сообщения о преступлении, к которым относятся следственные и процессуальные действия, перечисленные в ч. 1 ст. 144 УПК РФ «при проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их ..., назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование, требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов, привлекать к участию в этих действиях специалистов, давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий» [2].

Документом, завершающим стадию возбуждения уголовного дела, является постановление, виды которого указаны в ч. 1 ст. 145 УПК РФ: «1) о возбуждении уголовного дела в порядке, установленном статьей 146 настоящего Кодекса; 2) об отказе в возбуждении уголовного дела; 3) о передаче сообщения по подследственности ..., а по уголовным делам частного обвинения – в суд...» [2].

Таким образом, на основе анализа признаков, свойственных каждой стадии уголовного процесса, можно взять за основу исследования понятие, сформулированное И.Г. Рогова и А.К. Жуковым: «стадия возбуждения уголовного дела представляет собой начальный обязательный этап уголовного судопроизводства, в ходе которого должностные лица уполномоченных органов обязаны принять и проверить в течение установленного срока, указанными процессуальными средствами, любое сообщение о преступлении и, в зависимости от наличия или отсутствия доказательства преступления, принять решение о возбуждении уголовного дела или об отказе в возбуждении уголовного дела [9, с. 167].

Кроме того, следует отметить, что в уголовно-процессуальной науке дискуссии ведутся не только по поводу понятия стадии возбуждения уголовного дела, но также о необходимости данной стадии. Так, А.С. Каретникова указывает, что «на стадии возбуждения дела происходит

наибольшее количество нарушений. Поэтому необходим отказ от данной стадии» [10].

В.А. Азаров отмечает, что «существование данной стадии необходимо в российском уголовном судопроизводстве, ведь органами предварительного расследования решаются задачи качественной проверки сообщений и обстоятельств преступлений, необходимых для законного и обоснованного принятия решения, что в свою очередь, будет минимизировать количество отмененных решений вышестоящими органами» [11, с. 57].

С.Б. Россинский предлагает не устранить данную стадию, а «расширить перечень действий уполномоченных лиц в целях расширения полномочий по проверке полученных сообщений» [12, с. 134].

По нашему мнению, в связи с высокими статистическими данными регистрируемой преступности, существование данной стадии является обязательным и необходимым. На данной стадии фиксируется преступление и происходит оперативное реагирование на него: производятся процессуальные действия, выявляются признаки преступления.

Список литературы:

1. Уголовно-Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р. 1922 г. (утратил силу) // СУ РСФСР. 1922. № 20-21. Ст. 230.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 24.12.2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.
3. Васильев, Ф. Ю. К вопросу о понятии института отказа в возбуждении уголовного дела в российском уголовном процессе // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2018. – № 4 (68). – С. 100-107.
4. Рыжаков, А. П. Возбуждение и отказ в возбуждении уголовного дела. – М.: Дело и Сервис, 2016. – 318 с.
5. Ажибеков, М. А., Румянцева, М. О. Понятие и значение стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Института правовых цивилизаций. – 2017. – № 14. – С. 304-309.
6. Викторский, С. И. Русский уголовный процесс. – М.: Юрид. бюро «Городец», 1997. – 438 с.
7. Муртазин, Р. М. Понятие и сущность стадии возбуждения уголовного дела // В сборнике: Государственная власть и местное самоуправление в современный период. Сборник научных статей по

итогах работы научных семинаров и студенческого научного кружка «Проблемы государственной власти и местного самоуправления». – Стерлитамак, 2021. – С. 26-27.

8. Ларин А.М. Конституция и уголовно-процессуальный кодекс // *Государство и право.* – 1993. – 10. – С. 35-42.

9. Рogaва, И. Г., Жуков, А. К. К вопросу о понятии стадии возбуждения уголовного дела // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук.* – 2019. – № 1-2. – С. 166-168.

10. Каретников, А. С. Каретников, С. А. Нужна ли стадия возбуждения уголовного дела. – URL: <http://xn7sbaj7aiwnffhk.xn--p1ai/article/493>. (дата обращения: 10.10.2023)

11. Азаров В.А. Целесообразно ли наличие в отечественном уголовном процессе стадии возбуждения уголовного дела? // *Уголовная юстиция.* – №2 (4). – 2023. – С. 56-64.

12. Россинский, С. Б. Стадия возбуждения уголовного дела: безоговорочно упразднить либо попытаться понять подлинные причины ее возникновения? // *Актуальные проблемы российского права.* – 2021. – Т. 16. – № 6 (127). – С. 133-139.

© З.А. карбышев, 2023.

УДК 343.13

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ФИКСАЦИИ ХОДА И РЕЗУЛЬТАТОВ ДОПРОСА В ХОДЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

*Кошелев Евгений Владимирович,
магистрант 3 курса юридического факультета
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российская государственная академия правосудия»*

*Научный руководитель: Демидченко Юрий Викторович,
к.ю.н., доцент кафедры уголовно-процессуального права
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российская государственная академия правосудия»*

Аннотация: статья посвящена использованию современных технических средств фиксации хода и результатов допроса в ходе предварительного следствия. С целью обеспечения качественной и полной регистрации различных типов информации во время проведения предварительного следствия, следователи активно используют специализированное оборудование. Эти технические средства позволяют обеспечить более точную и надежную фиксацию как допроса в целом, так и деталей, в частности, которые могут быть упущены при обычных методах допроса.

Ключевые слова: допрос, технические средства, предварительное следствие, следственные действия.

THE USE OF MODERN TECHNICAL MEANS DURING INTERROGATION DURING THE PRELIMINARY INVESTIGATION

*Koshelev Evgeny Vladimirovich
Scientific supervisor: Demidchenko Yuri Viktorovich*

Abstract: the article is devoted to the use of modern technical means of recording the course and results of interrogation during the preliminary investigation. In order to ensure high-quality and complete registration of various types of information during the preliminary investigation, investigators

actively use specialized equipment. These technical means allow for more accurate and reliable recording of both the interrogation in general and the details, in particular, that may be missed with conventional interrogation methods

Keywords: interrogation, technical means, preliminary investigation, investigative actions.

В современном мире цифровизация уголовного судопроизводства стала неотъемлемым следствием развития информационных технологий. В настоящее время цифровые технологии активно применяются в доказывании уголовных дел и уже успели зарекомендовать себя.

Часть 2 ст. 190 УПК РФ [1] предписывает фиксировать в протоколе допроса показания, допрашиваемого в точной формулировке, однако на практике этого не всегда придерживаются. Следователь часто выбирает только те сведения, которые считает значимыми и относящимися к уголовному делу. В результате этого, некоторые важные обстоятельства, которые могли быть упущены во время допроса, остаются незафиксированными. В ходе составления протокола показаний допрашиваемого, текст редактируется и оформляется общими фразами, что может привести к искажению его содержания. Кроме того, при таком подходе теряются индивидуальные особенности речи, зависящие от возраста, образования, уровня культуры, профессии и т.д. Необходимо отметить, что допрос является одним из наиболее информативных следственных действий, даже если подозреваемый активно противодействует. Содержательная сторона допроса заключается не только в умении задавать грамотные вопросы и вести диалог, но и в умении фиксировать показания в протоколе следственного действия. В некоторых случаях, особое значение приобретает использование технических средств, которые служат для фиксации информации. В условиях следственного изолятора, такое использование технических средств имеет свою специфику [2, с.25].

В соответствии с предписаниями части 6 статьи 164 УПК РФ "Общие правила производства следственных действий" возможно применение технических средств и методов для фиксации процесса и результатов допроса. Одним из положительных свойств данной нормы является ее включение в число общих правил производства следственных действий, что свидетельствует о возможности использования технических средств при проведении следственных действий, где это не прямо предусмотрено.

Среди технических средств, применяемых в процессе доказывания преступлений, можно выделить средства, заимствованные из различных областей человеческой деятельности, которые используются в исходном виде или с некоторыми изменениями и дополнениями. Важно отметить, что работа по внедрению и адаптации передовых научно-технических достижений в практику следственных мероприятий продолжается активно и дает результаты и по сей день [3, с.74].

Использование технических устройств позволяет не только зафиксировать итоговый результат допроса, но и записать сам процесс, что впоследствии дает возможность оценить законность и обоснованность примененных методов для достижения определенного результата. Воспроизведение аудио- или видеозаписи создает эффект присутствия и позволяет определить, что говорил допрашиваемый и как он это делал. Также можно узнать, какие вопросы ему были заданы и в какой форме, какие аргументы использовал следователь и какое воздействие он оказывал на подозреваемого. В ходе допроса возможна ситуация, когда во время выдачи показаний допрашиваемый может стучать ладонями по столу, что может быть истолковано как физическое воздействие со стороны следователя. Если допрашиваемый совершает какие-либо действия, сопровождающиеся громким звуком, следователь должен пояснить происхождение этих звуков и отразить это в протоколе. Таким образом, аудио- или видеозапись обеспечивает полноту и точность фиксации показаний, исключая возможные ошибки, допущенные при составлении протокола. Вся информация, содержащаяся в показаниях, сохраняется полностью без сокращений, которые неизбежно возникают при составлении обычного протокола допроса [4, с.130]. Запись на фонограмме позволяет выявить уловки преступников и недобросовестных свидетелей, что характеризует их поведение на предварительном следствии и помогает разработать тактический план для последующих допросов и опровержения ложных показаний. Поэтому для следователя очень важно внимательно прослушивать аудиозапись или просматривать видеозапись, чтобы обнаружить факты, имеющие значение для дела, и оценить достоверность показаний.

Если следователь решает использовать аудио- или видеозапись в ходе допроса, он должен сделать несколько подготовительных шагов: записать на бумаге вступление к допросу; сформулировать вопросы допрашиваемому и определить последовательность их постановки; пригласить специалиста для производства аудио-, видеозаписи или киносъемки; подготовить для аудио-, видеозаписи или киносъемки

помещение, в котором будет производиться допрос (закрывать окна, форточку, отключить телефон, изготовить и поместить на двери табличку с надписью «не входить: идет допрос» и т. п.).

Взяв во внимание тактические соображения и имеющиеся технические средства, следователь принимает решение о применении аудио- или видеозаписи во время допроса. В современной следственной практике широко используются аудио- и видеозаписи для фиксации показаний различных лиц. Это особенно актуально в отношении обвиняемых, совершивших серьезные преступления, а также лиц, речевые особенности которых сложно передать в письменной форме (например, малолетние или страдающие дефектами речи). Также записи используются при допросе лиц, находящихся в состоянии болезни, не владеющих языком, на котором ведется предварительное следствие, и лиц, требующих участия переводчика. Важно отметить, что записи также ценны при допросе лиц, которым необходимо психиатрическое обследование, а также при наличии достаточных оснований полагать, что впоследствии они могут отказаться от своих показаний, в том числе с ссылкой на незаконные методы допроса. Кроме того, видеозаписи имеют особое значение при допросе лиц, страдающих глухотой и немотой, так как они позволяют проверить точность перевода показаний сурдопереводчиком [5, с. 27].

По окончании допроса фонограмма и видеозапись полностью воспроизводятся в присутствии допрошенного, который имеет возможность дополнить свои показания и внести поправки. Любые дополнения и поправки также фиксируются на магнитной ленте или видеопленке. В конце допроса допрошенный делает заявление о правильности записи, которую получил в ходе допроса, а следователь сообщает время окончания допроса. Технические средства хранятся до окончания уголовного дела. (ч. 4 ст. 189 УПК).

Таким образом, мы можем сказать, что использование современных технических средств фиксации хода и результатов допроса в ходе предварительного следствия имеют огромное значение. Возможно, при дальнейшем развитии данных средств проведение допроса может стать еще более упрощенным следственным мероприятием, так как новые и инновационные технические средства смогут не только фиксировать слова и действия подозреваемого, эмоции и состояние допрашиваемого лица, но и самостоятельно переносить все данные на бумажный носитель, потому что даже современный закон не позволяет отказаться нам от установленного правила.

Список литературы:

1. "Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.10.2023) // "Собрание законодательства РФ", 24.12.2001, N 52 (ч. I), ст. 4921.

2. Использование в органах предварительного следствия специальных познаний, научно-технических средств и методов при раскрытии и расследовании преступлений учебно-практическое пособие / под общ. ред. Ф. Б. Мухаметшина. – М.: ЦОКР МВД России, 2010. – 88 с.

3. Холопов, А. В. Использование видеозаписи при производстве допросов на предварительном следствии / А. В. Холопов // КриминалистЪ. – 2011. – №.1 (8). – С. 73 – 77.

4. Рамалданов Х.Х. Цифровые доказательства, полученные путем использования систем видео-конференц-связи // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – № 11. – С. 124–131.

5. Плетникова М.С., Семенов Е.А. К вопросу использования видео-конференц-связи при производстве допроса // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2021. – № 1. – С. 25–28.

© **Е.В. Кошелев, 2023.**

УДК 343.3/7

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРИНУЖДЕНИЯ К ИЗЪЯТИЮ ОРГАНОВ ИЛИ ТКАНЕЙ ЧЕЛОВЕКА ДЛЯ ТРАНСПЛАНТАЦИИ

*Лысенко Анна Андреевна,
магистрант 2 курса юридического факультета
Ростовского филиала ФГБОУ ВО
«Российский государственный университет правосудия»*

*Научный руководитель: Серегина Елена Владимировна,
к.ю.н., доцент, заведующий кафедрой уголовного права
Ростовского филиала ФГБОУ ВО
«Российский государственный университет правосудия»*

Аннотация: в статье рассматриваются теоретические и практические проблемы квалификации преступления, предусмотренного ст. 120 УК РФ. Проанализированы характерные черты данного общественно опасного деяния, рассмотрены особенности его квалификации, а именно проблемы установления способа принуждения живого потенциального донора к согласию на изъятие у него органов и (или) тканей для трансплантации, сопряженного с применением физического насилия либо угрозой его применения.

Ключевые слова: принуждение, изъятие органов или тканей человека, трансплантация, насилие, угроза насилия, квалификация преступления.

SOME PROBLEMS OF QUALIFICATION OF COERCION TO THE REMOVAL OF HUMAN ORGANS OR TISSUES FOR TRANSPLANTATION

*Lysenko Anna Andreevna
Scientific supervisor: Seregina Elena Vladimirovna*

Abstract: the article discusses the theoretical and practical problems of the qualification of a crime under Article 120 of the Criminal Code of the Russian Federation. The characteristic features of this socially dangerous act

are analyzed, the features of its qualification are considered, namely, the problems of establishing a method of forcing a living potential donor to consent to the removal of organs and (or) tissues from him for transplantation, involving the use of physical violence or the threat of its use.

Keywords: *coercion, removal of human organs or tissues, transplantation, violence, threat of violence, qualification of a crime.*

Проблема незаконной трансплантации органов и (или) тканей человека является одной из важнейших в современной сфере здравоохранения и социального развития. Ее общественная опасность заключается в том, что она посягает на особо важные объекты, охраняемые уголовным законом – здоровье и жизнь человека.

Призванное более или менее оперативно реагировать на потребности динамично развивающегося общества и отвечать на запросы научно-технического прогресса, уголовное законодательство неизбежно вплетается и в правовой контекст практической медицины как области, непосредственно связанной с жизнью и здоровьем людей. Особая необходимость в уголовно-правовом регулировании данной сферы возникла еще во второй половине XX века – с появлением возможности преодоления неизлечимых заболеваний путем трансплантации органов и тканей [1, с. 3]. Принуждение к использованию органов или тканей человека для трансплантации – абсолютно новое, неизвестное российскому уголовному законодательству преступление. Криминализация данного общественно опасного деяния обусловлено возможностью использования в преступных целях прогрессивных достижений медицины.

Трансплантология на сегодняшний день является наиболее прогрессивным направлением генно-инженерной индустрии. Сравнительно недавно это направление стало активно развиваться и перешло от экспериментальной стадии к практическим клиническим этапам. Так, в 2023 г. исполнилось 58 лет со дня первой пересадки почки, 36 лет – пересадки сердца и 33 года – пересадки печени. Безусловно, трансплантология призвана помогать ранее неизлечимым больным, однако для этого требуется постоянное снабжение донорскими органами, количество которых ограничено. Каждый день увеличивается число пациентов, нуждающихся в пересадке органа. Число пациентов с трансплантированными органами в России превышает 130 на миллион среди населения [2, с. 10]. Трансплантация (пересадка) органов и (или) тканей человека является средством спасения жизни и восстановления

здоровья граждан и должна осуществляться на основе соблюдения законодательства Российской Федерации. С одной стороны, она позволяет спасти жизнь человека, а с другой – может стать способом совершения преступлений против жизни и здоровья лица [3, с. 37].

В России при изъятии органов человека после его смерти действует нормативная модель презумпции согласия. Данная модель в законодательстве Российской Федерации отражена в ст. 8 Закона РФ от 22 декабря 1992 г. №4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» и ст. 47 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. №323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». В этих статьях отсутствие выражения лицом или его близкими родственниками своей воли либо отсутствие соответствующих документов, фиксирующих ту или иную волю, следует считать проявлением положительного волеизъявления на такое изъятие. Органы или ткани не изымаются, если врачи обладают достоверной информацией об отрицательном отношении к изъятию потерпевшего и (или) его близких родственников. Принуждение любым лицом живого донора к согласию на изъятие у него органов и (или) тканей влечет уголовную ответственность по ст. 120 УК РФ.

Таким образом, в настоящее время в практике доминирует позиция, в соответствии с которой не является преступлением изъятие врачами-специалистами, осуществляющими изъятие органов и тканей человека с целью их трансплантации, если им в этот момент неизвестно о том, что потенциальный донор либо его родственники, опекуны не согласны на изъятие органов и тканей после смерти для трансплантации (пересадки) [4, с. 47]. На практике уголовное дело при таких обстоятельствах не возбуждается, а возбужденное уголовное дело прекращается в соответствии с ч. 2 ст. 24 УПК РФ.

Уголовная ответственность врача возможна только при констатации ухудшения состояния здоровья человека, которое обусловлено дефектом оказания медицинской помощи и согласно п. 25 Критериев рассматривается как причинение вреда здоровью. При этом под «дефектом» здесь понимается только неосторожное причинение тяжкого вреда здоровью либо смерти пациента, произошедшее в результате некачественного исполнения медицинским работником своих профессиональных обязанностей (ч. 2 ст. 118 либо ч. 2 ст. 109 УК РФ).

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что Министерству здравоохранения Российской Федерации необходимо разработать нормативно-правовой акт, регламентирующий определение степени тяжести вреда, причиненного здоровью пациента при удалении его

органов, частей органов и тканей не только в результате травмы, но и в результате незаконного оперативного вмешательства.

При рассмотрении особенностей квалификации преступления, предусматривающего ответственность за принуждение к изъятию органов и (или) тканей для трансплантации, встает вопрос о способе принуждения живого потенциального донора к согласию на изъятие у него органов и (или) тканей для трансплантации, сопряженном с применением физического насилия либо угрозой его применения.

Слово «принудить» означает «заставить что-нибудь сделать». Слова «насилие» и «принуждение» являются, как нам кажется, синонимами, а угроза применения насилия является формой психического принуждения. В связи с тем, что в Общей и Особенной частях УК РФ используются разные лексические средства – «насилие» и «принуждение» – для обозначения одного понятия, не исключены ошибки в правоприменительной практике – повторный учет отягчающего обстоятельства. Это свидетельствует о несовершенстве техники законодательного регулирования [5, с. 33].

Принуждение в рамках диспозиции ст. 120 УК РФ означает незаконное воздействие (физическое или психическое) на потерпевшего с целью добиться от него согласия на донорство. Применение насилия в процессе принуждения выражается в нанесении ударов, побоев, причинении легкого и средней тяжести вреда здоровью. Эти действия не требуют самостоятельной юридической оценки, т. е. при квалификации они охватываются диспозицией ст. 120 УК РФ. Причинение тяжкого вреда здоровью в процессе принуждения образует совокупность преступлений и квалифицируется по ст. 120 и 111 УК РФ [6, с. 107].

Угроза применения насилия означает психическое воздействие на потерпевшего и состоит в явно выраженном и реально осуществимом намерении прибегнуть к физическому насилию в случае, если лицо не захочет поступить нужным для виновного образом. Угроза предполагает потенциальную возможность причинения любого физического вреда, включая угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью. При этом все содеянное охватывается ст. 120 УК РФ и дополнительной квалификации не требует. Угроза может быть высказана как самому потерпевшему, так и его близким. Способ доведения угрозы до потерпевшего может быть различным и на квалификацию не влияет. Важно лишь то, что она воспринимается потерпевшим как реальная, т. е. у него имеются основания опасаться осуществления этой угрозы.

Следует отметить, что под объективную сторону преступления не будут подпадать подкуп, угрозы распространить сведения, уничтожить имущество и прочие способы принуждения, благодаря которым можно получить согласие на трансплантацию, кроме применения насилия или угрозы его применения. Это значительно сужает круг деяний, которые могут быть квалифицированы по ст. 120 УК РФ.

Состав рассматриваемого преступления имеет место быть не только в принуждении к даче письменного согласия на изъятие трансплантацию органов или тканей потерпевшего, но и к принуждению на дачу устного согласия по причине возможного нарушения самой процедуры дачи согласия донора. Также стоит учесть, что, рассматривая перечень органов или тканей человека доступных для трансплантации и изъятия это может быть кровь, костный мозг, а также компоненты крови, правомерное изъятие которых в соответствии с действующим законодательством не требует дачи письменного согласия [7, с. 621].

Таким образом, деяние, предусмотренное ст. 120 УК РФ, выражается в принуждении лица к даче согласия на изъятие его органов или тканей для трансплантации, которое характеризуется: общественно опасным способом в виде применения насилия либо угрозы его применения; требованием дать согласие в устной либо письменной форме на изъятие органов или тканей; существенным ограничением свободы волеизъявления человека.

Список литературы:

1. Фабрика Т. А. Проблемы уголовной ответственности за принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации. Автореферат дис ... канд. юрид. наук. 12.00.08. – Челябинск: Челябинский государственный университет, 2007. – 27 с.

2. Готье С. В., Хомяков С. М. Донорство и трансплантация органов в Российской Федерации в 2020 году. XIII сообщение регистра Российского трансплантологического общества // Вестник трансплантологии и искусственных органов. – 2021. – №23 (3). – С. 8-34.

3. Дадашов Р. Ф. Уголовно-правовые проблемы, связанные с незаконной торговлей людьми для трансплантации органов и тканей человека. В сб.: Проблемы и перспективы совершенствования законодательства и правоприменительной практики органов внутренних дел: материалы международной дистанционной научно-практической конференции, посвященной 30-летию Независимости Республики Казахстан. – Караганда, 2021. – С. 35-42.

4. Иванов А. Л. Вопросы квалификации убийства в целях использования органов или тканей потерпевшего (п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ) // *Российский следователь*. – 2020. – №10. – С. 46-51.

5. *Актуальные проблемы Особенной части уголовного права / Отв. ред. И. А. Подройкина, И. А. Фаргиев. Учебник. Серия: Магистр. Базовый курс.* – М.: Проспект, 2020. – 768 с.

6. *Уголовное право. Особенная часть. Семестр II / Отв. ред. И. А. Подройкина, Е. В. Серегина, С. И. Улезько.* – М.: Юрайт, 2023. – 706 с.

7. Гаджимагомедова Ш.С., Магомедова А.М., Омарова Д.Р. *Принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации // Московский экономический журнал.* – 2019. – №2. – С. 618-622.

© А.А. Лысенко, 2023.

УДК 343.98

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ В КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ГАБИТОСКОПИИ

*Мазманян Софи Аргамовна,
студентка 4 курса
ЧОУ ВО «Южный Университет(ИУБиП)»*

*Научный руководитель: Тарнаков Ольга Геннадьевна,
доцент, канд.юрид.наук,
ЧОУ ВО «Южный Университет (ИУБиП)»*

***Аннотация:** В современном мире стабильно стремительно изменяющееся общество не является чем-то новым, именно поэтому специалисты в области габитоскопии стремятся обновлять средства и методы габитоскопии.*

***Ключевые слова:** внешний облик человека, экспертиза, криминалистическая габитоскопия.*

MODERN PROBLEMS IN FORENSIC HABITOSCOPY

*Mazmanyayn Sophie Argamovna,
Scientific supervisor: Tarnakov Olga Gennadievna*

***Abstract:** In the modern world, a steadily rapidly changing society is not something new, which is why specialists in the field of habitoscopy strive to update the means and methods of habitoscopy.*

***Keywords:** appearance, person, examination, criminalistics, habitoscop.*

Совершенствование имеющихся и появление новых способов совершения преступлений различных категорий остро ставят вопрос о разработке качественно новых способов расследования, раскрытия и противодействия преступности. Во многом стратегия борьбы с преступностью будет зависеть от профессионального розыска и установления лиц, совершивших преступления. Проблемы моделирования внешности преступника, составления поискового и словесного портретов,

и психологического профиля, призвана решать криминалистическая габитоскопия.

Криминалистическая габитоскопия – это отрасль криминалистической техники, включающая в себя систему научных положений и разрабатываемых на их основе практических рекомендаций по собиранию, фиксации, исследованию и оценке криминалистически значимой информации о внешнем облике человека [1, с. 21-34].

Основным объектом изучения криминалистической габитоскопии является внешний облик человека и его отображения. В качестве предмета криминалистической габитоскопии выступают закономерности, обуславливающие природу внешнего облика человека, проявляющиеся в его свойствах, а также закономерности собирания, исследования и использования данных о внешнем облике человека с помощью разработанных для этих целей методов и средств.

Первая проблема тесно связана с тем, что существующий мир развивается значительно быстро и криминалистика, как теоретическая наука, включающая в себя ряд положений и концепций того или иного процесса, буквально не успеет за существующими тенденциями. Например, в последнее время человечество активно стало развиваться в медицине и позволять себе изменять свой внешний вид до неузнаваемости и с точки зрения габитоскопии возникли вопросы отождествления измененной личности. Для того, чтобы исключить данные системные ошибки необходимо регулярно обновлять и изучать детально ранее неизведанные миру теории, а также обозначить пути выявления новых объясняющих неизвестные современной науке явления или процессы.

Следующая проблема связана с негативным отношением к известным в криминалистике решениям ранее поставленных проблем. Такое переосмысление касается не только спорных формулировок выводов, но и таких решений, которые в свое время стали общепризнанными, но в современных условиях, с появлением новых инновационных технологий, которые использует современная наука, нуждаются в пересмотре и переоценке [2, с. 311-313]. К примеру, с точки зрения исследования признаков внешности нуждаются в пересмотре и переоценке средства и содержание методов их исследования, основываясь на антропологических и генетических знаниях о человеке.

Ещё одна проблема с фото-видеосъемкой. В настоящее время сложно представить жизнь человека без такого устройства как камера. Такая чудесная функция как фиксирование с помощью данного устройства окружающей среды, людей и так далее позволяет создавать цифровое

изображение. Однако не стоит забывать про существование программ, которые могут легко видоизменить внешность, обстановку и прочее на существующих образах. При проведении экспертизы данные обстоятельства существенно затрудняют процесс идентификации личности человека. Проблема исследования цифровых изображений на предмет графического видоизменения решается путем проведения фототехнической экспертизы. Однако у многих экспертов дискуссионный характер носит иной вопрос. Одни считают, что перед портретной экспертизой нужно проводить фототехническую, которая установит наличие/отсутствие изменений. Другие же отмечают, что в таких ситуациях позволит быстрее и эффективнее определиться комплексная экспертиза. Четкого и правильного ответа по сей день не обнаружено.

Из вышеизложенной проблемы также вытекает ещё одна, немаловажная дискуссионная ситуация. Так, в рамках проведения портретной экспертизы специалисты в габитоскопии зачастую используют разные способы и технические устройства для идентификации. Это связано с тем, что существует множество экспертных организаций или индивидуальных экспертов, которые пользуются значительно разными методами и ресурсами, вследствие чего при идентификации и в целом экспертизе возникает проблема неверной трактовки. На основе анализа данных ситуаций специалисты пришли к выводу, что необходимо систематическое пополнение реестра необходимым программным продуктом, соответствующим требованиям портретной экспертизы, связанного с отсутствием четко обозначенных участников, на которых была бы возложена функция формирования и подачи документов для внесения свободно распространенных программ в реестр.

По мнению юристов-теоретиков, в частности, В.В. Воронина и П.В. Петрова, на сегодняшний день габитоскопия представляет собой быстро развивающийся вектор в судебно-экспертизой деятельности и криминалистики в целом, поэтому необходим комплексный подход к решению задач, связанных с разработкой и оснащением современными технологиями.

Подводя итоги вышеперечисленному, можно сделать вывод о том, что габитоскопия, как направление достаточно популярное и стремительно развивающееся и достаточная его цифровизация позволит значительно повысить качество экспертиз. Если производить регулярное обновление технологий и методов габитоскопии это может благоприятно сказаться на деятельности экспертов, правоохранительных органов и улучшит качество раскрываемости преступности в России.

Список литературы:

1. Бирюков В. В., Бирюкова Т. П. ; Под общ. ред. Бирюковой Т.П. // *Криминалистическая габитоскопия – 2023. – Юрайт – С. 21-34*
2. Егоров Н.Н. *Криминалистика – 2023 – Юрайт – С. 311-313*

© С.А. Мазманян, 2023.

УДК 343.13

ДОСУДЕБНОЕ СОГЛАШЕНИЕ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ, ЕГО МЕСТО В СИСТЕМЕ ДРУГИХ СМЕЖНЫХ ПРАВОВЫХ ИНСТИТУТОВ

*Малышев Кирилл Владимирович,
магистрант 2 курса юридического факультета
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»
г. Ростов-на-Дону, Россия,*

*Научный руководитель: Кobleва Мария Мухадиновна
к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовно-процессуального права
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»*

Аннотация: В статье рассматриваются проблемные вопросы досудебного соглашения о сотрудничестве и его место в системе других смежных правовых институтов, выделяются проблемы и их решения, отмечается влияние смежных правовых институтов. Выделены основные признаки досудебного соглашения о сотрудничестве, определены условия соглашения.

Ключевые слова: досудебное соглашение о сотрудничестве, преступность, справедливость, судебный процесс, стадии уголовного процесса, независимость судебной системы, судебный процесс, система правовых институтов.

PRE-TRIAL COOPERATION AGREEMENT, ITS PLACE IN THE SYSTEM OF OTHER RELATED LEGAL INSTITUTIONS

*Malyshev Kirill Vladimirovich
Scientific adviser: Kobleva Mariya Muhadinovna*

Abstract: The article examines the problematic issues of the pre-trial cooperation agreement and its place in the system of other related legal institutions, identifies problems and their solutions, and notes the influence of

related legal institutions. The main features of a pre-trial cooperation agreement are highlighted, the terms of the agreement are defined.

Keywords: *Pre-trial cooperation agreement, crime, justice, judicial process, stages of criminal proceedings, independence of the judicial system, judicial process, system of legal institutions.*

Досудебное соглашение о сотрудничестве является важным институтом уголовного права, который имеет своё место в системе других смежных правовых институтов. В данной статье рассмотрим понятие досудебного соглашения о сотрудничестве, его назначение и роль в уголовном процессе, а также его взаимосвязь с другими институтами права.

В научной литературе высказаны различные мнения о сущности, содержании, основных признаках досудебного соглашения о сотрудничестве. В целом в науке не оспаривается договорной характер досудебного соглашения о сотрудничестве в уголовном судопроизводстве. В частности, Я. В. Лошкобанова рассматривает досудебное соглашение о сотрудничестве как одностороннюю сделку, в которой обязательства подозреваемого, обвиняемого имеют добровольный характер, а обязательства прокурора, выполняющего функцию второй стороны, наступают в случаях, специально предусмотренных уголовно-процессуальным законом [1].

Досудебное соглашение о сотрудничестве в уголовном праве представляет собой договор между обвиняемым и органами дознания, следствия или прокуратуры о сотрудничестве в расследовании преступления, с целью получения уменьшения наказания или иных преимуществ. Обвиняемый, принимая на себя определенные обязательства, соглашается помочь органам правосудия в раскрытии других преступлений, раскрытии структуры преступной группы, либо предоставить иные полезные сведения для уголовного расследования.

Главная цель досудебного соглашения о сотрудничестве заключается в эффективном противодействии преступности и достижении справедливости. Данный институт позволяет органам правосудия получить ценную информацию и доказательства для раскрытия других тяжких преступлений, а обвиняемому – получить снижение наказания или иные льготы, функционирование которых рассмотрим ниже.

Одним из основных преимуществ досудебного соглашения о сотрудничестве является возможность обвиняемому получить снижение

наказания. Обычно стороны могут договориться о условиях сотрудничества, вследствие чего обвиняемый может получить льготы, такие как смягчение меры наказания, условное освобождение или отсрочку исполнения приговора. Это стимулирует обвиняемого сотрудничать с правоохранительными органами и дает возможность принять ответственность за свои действия.

Досудебное соглашение о сотрудничестве также играет важную роль в раскрытии преступлений, особенно тех, которые связаны с организованной преступностью или коррупцией. Сотрудничество обвиняемого может существенно ускорить процесс расследования, обеспечивая доступ к информации, свидетелям или доказательствам, которые могут быть недоступны органам правосудия без его помощи. Это помогает пресечь деятельность преступных организаций, задержать и раскрыть основных участников преступного мира.

Взаимодействие досудебного соглашения о сотрудничестве с другими институтами права также играет важную роль в уголовном процессе. Например, досудебное соглашение о сотрудничестве может быть использовано в качестве предварительной стадии перед судебным процессом, когда стороны оценивают полезность сотрудничества, договариваются о возможных условиях и преимуществах. Если досудебное соглашение о сотрудничестве не дает результатов или стороны не достигают соглашения, дело может быть передано в суд для разрешения спора.

Важным аспектом досудебного соглашения о сотрудничестве является его добровольный характер. Обвиняемый имеет свободу решения участвовать или не участвовать в таком соглашении. Он также имеет право на юридическую помощь и консультацию перед принятием решения. Это гарантирует соблюдение основных принципов справедливости и индивидуальных прав обвиняемого.

В заключение, досудебное соглашение о сотрудничестве является эффективным инструментом уголовного права, который позволяет достичь справедливости и эффективности в борьбе с преступностью. Он имеет своё место в системе других смежных правовых институтов, взаимодействуя с судебным процессом, правом на защиту и другими институтами права. Досудебное соглашение о сотрудничестве признано важным средством для обеспечения безопасности и привлечения преступников к ответственности, гарантируя соблюдение прав обвиняемого в уголовном процессе.

Важно отметить, что досудебное соглашение о сотрудничестве может иметь различные формы и содержать разные условия в зависимости

от конкретной ситуации и законодательства определенной страны. Например, соглашение может предусматривать сотрудничество в обмен на освобождение от некоторых обвинений или уменьшение их тяжести, защиту от дополнительных обвинений или предоставление свидетельского статуса с правом на иммунитет от уголовного преследования [2].

Досудебное соглашение о сотрудничестве может быть заключено на разных стадиях уголовного процесса. Оно может быть заключено уже на этапе дознания или следствия, когда обвиняемый предоставляет полезную информацию и сотрудничает с органами правосудия. Также досудебное соглашение о сотрудничестве может быть заключено даже на стадии судебного процесса, когда обвиняемый соглашается сотрудничать и предоставить дополнительные доказательства или свидетельские показания в обмен на смягчение наказания.

Одним из важных аспектов соглашения является его конфиденциальность. Обвиняемый может требовать, чтобы информация, предоставленная им органам правосудия в рамках досудебного соглашения о сотрудничестве, оставалась конфиденциальной или была использована только в рамках уголовного расследования и судебного процесса. Это помогает защитить информаторов и обеспечить безопасность обвиняемого и его близких.

В заключение, досудебное соглашение о сотрудничестве является инструментом сотрудничества между обвиняемым и органами правосудия, который имеет целью достижение справедливости и борьбу с преступностью. Оно позволяет обвиняемому получить снижение наказания или другие льготы в обмен на полезную информацию и содействие в уголовном расследовании. Однако, решение о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве должно быть осознанным и обдуманым с учетом всех рисков и последствий.

Одна из основных проблем досудебного соглашения о сотрудничестве заключается в отношении общественности и публичности судебного процесса. Некоторые критики считают, что заключение досудебного соглашения позволяет обвиняемому избежать публичного судебного процесса и возможности общественного узнавания правоты или неправоты его поступков. Решением этой проблемы может быть более прозрачный и обоснованный подход к заключению и утверждению соглашения, включая обязательное разъяснение его условий и последствий для всех сторон.

Также возникают проблемы в отношении конфликта интересов в процессе заключения досудебного соглашения о сотрудничестве.

Например, органы правосудия могут иметь свои собственные цели и мотивы в предлагаемом соглашении, которые не всегда совпадают с интересами обвиняемого. Для решения этой проблемы необходимо обеспечить независимость и непредвзятость органов правосудия при рассмотрении и утверждении досудебного соглашения о сотрудничестве, а также правильное и честное информирование обвиняемого о его правах и возможных последствиях соглашения.

Другой не менее важной проблемой является отношение к обвиняемому, который соглашается на сотрудничество и предоставляет полезную информацию о других преступлениях. Ему может угрожать опасность со стороны соучастников или других преступников, которые могут пытаться достичь возмездия. Для решения этой проблемы необходимо обеспечить надлежащую защиту и безопасность обвиняемого, включая меры по его сохранению и охране, а также возможность получить свидетельский статус с соответствующим иммунитетом.

Важно также учитывать, что досудебное соглашение о сотрудничестве не должно вмешиваться в независимость суда и принцип предварительной судебной проверки. Судебный контроль и утверждение соглашения должны проходить в соответствии с законом и установленными процедурами, чтобы избежать возможных злоупотреблений и некорректного применения данного соглашения.

В целом, решением проблем и вызовов, связанных с досудебным соглашением о сотрудничестве, является баланс между интересами обвиняемого и интересами правосудия. Это включает обеспечение прозрачности и справедливости процедуры заключения соглашения, защиту прав и безопасность обвиняемого, а также предотвращение вмешательства в независимость судебной системы.

Досудебное соглашение о сотрудничестве – это своеобразное подтверждение деятельного раскаяния лица, совершившего преступление, в результате чего наказание за содеянное им не может превышать половину максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ. При этом досудебное соглашение о сотрудничестве не является иммунитетом от уголовного преследования, а лишь служит основанием для смягчения уголовного наказания [3].

Список литературы:

1. Лошкобанова Я. В. *Обеспечение прав и законных интересов подозреваемого, обвиняемого и потерпевшего при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве*. Краснодар, 2015.
2. "Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 02.11.2023)// Глава 40.1 УПК РФ.
3. Ткачев И., Тисен О. *Применение института досудебного соглашения о сотрудничестве // Законность*. 2011.
4. *Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: Научно-практический комментарий / Под ред. Проф. В.В. Николюка*. – М., 2003.
5. Тимошенко А. *Досудебное соглашение о сотрудничестве: оценка эффективности процессуального института // Уголовное право*. – М.: АНО «Юридические программы», 2011.
6. Александров, А. *Подход к преодолению противоречия в законе, регламентирующего заключение и реализацию досудебного соглашения о сотрудничестве по уголовному делу / А. Александров // Уголовное право*. – 2011.
7. Ключников, С.С. *Институт досудебного соглашения о сотрудничестве и его уголовно правовое значение : автореф. дис. ... канд. юрид наук / С.С. Ключников*. – Краснодар, 2013.
8. Зуев С.В. *Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Российская юстиция*. – 2009.

© К.В. Малышев, 2023.

УДК 343

**ТАЙНА ПЕРЕПИСКИ, ТЕЛЕФОННЫХ И ИНЫХ
ПЕРЕГОВОРОВ, ПОЧТОВЫХ, ТЕЛЕГРАФНЫХ
И ИНЫХ СООБЩЕНИЙ КАК ПРИНЦИП УГОЛОВНОГО
СУДОПРОИЗВОДСТВА**

*Маркарян Гаяне Жораевна,
магистрант 3 курса юридического факультета
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»*

*Научный руководитель: Кobleва Мария Мухадиновна
к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовно-процессуального права
Ростовского филиала ФГБОУ ВО
«Российский государственный университет правосудия»*

Аннотация: В данной статье автором приводится анализ одного из основополагающих принципов уголовной политики российского государства – тайны переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Обосновывает актуальность уголовно-правовых мер защиты граждан на неприкосновенность частной жизни, а также вводится понятие «нарушение тайны переписки», под которым подразумевается несанкционированная передача третьему лицу личной информации, которая была изначально передана от одного человека другому.

Ключевые слова: тайна переписки, уголовной судопроизводство, неприкосновенность, личная свобода граждан, охрана.

**SECRECY OF CORRESPONDENCE, TELEPHONE AND OTHER
CONVERSATIONS, POSTAL, TELEGRAPH AND OTHER MESSAGES
AS A PRINCIPLE OF CRIMINAL PROCEEDINGS**

*Markaryan Gayane Zhoraevna,
Scientific adviser: Kobleva Maria Mukhadinovna*

***Abstract:** In this article, the author provides an analysis of one of the fundamental principles of the criminal policy of the Russian state – the secrecy of correspondence, telephone and other conversations, postal, telegraph and other messages. Justifies the relevance of criminal legal measures to protect citizens' privacy.*

***Keywords:** secrecy of correspondence, criminal proceedings, immunity, personal freedom of citizens, security.*

На современном этапе общественного развития особая важность и значимость передается информации, которая подразумевает совокупность сведений, которые регулируются правовыми нормами. Это не случайно, поскольку наблюдается интенсивный рост количества пользователей онлайн сервисов, абонентов почтовой и мобильной связи, интернет-сетей и т.д. Всё это подчеркивает важность и актуальность современного анализа одного из принципов уголовного судопроизводства – тайна переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений.

Исследуя важность соблюдения данного принципа, стоит подчеркнуть правовую природу принципа тайны переписки, поскольку данный принцип следует расценивать с позиции индивидуализированного. Особенность данного принципа заключается в возможности свободного обмена информацией с помощью различных способов и в его правовой охране со стороны уполномоченных органов власти.

Под тайной переписки следует подразумевать невозможность со стороны третьих лиц просматривать и/или прослушивать личную информацию, которая может содержать текстовый, аудио, видео или графический материал.

Тайна переписки охраняются различными правовыми нормами, первостепенное значение из которых занимают положения Конституции РФ, а именно 23 статья, в которой регламентируется право человека на неприкосновенность частной жизни, частью которой выступает обмен личной информацией.

Далее регламентирует процесс тайны переписки положения Федерального закона от 7.07.2003 г. №126-ФЗ «О связи», в которых говорится о том, что сотовые операторы связи должны охранять тайну переписки и телефонных разговоров, а также иные личные данные, которые находятся в доступе у оператора.

Еще одним важным нормативно-правовым актом, который регулирует нормы наступления ответственности за нарушение тайны переписки выступает Уголовный кодекс РФ. Именно положения УК РФ регламентируют гарантию соблюдения конституционного права человека на тайну переписки.

Действующее законодательство содержит только одно основание для ограничения конституционного права на тайну переписки – наличие судебного решения (ч. 2 ст. 23 Конституции РФ, ч. 1 ст. 13 УПК РФ).

В статистических сведениях, опубликованных на сайте Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, есть отдельные отчеты о числе лиц, привлеченных к уголовной ответственности.

Но данные по Главе 19 приведены в совокупности, без разбивки по отдельным статьям. Согласно данным Судебного департамента, всего по статьям 136-149 УК РФ осуждено[1]:

в 2019 году – 7 133 человека;

в 2020 году – 6 352 человека.

Таким образом, в 2020 году количество дел по статье 137 УК РФ, рассмотренных судами первой инстанции, сократилось почти на 18% по сравнению с 2019 годом, при этом дел по частям 2 и 3 этой статьи стало вдвое больше (в сумме по частям 2 и 3 восемь дел в 2020 году, четыре дела в 2019 году) [1].

В то же время количество дел, рассмотренных судами первой инстанции по статье 138 УК РФ, выросло на 18% – с 72 дел в 2019 году до 85 дел в 2020 году. Основная часть дел по статье 138 УК РФ – более 70% – связана с преступлениями, которые совершили должностные лица (часть 2 статьи 138 УК РФ). При этом по статье 137 УК РФ почти все дела – более 96% – касаются деяний, совершенных частными лицами (часть 1 статьи 137 УК РФ).

Нарушением является разглашение содержания, даты, времени и продолжительности общения. Особенно важной такая информация является для компаний, в которых любая утечка информации может привести к определенным потерям. Поэтому большинство работодателей требует от сотрудников сохранять конфиденциальность.

За преступление предусмотрен штраф до 80 000. Штрафная сумма иногда соответствует размеру з/п за период до полугода. Нарушителя также могут обязать посещать исправительные (до года) или обязательные (до 360 часов) труды.

При использовании служебного положения штрафные санкции соответствуют 100-300 тысячам или же з/п за 1-2 года. Преступник

лишается возможности занимать некоторые должности (заниматься определенными видами деятельности) в течение 2-5 лет. Вердиктом также могут стать обязательные (продолжительность до 480 часов) или принудительные (до 4 лет) труды. Вследствие правонарушения гражданин может быть арестован на период до 120 дней или лишен свободы до 4 лет.

Важно понимать, что суть преступления состоит не только в разглашении. С того момента, как только лицу стала доступна частная информация, причем на то нет соответствующей санкции прокурора или суда, преступление считается совершенным. Однако при этом важным признаком является наличие умысла. Самостоятельно защищать свои права достаточно тяжело, так как в законодательстве имеется множество тонкостей, в которых сможет разобраться только грамотный юрист, а точнее – адвокат по статье 138 УК РФ.

Для определения состава преступления по статье 138 необходимо не только ознакомиться с квалификационными признаками, но и уточнить некоторые понятия и термины. Статья в последней редакции состоит из двух частей. Состав преступления, определенный первой частью, заключается в нарушении тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений граждан. Вторая часть статьи определяет квалификационный признак, как отягчающее обстоятельство. Речь идет о совершении преступления лицом, использующим свое служебное положение.

Под нарушением тайны переписки подразумевается несанкционированная передача третьему лицу личной информации, которая была изначально передана от одного человека другому. Поясняя одно понятие можно столкнуться со смежной терминологией. Так, дополнительно необходимо рассмотреть, что означает слово «несанкционированная». С юридической точки зрения в контексте конституционного права это значит, что[2]:

- ни один из участников переговоров (или хотя бы один из участников) не давал своего согласия на ознакомление;
- отсутствует судебное разрешение на ознакомление с перепиской или телефонными разговорами других лиц.

В результате совершенного деяния информация находится в полном доступе у посторонних лиц. Предметом преступления являются сведения, которые представлены в переписке, сообщениях, были переданы в процессе телефонного переговоров. Нарушение неприкосновенности частной жизни – самое болезненное последствие совершенного

преступления, однако деяние будет квалифицировано, как преступление, даже если открытые данные напрямую не выдают чьи-то семейные тайны.

В зависимости от обстоятельств совершенного преступления исход судебного заседания может коренным образом меняться. Если будет доказано, что имело место использование служебного положения, что чаще всего бывает, то обвиняемому грозит реальный срок. Судебная практика показывает, что подобный приговор выносится не так часто, однако размер штрафа остается весьма внушительным, поэтому без юридической поддержки защитить свои права будет тяжело.

Таким образом, на основе проанализированного материала, можно прийти к выводу о том, что данный принцип уголовного судопроизводства имеет ряд трудностей при практической реализации. Слабый уровень технологического развития, быстрый рост мировых технологий и постоянные изменения в законодательстве отражаются на институте неприкосновенности частной жизни и тайны переписки, в частности, не самым лучшим образом. О важности этих направлений не раз подмечали действующие сотрудники правоохранительной системы и специалисты из юридической сферы. Разумеется, за последние годы была проделана колоссальная работа по усовершенствованию правоохранительной системы государства. Практическое применение внедрённых в федеральные законы поправок позволит оценить их эффективность и в случае чего оперативно устранить недочёты.

Список литературы:

1. *Аналитический отчет: Россия: за раскрытие приватной жизни часто штрафуют [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.infowatch.ru/sites/default/files/analytics/files/rossiya-za-raskrytie-privatnoy-zhizni-chasto-shtrafuyut.pdf> (06.10.2023)*

2. *Гусев Р.Д. Тайна переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений как принцип российского уголовного судопроизводства // Вестник науки. 2023. Т. 3. № 6 (63). С. 429-436.*

© **Г.Ж. Маркарян, 2023.**

УДК 343.368

**СЛОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ СОСТАВА
ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМАТРИВАЮЩЕГО
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПОБЕГ ИЗ МЕСТА ЛИШЕНИЯ
СВОБОДЫ, ИЗ-ПОД АРЕСТА ИЛИ ИЗ-ПОД СТРАЖИ**

*Махария Милена Дауровна,
магистрант 3 курса юридического факультета
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»*

*Научный руководитель: Серегина Елена Владимировна,
к.ю.н., доцент, заведующий кафедрой уголовного права
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»*

***Аннотация:** в статье анализируются проблемы судебной практики, возникающие при квалификации преступления, предусмотренного ст. 313 УК РФ. Автор обращает внимание на несовершенство законодательной формулировки нормы, предусматривающей уголовную ответственность за побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи. Сделан вывод о том, что уголовная ответственность за преступление, предусмотренное ст. 313 УК РФ, может рассматриваться в качестве основной меры предупреждения побегов.*

***Ключевые слова:** побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи, квалификация, судебная практика, уголовная ответственность.*

**THE COMPLEXITY OF THE APPLICATION OF THE CORPUS
DELICTI PROVIDING FOR RESPONSIBILITY FOR ESCAPING
FROM A PLACE OF DEPRIVATION OF LIBERTY, FROM ARREST
OR FROM CUSTODY**

*Maharia Milena Daurovna
Scientific supervisor: Seregina Elena Vladimirovna*

***Abstract:** the article analyzes the problems of judicial practice arising in the qualification of a crime under Article 313 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author draws attention to the imperfection of the legislative wording of the norm providing for criminal liability for escape from a place of deprivation of liberty, from arrest or from custody. It is concluded that criminal liability for a crime under Article 313 of the Criminal Code of the Russian Federation can be considered as the main measure to prevent escapes.*

***Keywords:** escape from a place of deprivation of liberty, from arrest or from custody, qualification, judicial practice, criminal liability.*

В теории уголовного права неоднократно обращалось внимание на несовершенство законодательной формулировки нормы, предусматривающей уголовную ответственность за побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи. Анализ судебной практики показывает, что традиционно существуют проблемы в квалификации этого преступления. К этому ведет отсутствие судебного толкования признаков побега, а также их отсутствие в подзаконных нормативно-правовых актах Министерства юстиции РФ и ФСИН России.

Побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи характеризуется активным действием субъекта, направленным на то, чтобы соответствующие лица и органы утратили хотя бы на время возможность осуществления контроля за ним, т. е. незаконным самоосвобождением из-под такого контроля [1, с. 49].

После побега из-под стражи либо исправительных учреждений лица нередко продолжают свою преступную деятельность, совершая посягательства против личности, собственности, общественной безопасности и т.п. В соответствии с действующим уголовным законодательством, им невыгодно являться с повинной в правоохранительные органы либо возвращаться в места отбывания наказания. Явка с повинной и деятельное раскаяние в данном случае не будут основаниями для их освобождения от уголовной ответственности в соответствии со ст. 75 УК РФ. Несмотря на то, что преступления, предусмотренные ч. ч. 1 и 2 ст. 313 УК РФ относятся к категории средней тяжести, виновными не будет выполнено такого важного условия, как совершение преступления впервые. Лица, самовольно покинувшие исправительные учреждения, уже имеют судимость, поэтому к ним невозможно применить уголовно-правовую норму, связанную с освобождением от уголовной ответственности в связи с деятельным

раскаянием. Однако по данному основанию допустимо освобождение от уголовной ответственности подозреваемых и обвиняемых, совершивших побег из-под стражи, если они ранее не были судимы. Таким образом, лица, совершающие побег из-под стражи и лица, совершающие побег из исправительных учреждений, оказываются в неравном положении. А. В. Яшин в связи с указанным обстоятельством считает, что законодателю следует ввести в качестве поощрительной нормы примечание к ст. 313 УК РФ, согласно которому, лицо, совершившее побег, добровольно вернувшееся в трехдневный срок в исправительное учреждение или место заключения под стражу, освобождается от уголовной ответственности, если в его деяниях не содержится иного состава преступления [2, с. 220].

Дискуссионным вопросом является утверждение об освобождении от ответственности за совершение побега незаконно задержанного лица, либо в отношении которого был вынесен незаконный приговор, как выяснится в последующем, без достаточных на то оснований. При таких обстоятельствах решение вопроса о наличии или отсутствии состава побега может быть принято только после того, как будут вынесены соответствующие процессуальные решения. Вопрос о наличии состава побега следует решать с позиции положений ч. 2 ст. 14 УК РФ и, как следствие, утверждать, что побег лица, незаконно содержащегося в месте лишения свободы или под стражей, не образует состава преступления [3, с. 49].

Возникает вопрос, действительно ли необходимо дать осужденному, совершившему побег, шанс одуматься посредством установления в уголовном законе нормы, стимулирующей его позитивное поведение после совершения побега? К такому поведению, следует отнести, исходя из специфики побега, добровольное возвращение осужденного (по сути, явку с повинной) в исправительное учреждение к месту отбывания наказания.

Побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи лица, ранее отбывавшего наказание в виде лишения свободы либо, в отношении которого уже избиралась мера пресечения в виде заключения под стражу, свидетельствует о повышенной общественной опасности данного субъекта, его поведения. Исследуя положения ст. 313 УК РФ, мы пришли к выводу о том, что при побеге ранее примененное наказание в виде лишения свободы или мера пресечения в виде заключения под стражу не оказали должного влияния и не достигли поставленных целей. Полагаем, что поощрение такого лица путем освобождения его от уголовной ответственности недопустимо.

Сложности квалификации преступления связаны с тем, на какой стадии пресечено преступление. По конструкции состав преступления, предусмотренный ст. 313 УК РФ, является формальным. Преступление относится к категории длящихся. Юридическим моментом окончания преступления является день неявки без уважительной причины в места лишения свободы после окончания срока выезда или отсрочки исполнения приговора суда или отбывания наказания. Момент фактического окончания – явка с повинной, задержание, смерть виновного, изменение уголовного закона, который декриминализирует деяние или снижает наказание до фактически отбытого, с момента издания акта амнистии или помилования. Исчисление срока давности привлечения к уголовной ответственности за уклонение от отбывания лишения свободы начинается с момента фактического окончания преступления [4, с. 634].

Недостатком рассматриваемого состава является невозможность привлечения к уголовной ответственности за приготовление к побегу. В соответствии с ч. 2 ст. 30 УК РФ уголовная ответственность наступает только за приготовление к тяжкому и особо тяжкому преступлению. Статья 313 УК РФ является преступлением средней тяжести. Следовательно, даже при приготовлении к побегу группы лиц или организованной группы, привлечь членов такой группы к уголовной ответственности невозможно. А возможность привлечения к ответственности за приготовление к побегу как раз является иной мерой уголовно-правового характера, направленной на предупреждение совершения преступления. Справедливо отмечают Б. Д. Махакови Г. И. Демин, что санкции ч. 1 и ч. 2 ст. 313 УК РФ должны быть увеличены и данные преступления из категории средней тяжести должны быть переведены в категорию тяжких [5, с. 42].

Следует подчеркнуть, что уголовная ответственность за преступление, предусмотренное ст. 313 УК РФ, может рассматриваться в качестве основной меры предупреждения побега. При правовой оценке побега нужно учитывать три особенности объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 313 УК РФ: во-первых, в судебной практике расширительно трактуется обстоятельство места; во-вторых, правовая оценка насильственного способа побега зависит от последствий и обстановки применения насилия, а также от личности потерпевшего; в-третьих, побег относится к числу длящихся преступлений, и это оказывает влияние на определение момента его окончания и исчисления сроков давности [7, с. 8].

При рассмотрении дел о побегах из колоний-поселений судам необходимо учитывать особенности режима содержания в таких колониях (отсутствие заграждений, охраны и т. п.), в связи с чем, в каждом случае особо тщательно исследовать фактические обстоятельства самовольного оставления осужденным этой колонии, мотивы, побудившие его к совершению такого деяния, и, исходя из совокупности всех собранных доказательств, а также данных о личности, решать вопрос о наличии в его действиях состава преступления, предусмотренного ст. 313 УК РФ.

Список литературы:

1. Уголовное право. Особенная часть. Семестр II / Отв. ред. И. А. Подройкина, Е. В. Серегина, С. И. Улезько. – М.: Юрайт, 2023. – 706 с.
2. Яшин А. В. Актуальные вопросы уголовной ответственности за побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи. В сб.: Пенитенциарная безопасность: национальные традиции и зарубежный опыт. – Самара, 2022. – С. 220-221.
3. Валигура И. И., Хлобыстова П. Ю. Спорные вопросы квалификации побега из мест лишения свободы при необоснованном приговоре. В сб.: Актуальные проблемы правового, социального и политического развития России. – Саратов, 2017. – С. 48-51.
4. Актуальные проблемы Особенной части уголовного права / Отв. ред. И. А. Подройкина, И. А. Фаргиев. Учебник. Серия: Магистр. Базовый курс. – М.: Проспект, 2020. – 768 с.
5. Махаков, Б. Д., Демин, Г. И. Уголовно-правовые меры предупреждения побегов из мест лишения свободы // Журнал о праве. – 2020. – № 4. – С. 39–45.
6. Быкова, Е. Г. Некоторые особенности объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 313 УК РФ, уголовно-правовой меры предупреждения побегов. В сб.: Актуальные вопросы безопасности в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации. – Санкт-Петербург, 2023. – С. 5-9.

© М.Д. Махария, 2023.

УДК 343.953

ГАЗЛАЙТИНГ КАК ВИД ПСИХИЧЕСКОГО НАСИЛИЯ

*Михеева Анна Михайловна,
магистрант 2 курса юридического факультета
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»*

*Научный руководитель: Москалева Елена Николаевна,
старший преподаватель кафедры уголовного права
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»*

Аннотация: В данной статье рассматривается понятие такого вида психического насилия как газлайтинг. Автор детализирует способы газлайтинга, рассматривает вопрос об оценке данного поведения субъекта с правовой позиции.

Ключевые слова: психическое насилие, газлайтинг, несовершеннолетние, психология, уголовное право.

GASLIGHTING AS A TYPE OF MENTAL VIOLENCE

*Mikheeva Anna Mikhailovna
Scientific adviser: Moskaleva Elena Nikolaevna*

Abstract: This article discusses the concept of this type of mental violence as gaslighting. The author details the methods of gaslighting and considers the issue of assessing this behavior of the subject from a legal position.

Keywords: mental violence, gaslighting, minors, psychology, criminal law.

Цель любого насилия – воздействие на психику человека, понуждение его к определенным действиям, выгодным причинителю вреда. Говоря о насилии, первым делом на ум приходит насилие, связанное с воздействием на физическое состояние человека. Если проанализировать законодательство, можно отметить, что законодатель также в большей

степени обращает внимание именно на такое насилие, лишь около 90 раз (87) упоминая об угрозе его применения, что снижает характер уголовно-правового воздействия на лиц, прибегающих к подобного рода действиям, формируя в том числе и латентную часть преступлений.

Уголовный кодекс России не определяет понятия психического насилия, но фактически употребляет его в различных интерпретациях, чаще всего в виде «угрозы применения» физического насилия, что дает возможность лишь в определенной степени использовать положение уголовного закона в качестве уголовно-правового средства предупреждения различных преступлений.

В Особенной части УК РФ нет конкретной позиции и по четкому определению типов, способов, приемов совершения психического насилия. Одним из видов психологической манипуляции (насилия), призванной выставить лицо мыслящим якобы неадекватно, является газлайтинг. Это форма психологического насилия, как сознательного, так и бессознательного, которое направлено на обеспечение сомнения у жертвы в правильности восприятия себя, окружающих людей и окружающей действительности.

Само слово «газлайтинг» пришло в лексикон из названия британской пьесы «Gazlight», которая в переводе означает «Газовый свет». По сюжету данной пьесы муж молодой женщины переставляет предметы в доме и меняет обстановку так, чтобы у женщины создалось впечатление, будто она сошла с ума. «Газовый свет» – отсылка на светильный газ, ранее использовавшийся в домах. Женщина замечает, что по вечерам свет в доме становится более тусклым, но муж настойчиво убеждает ее в том, что ей все это кажется, но на самом деле движение света действительно изменялось руками мужчины.

Газлайтинг, грубо говоря – обман с целью подавления и (или) заполучения различных ресурсов. Сам газлайтер не всегда понимает, с какой степенью тяжести вреда действует. Он зачастую лишен возможности видеть причины проблем и неудач в своих действиях, переносит вину на обстоятельства и других людей.

Как показывает практика, жертвой газлайтинга чаще всего становятся либо женщины, либо дети. Женщины, в свою очередь, более импульсивны, не уверены в себе и зависимы от чужого мнения, а дети, кроме вышеперечисленного, в силу возраста, отсутствия жизненного опыта, обладают неустойчивой психикой, которая не позволяет адекватно оценивать происходящее.

В приоритетном порядке газлайтер использует унижение, обесценивание, оскорбление, неадекватную необъективную критику, действует через обвинения, упреки, нападки, выставляет во всем виноватой свою жертву, приписывая ей излишнюю эгоцентричность. Он убеждает свою жертву в том, что она думает только о себе, обвиняет ее в том, что все проблемы из-за нее. Если жертва пытается оказать моральное сопротивление, то газлайтер будет защищаться путем отрицания услышанной информации, игнорирования, утверждения того, что это «мелочи» и он «не мог такого сказать» либо «сделать».

Самый трудноуловимый метод действия газлайтера – пассивная агрессия. Она выражается в частых якобы несерьезных нападках в виде сарказма, иронизирования, припоминания моментов, в которых жертва чувствовала себя неудобно. В результате этого жертва становится беспомощной и менее уверенной в себе. Человек начинает задумываться о своей эмоциональной стабильности и адекватности, пока газлайтер получает полный контроль во взаимоотношениях. В результате таких коммуникаций у жертвы и вовсе не остается сил для споров и борьбы. Человек начинает верить всем словам газлайтера, соглашается со всеми обвинениями и в итоге становится разбитым. На последней стадии морального насилия может развиваться депрессия и иные психические расстройства.

Привлечение к уголовной ответственности за доведение до психического расстройства предусмотрено ст. 111 УК РФ. Так, например: в 2016 г. в Челябинской области учителя младших классов обвинили в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 111 УК РФ «Причинение тяжкого вреда здоровью в отношении малолетнего». По версии следствия, педагог грубо обращалась с маленькой ученицей, что повлекло проблемы психического характера [1]. Судебно-медицинская экспертиза выявила у ребенка нарушения социальной адаптации, что представляет собой психическое расстройство, связанное с чрезмерно сильной реакцией человека на негативные события в жизни. Данный случай является исключением из сложившейся судебной практики, он активно обсуждался в кругах экспертов, в частности, на судебно-медицинском форуме.

Если рассматривать данную ситуацию, можно выявить злой умысел учителя (газлайтера в данном случае). Вряд ли из добрых побуждений взрослый человек, педагог совершал подобные действия по отношению к беззащитному ребенку.

На сегодняшний день в российском уголовном законе отсутствует статья «Доведение до психического расстройства». Привлечение к ответственности газлайтера может осуществляться в соответствии со ст. 115 «Умышленное причинение легкого вреда здоровью», 110 «Доведение до самоубийства», 117 «Истязание» [2]. Однако, исходя из особенностей юридической техники изложения диспозиций данных статей, очевидно, что установление обязательных признаков состава преступления будет иметь существенные трудности. Это обусловлено сложностями установления причинно-следственной связи между совершенным деянием и наступившими последствиями, оценкой вреда, в том числе, его градацией (тяжкий вред здоровью, средней тяжести вред здоровью, легкий вред здоровью).

С учетом того, что газлайтинг не образует самостоятельного состава преступления, жертва психического насилия фактически никак не защищена. Конечно, можно в частном порядке подать иск о возмещении морального вреда. Однако практика показывает, что эти компенсации столь ничтожны, что вряд ли могут хоть как-то компенсировать душевную боль и страдания. К тому же, не стоит путать полученные негативные эмоции и «заработанное» по чужой вине психиатрическое заболевание.

Список литературы:

1. Второе уголовное дело – «за нанесение психотравмы» – возбуждено в отношении учительницы из Златоуста. – URL: <http://uraldaily.ru/obshchestvo/2016-10-04/vtoroe-ugolovnoe-delo-za-naneshenie-psihotravmy-vozbuzhdeno-v-otnoshenii> (дата обращения: 18.10.2023).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. №63-ФЗ // СЗ РФ. – 17.06.1996. – №25. – Ст. 2954.

© А.М. Михеева, 2023.

УДК 343.98

ЗАРОЖДЕНИЕ КРИМИНАЛИСТИКИ В РОССИИ В КОНЦЕ XIX И НАЧАЛЕ XX ВЕКА

*Морина Дарья Васильевна,
студентка 4 курса юридического факультета
очной формы обучения
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»*

*Научный руководитель: Рogaва Инга Георгиевна,
старший преподаватель кафедры уголовно-процессуального права
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»*

Аннотация: В данной статье автор исследует историю становления такой науки, как криминалистика, а также рассматривает, имеющие значение для процесса расследования преступлений, труды ученых-криминалистов. Раскрывает значимость криминалистических исследований.

Ключевые слова: Криминалистика, преступление, история, исследования, экспертиза, Криминалистическая идентификация, судебная фотография, учебник.

THE ORIGIN OF CRIMINOLOGY IN RUSSIA AT THE END OF THE XIX AND THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

*Morina Daria Vasilievna,
Scientific supervisor: Rogava Inga Georgievna*

Abstract: In this article, the author explores the history of the formation of such a science as criminology, and also examines the works of criminologists that are important for the process of investigating crimes. Reveals the significance of forensic research.

Keywords: Criminalistics, crime, history, research, expertise, Forensic identification, forensic photography, textbook.

На сегодняшний день невозможно представить расследование преступлений без криминалистики. Данная прикладная наука изучает: закономерности механизма преступлений; закономерности возникновения информации о преступлении и тех, кто его совершил; закономерности собирания, исследования, оценки и использования доказательств. Без их изучения, систематизации и выведения в отдельную науку криминалистики, раскрытие преступлений не представлялось бы реальным.

Изучение истории появления криминалистики в России важно для понимания ее необходимости и неотъемлемости, поскольку она позволяет буквально по следу из хлебных крошек привести к разгадке тайны преступления.

Традиционно основателем криминалистики считается Г. Гросс австрийский следователь (позднее – профессор), работу которого в 1895 году впервые опубликовали в России (позже в 1896 и 1897) «Руководство для судебных следователей как система криминалистики», важно отметить, что многое из его научных трудов актуально и по сей день. Он также дал современное определение криминалистики, образовав его от латинского “*crimen*”, что означает «вина», «преступление». После этого началось осмысление, юристами того времени, сути и значения криминалистики, как науки способствующей более эффективной борьбе с преступностью. У нее начали появляться сторонники, которые вносили свой вклад, развивали ее в России, тем самым увеличивая число последователей. [1.]

Отметим, что криминалистические знания были в России и до опубликования работ Г. Гросса, но не имели структуризации и не выделялись в полноценную науку. Одним из важнейших направлений в XVIII веке были исследования в области судебной медицины и судебной химии. В Воинском уставе 1716 г. предусматривалась возможность проведения вскрытий для установления причин смерти, в том числе исследования на предмет отравления. Впоследствии появились отдельные отрасли: судебная химия, полицейская химия и судебная токсикология. В первой половине XIX века возникают исследования по изучению трупов, вещественных доказательств и следов. Первый учебник по судебной медицине является работа В. Л. Тиле «Опыт руководства к судебно-врачебной науке с соображением существующих по сему предмету российских узаконений и начальственных предписаний», изданная в 1826 г. [2. С. 179-188.]

Важно сказать, что в России становление криминалистики неразрывно связано с развитием уголовного процесса. Так же в начале XIX века все больше внимания приковывают к себе исследования проведения следственных действий. В связи с чем, важно упомянуть работу Н. Орлова «Опыт краткого руководства для произведения следствий» (1833 г.), в которой содержатся отдельные рекомендации о тактике производства допроса свидетелей, очной ставки между ними, предъявления для опознания подозреваемых. [3.]

Во второй половине XIX века выпускает свои работы и достижения Буринский Е. Ф., выдающийся русский ученый-криминалист, один из основоположников криминалистики, основатель судебной фотографии и технического исследования документов. Основные направления исследований Буринского: фотографические методы исследования вещественных доказательств, почерковедение, психографология, физиографология. Открыл первую во всем мире судебно-фотографическую лабораторию в Санкт-Петербурге, в ней исследовались криминалистическая фотография, почерк и документы. В 1898 году был представлен к награде Академией наук премией им. М. В. Ломоносова за работы по научной фотографии (открытие метода усиления контрастов). Важнейшими трудами Буринского являются: «Судебная фотография»(1892), «Порядок проверки подлинности письменных актов при спорах о подлогах» (1892). [4.]

Трегубов С. Н., известный российский военный юрист, криминалист, выпустивший такие работы как: «Настольная книга криминалиста-практика» (1908); «Научная техника расследования преступлений» (1912). Данные труды явно повысили интерес к криминалистике. В 1912 году под пристальным руководством Трегубова был создан кабинет научно-судебной экспертизы в Александровской Военно-юридической академии. [5.С. 150-165.] После 1917 года развитие криминалистики приостановилось, т. к. ведущие ученые-криминалисты того времени, например, В.И. Лебедев, Б.Л. Бразоль, в том числе и Трегубов С. Н., эмигрировали. Но уже в постоктябрьский период российская криминалистика продолжила свое развитие в особых исторических реалиях, когда механизм буржуазного государства был сломан. [6.]

Огромный вклад в криминалистическую науку внес Терзиев Н. В., ученый-криминалист и доктор юридических наук. Он выдвигает теорию криминалистической идентификации, которая легла в основу современной криминалистики, она применяется для установления объектов по их следам, т.е. определяет причастность этих объектов к преступлению,

степень связи с событиями преступления.[7. С. 190-201.] Данная теория является Например, по по следу колото-резанной раны на теле жертвы можно определить каким орудием было совершено преступление. А так же Терзиев внедряет использование естественных наук в криминалистике, выделяет основные проблемы дактилоскопии. Основные научные труды: «Обзорные лекции по криминалистике» (1945); «Экспертиза на следствии и в суде» (1947, в соавт.); «Физические исследования в криминалистике» (1948, в соавт.). Имеет более 50-ти работ в области криминалистики. [8.]

Конечно, в России в конце XIX начале XX века было написано множество работ, которые послужили развитию новообразованной науки криминалистики, но в данной статье мы постарались описать наиболее яркие и значимые работы, талантливых научных деятелей. Вышеизложенное показывает, что в нашей стране имелся прочный фундамент для становления криминалистики. А самое главное, что она получила свое отражение в процессе раскрытия преступлений, совершенствуя его и повышая эффективность такого процесса.

Список литературы:

1. Гросс, Г. *Руководство для судебных следователей как система криминалистики* – М., 2001.
2. Яблоков, Н. П., Александров А.В. *Криминалистика. Том 1. История криминалистики.* – М.: Юрайт., 2018.
3. Орлов, Н. *Опыт краткого руководства для произведения следствий.* – М. 1833.
4. Сорокун, П. В. Журавлева, О. С. *История развития криминалистики в России// Эпоха науки.* – 2017. – № 3.
5. Жбанкова, В. А. *Криминалистика. Учебник.* – М: «Российская таможенная академия», 2013.
6. Кустов, А. М. *Этапы развития предмета и объектов криминалистики // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки.* – 2022. – № 2.
7. Ищенко, Е. П. Топорков, А. А. *Криминалистика. Учебник.* – М: «Инфра-М». 2002.
8. Еремеева, А. Н. *Исторический аспект эволюции криминалистической методики расследования преступлений в России // Вестник Сибирского юридического института МВД России.* – 2022 – № 3.

© Д.В. Морина, 2023.

УДК 343.622

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ДЕТОУБИЙСТВО

*Москвич Алина Игоревна,
магистрант 2 курса юридического факультета
Ростовского филиала ФГБОУ ВО
«Российский государственный университет правосудия»*

*Научный руководитель: Серегина Елена Владимировна,
к.ю.н., доцент, заведующий кафедрой уголовного права
Ростовского филиала ФГБОУ ВО
«Российский государственный университет правосудия»*

Аннотация: в статье анализируется история становления и развития законодательства об убийстве матерью новорожденного ребенка в России и определяется место уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за детоубийство, среди преступлений против жизни. Сделан вывод о том, что с течением времени произошла трансформация отношения к матерям-убийцам и общественной опасности детоубийства в сторону смягчения степени уголовной ответственности.

Ключевые слова: детоубийство, убийство, новорожденный ребенок, мать, регламентация ответственности.

THE HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF LEGISLATIVE REGULATION OF CRIMINAL LIABILITY FOR INFANTICIDE

*Muscovite Alina Igorevna
Scientific supervisor: Seregina Elena Vladimirovna*

Abstract: the article analyzes the history of the formation and development of legislation on the murder of a newborn child by a mother in Russia and determines the place of the criminal law norm providing for responsibility for infanticide among crimes against life. It is concluded that over time there has been a transformation of attitudes towards murderous mothers

and the public danger of infanticide towards mitigating the degree of criminal responsibility.

Keywords: *infanticide, murder, newborn baby, mother, regulation of responsibility.*

Основным направлением деятельности современной российской уголовной доктрины является обеспечение безопасности личности, а также ее прав и свобод от преступных посягательств, что гарантируется положениями Конституции Российской Федерации. В правовом государстве право каждого человека на жизнь обеспечивается независимо от его возраста, пола, национальности и расы.

Исходя из структуризации Особенной части УК РФ жизнь и здоровье человека имеют наивысшую ценность, то есть приоритетное значение. Именно поэтому глава 16 «Преступления против жизни и здоровья» начинается со статей 105 («Убийство»), 106 («Убийство матерью новорожденного ребенка») и др. Важно обратить внимание на то, что законодатель убийство новорожденного, совершенное его матерью, в отдельную самостоятельную норму и, несмотря на то, что статья 105 УК РФ и статья 106 УК РФ подразумевают практически одно и то же действие – причинение смерти, их категории различны. Отнеся данный вид детоубийства к преступлениям с «привилегированным» составом, современный законодатель, таким образом, признал его менее опасным по сравнению с другими видами убийств [1, с. 3].

Весьма противоречивой кажется история становления российского уголовного законодательства о детоубийстве в силу того, что длительное время право находилось под влиянием церковных и светских идеологий. Для того чтобы проследить вышеуказанную противоречивость следует обстоятельно изучить каждый исторический период. Так, большую ценность с юридической точки зрения имеют такие исторические периоды, как дореволюционный период, то есть период существования Российской империи, начиная с 1721 г. и заканчивая 1917 г., а также советский период, то есть период существования единого союзного государства с 1922 по 1991 годы [2].

До выхода в свет Соборного Уложения 1649 года убийство младенца считалось грехом, а не преступным деянием и наказывалось покаянием перед Богом, держанием поста или длительным чтением молитв. Важно отметить, что в последнем нормативном акте детоубийство подразделялось на убийство законнорожденного ребенка, как преступление менее тяжкое и

убийство ребенка, рожденного вне брака, как преступление более тяжкое, что прямо указывает на то, что законодатель преследовал две цели – в первую очередь, это запрет на половое распутство, а уже потом охрану жизни младенцев.

В последующем за Соборным Уложением 1649 года и действующем наравне нормативном акте, а именно, в Артикуле воинском 1715 г. не обращалось внимание на то, при каких обстоятельствах ребенок появился на свет. Тяжким квалифицированным преступлением признавались оба ранее дифференцированных вида убийств новорожденных и наказывались вплоть до смертной казни.

Интересным остается тот факт, что к тому времени можно отнести и появление прообраза нынешних детских домов. В соответствии с Указами Петра I от 4 ноября 1714 года № 2856 и 4 ноября 1715 года № 2953 «Об устройстве при церквях госпиталей для незаконнорожденных детей» матери, родившие детей от внебрачной связи и испытывающие страх перед позором, могли анонимно оставить своих новорожденных детей в специальных домах. Такой подход законодателя считается в какой-то степени правильным, так как ранее матери оставляли младенцев в разных местах, начиная от жилых улиц и заканчивая нелюдными местами, что не могло не приводить к смертям брошенных детей. Решение Петра I не могло не повлиять положительно на демографию государства, так как впредь дети-отказники оставались в живых, и на состояние армии, так как в последующем подросшие дети мужского пола, от которых в свое время отказались матери, отправлялись на военную службу.

В свою очередь Проекты Уголовного уложения 1754 – 1766 годов имели несколько редакций, и каждая из них содержала нормы об убийстве детей как их матерями, так и их отцами. Необходимо подчеркнуть, что в то время под убийством детей понимался и аборт, зачатого вне официального брака, плода, тогда он назывался «вытравлением». Наказание назначалось в зависимости от того, к какому сословию относился убийца. Помимо этого, данные Проекты содержали норму и об оставлении в опасности и подкидывании ребенка, повлекшем смерть последнего [2].

Заметный вклад в развитие охраны жизни был внесен Сводом законов уголовных 1832 года. Начиная со Свода законов избавление от плода стало считаться убийством. Данное посягательство ранее формулировалось не как «умерщвление плода», а как «изгнание плода», безотносительно к последствиям, постигшим сам плод. Таковую трансформацию можно объяснить тем, что законодатель осознал необходимость защищать право на жизнь с момента зачатия [3, с. 185].

Свод законов уголовных содержал две нормы об убийстве детей, но выделял три состава: убийство плода в утробе матери, убийство малолетнего и иное убийство сына или дочери. Лица, совершившие первый и последний виды перечисленных убийств, наказывались так же, как и лица, совершившие простое убийство, а вот за убийство малолетнего, рожденного как в браке, так и без такого, назначалось особое наказание – отправление на подневольные каторжные работы и наложение клейма на тело.

Иные критерии обособления составов преступлений использовались законодателем при составлении Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Этот нормативный акт можно назвать прародителем нынешнего УК РФ, так как впервые убийство матерью внебрачного новорожденного ребенка определялось как привилегированный вид убийств на основании того состояния, которое испытывает роженица под воздействием изменений, происходящих в психоэмоциональном фоне и внешнего давления (такого, как осуждение). Убийства детей в указанном выше нормативном правовом акте подразделялись на три категории: убийство сына или дочери, которые были рождены в законном браке (тяжкое преступление); убийство ребенка, зачатого вне брака и убитого матерью из-за чувства страха или стыда (убийство при смягчающих обстоятельствах); убийство новорожденного ребенка с врожденными физическими дефектами (убийство при смягчающих обстоятельствах).

Важно отметить, что к матери-убийце незаконно рожденного ребенка законодатель относился толерантно только в том случае, если такое деяние она совершила впервые. Однако, если на ее счету был уже не один убитый внебрачный новорожденный ребенок, то ни о каких смягчающих обстоятельствах и речи идти не могло. В свою очередь оставление ребенка без помощи, повлекшее его смерть, не считалось детоубийством, но наказывалось так же, как и убийство новорожденного, то есть как убийство при смягчающих обстоятельствах.

С приходом советской власти действовал запрет на аборт, а неработающие многодетные матери наравне с трудящимися могли претендовать на серьезную финансовую помощь от государства. Все вышеуказанное помогает понять позицию законодателя при формулировании норм об убийстве матерью новорожденного ребенка в УК РСФСР 1922 года и УК РСФСР 1926 года. Так, указанными уголовными кодексами убийство матерью новорожденного ребенка считалось убийством с отягчающими обстоятельствами. Это объяснялось, во-первых,

тем, что главной целью государства в тот период был подъем рождаемости, этим же объяснялся и запрет на аборт. Во-вторых, государство считало, что матерям в достаточной мере оказывается социальная поддержка, а значит, у них просто нет оснований для избавления от ребенка. И наконец, в-третьих, по мнению законодателя, мать являлась единственным лицом, на котором лежала ответственность за жизнь и здоровье ребенка, и потому она должна была о нем особенно заботиться. Тем не менее, суды в то время были лояльными по отношению к матерям-убийцам и не назначали жестоких наказаний, и как отмечает В. Б. Хатуев, иногда они и вовсе «искусственно квалифицировали содеянное как оставление в опасности по статье 156 УК РСФСР 1926 года» [4, с. 87]. Несмотря на отсутствие в норме таких юридических признаков, как обстановка, способствующая совершению преступления, и психическое состояние роженицы, суды все равно учитывали данные факторы при квалификации деяний.

В военные годы органы социального обеспечения также не забывали заботиться об одиноких и многодетных матерях, а также о беременных женщинах, повышая им льготы и обеспечивая предприятия отдельными комнатами по типу яслей или детских садов, чтобы матери могли спокойно трудиться. В послевоенные годы государство особенно поддерживало матерей-одиночек, что непосредственно повлияло на ослабление семейных ценностей, но не в том плане, что женщины перестали выходить замуж, а в том плане, что мужчины могли иметь несколько семей, при этом не разводясь с законной женой, так как данная процедура была не дешевой и крайне сложной. Обеспечивать внебрачных детей по закону мужчины не были обязаны, тем самым законодатель, поднимая гендерный баланс, нарушенный военным периодом, защитил мужские интересы, разрешив внебрачные связи, но не обеспечив права женщин на аборт и получение контрацептивных препаратов [5, с. 11]. Данные обстоятельства породили череду нелегальных абортов, убийств новорожденных, а также отказов женщин от рождения второго и последующих детей. Хотя первоначально государство, наоборот, преследовало цель стимулирования рождаемости.

В 1960 году с вступлением в силу УК РСФСР законодатель пересмотрел свое отношение к матерям-убийцам, такие женщины за содеянное стали нести ответственность как за простое убийство по статье 103 УК РСФСР 1960 года, но только в том случае, если мать совершила такое преступление впервые и без отягчающих признаков.

С течением действия Уголовного кодекса РСФСР объективно возникала необходимость в корректировании системы норм,

предусматривающих ответственность за преступления против жизни и здоровья. Изменение условий жизни общества, криминогенной ситуации, увеличение масштабов распространенности некоторых негативных явлений, совершенствование законодательной техники и процесса криминализации обусловили, в конечном счете, расширение системы преступлений против жизни и здоровья. С течением действия Уголовного кодекса РСФСР объективно возникла необходимость в корректировании системы норм, предусматривающих ответственность за преступления против жизни и здоровья. Изменение условий жизни общества, криминогенной ситуации, увеличение масштабов распространенности некоторых негативных явлений, совершенствование законодательной техники и процесса криминализации обусловили, в конечном счете, расширение системы преступлений против жизни и здоровья [6, с. 51].

Вновь в уголовном законодательстве отдельная норма об убийстве матерью новорожденного ребенка появилась лишь в 1996 г. с введением в силу УК РФ. Несмотря на наличие социальной помощи матерям от государства, данное деяние на сегодняшний день считается привилегированным, на что непосредственно повлиял исторический и зарубежный опыт, а также пересмотр отношения законодателя к общественной опасности такого деяния. С 1996 года санкция нормы подлежала редакции под влиянием трансформации отношения к матерям-убийцам и отныне, помимо наказания в виде лишения свободы, она содержит более мягкие виды наказаний [7, с. 36].

Подводя итоги, следует сделать вывод о том, что с течением времени произошла трансформация отношения к матерям-убийцам и общественной опасности детоубийства в сторону смягчения степени уголовной ответственности. Представляется вполне верным называть исторический путь формирования и развития нормы об ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка противоречивым, так как проявив гуманизм и сострадание к матери, законодатель обесценил жизнь новорожденного ребенка.

Список литературы:

1. Серегина Е. В. *Уголовно-правовые и криминологические аспекты охраны жизни новорожденного ребенка: автореферат дис. ... канд. юрид. наук.* – Ростов-на-Дону, 2004. – 26 с.
2. Бабичев А. Г. *Историческое становление российского уголовного законодательства об убийстве матерью новорожденного ребенка // Вестник ЧелГУ.* – 2015. – №4 (359). – С. 99-105.

3. Серегина Е. В. Исторические тенденции становления и развития российского уголовного законодательства, регулирующего охрану жизни // *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление.* – 2012. – №4. – С. 184-186.

4. Хатуев В. Б. Эволюция уголовного законодательства России об ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка // *LexRussica.* – 2019. – №1 (146). – С. 83-96.

5. Дядюн К. В. К вопросу о критериях состояния новорожденности применительно к составу ст. 106 УК РФ // *Пенитенциарная наука.* – 2014. – №2(26). – С. 10-12.

6. Актуальные проблемы Особенной части уголовного права / Отв. ред. И.А. Подройкина, И.А. Фаргиев. Учебник. Серия: Магистр. Базовый курс. – М.: Проспект, 2020. – 768 с.

7. Мальцева С. Н., Кузьмин С. П., Геранин В. В. Проблемы квалификации убийства матерью новорожденного ребенка // *Бюллетень науки и практики.* – 2019. – № 5. – С. 435-439.

© А.И. Москвич, 2023.

УДК 343.7

ГЕНЕЗИС УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ

*Озиев Бекхан Ахмедович,
магистрант 3 курса юридического факультета
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»*

*Научный руководитель: Осадчая Наталья Георгиевна,
к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного права
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»*

Аннотация: статья посвящена исследованию истории становления и развития уголовной ответственности за преступления против собственности путем анализа исторических правовых источников уголовного законодательства России. Автором отмечается, что нормы об ответственности за данные преступления обнаруживаются еще в древнейших источниках права. Кроме того, делается вывод, что на всех этапах развития наблюдается дифференциация уголовной ответственности за преступления против собственности. В заключении, автором предлагается периодизация этапов становления и развития уголовной ответственности за данные преступления.

Ключевые слова: источник права, уголовное законодательство, уголовная ответственность, преступления против собственности, дифференциация.

GENESIS OF CRIMINAL LEGISLATION ON LIABILITY FOR CRIMES AGAINST PROPERTY

*Oziev Bekhan Akhmedovich
Scientific adviser: Osadchaya Natalya Georgievna*

Abstract: the article is devoted to the study of the history of the formation and development of criminal liability for crimes against property by analyzing the historical legal sources of the criminal legislation of Russia. The author

notes that rules on liability for these crimes are found in the most ancient sources of law. In addition, it is concluded that at all stages of development there is a differentiation of criminal liability for crimes against property. In conclusion, the author proposes a periodization of the stages of formation and development of criminal liability for these crimes.

Keywords: *source of law, criminal legislation, criminal liability, crimes against property, differentiation.*

Одним из наиболее важных, социально значимых и неотъемлемых гражданских прав, является право собственности, которое провозглашается Конституцией Российской Федерации и гражданским законодательством, и защищается от преступных посягательств уголовным законом. Так, согласно ст. 2 Уголовного кодекса Российской Федерации, собственность выступает в качестве одного из объектов уголовно-правовой охраны выступает собственность, а гл. 21 Кодекса содержит конкретные составы преступлений против собственности.

Важно отметить, что данные официальной статистики свидетельствуют о том, что ежегодно преступления против собственности занимают преобладающую часть в структуре всей преступности. Так, согласно статистике ГИАЦ МВД РФ «в 2018 г. было зарегистрировано 1113367 преступлений против собственности, в 2020 г. – 1220806, в 2021 г. – 1195838, в 2022 г. – 1169495, за январь-сентябрь 2023 г. – 853489» [1]. Приведенные количественные характеристики преступлений против собственности говорят о том, что современную уголовную политику с сфере борьбы с данными преступлениями необходимо постоянно совершенствовать. Для этой цели следует провести исследование исторических предпосылок и особенностей уголовной политики в данной сфере.

Преступления против собственности с древнейших времен известны российскому законодателю, а нормы о данных преступных посягательствах составляли основу всех правовых источников уголовного законодательства.

Впервые, нормы о преступлениях против собственности упоминались в договорах Руси с Византией 911 г. и 944 г., где речь шла о краже, грабеже и разбое [2].

Русская Правда, регламентировавшая правовые нормы, действовала с XI до XII, содержала нормы о таких имущественных преступлениях, как «разбой, грабеж, кражу, самовольное пользование чужим имуществом,

поджог и неисполнение обязательств» [3, с. 257]. Позднее в Пространной редакции Русской правды говорилось и о мошенничестве: «... лицо, обманом получившее деньги и пытается скрыться в другой земле, не может пользоваться доверием, так же, как и тать (вор)» [4].

Новгородская и Псковская судные грамоты выделяли такие преступления против собственности, как кража, грабеж и разбой. Например, ст. 1 Псковской судной грамоты 1397 г. гласила: «все случаи кражи подлежат княжескому суду, а пени за каждый указанный случай взыскивается 9 денег. А за разбой, нападение, грабеж пени в пользу города Пскова – 70 гривен, в пользу князя – 19 денег и в пользу князя и посадника – 4 деньги» [5].

С образованием в 15 в. Русского централизованного государства происходит развитие всех отраслей права, что не обошло стороной и уголовное. В данный период действовали Судебники 1497 г. и 1550 г.

Так, Судебник 1497 г. Ивана III, в основу которого легли положения Русской Правды и Псковской судной грамоты, систематизировал и более подробно разработал нормы о преступлениях против собственности. Данный источник выделял простую и квалифицированную кражу. При этом, простой являлась кража, совершенная впервые (либо, когда преступник был задержан с поличным, либо, когда на преступника указывали очевидцы). Квалифицированными видами кражи являлись церковная, головная и повторная татьба, где: церковная кража представляла собой кражу церковного имущества, головная – это кража, сопряженная с причинением смерти, а повторная – совершенная два и более раз.

Судебник 1550 г. Ивана IV, в основном содержал положения присущего Судебника, но, при этом, внес и ряд новшеств, обусловленных новыми условиям развития. Данный законодательный акт также предусматривал ответственность за уже известные преступления против собственности: кража грабеж, разбой и мошенничество.

Исследование норм древнерусского права показало, что законодатель подходил дифференцированно, устанавливая уголовную ответственность за те или иные преступления против собственности.

17 в., особенно его первая половина, был связан с активной законодательной деятельностью, вызванной необходимостью правовой урегулированностью всех сторон общественной и государственной жизни. В результате такой активной правотворческой деятельности было разработано и принято Уложение царя Алексея Михайловича – Соборное

Уложение 1649 г., который был первым российским кодифицированным актом.

Уложение указывало татьбу, разбой грабеж и мошенничество как на имущественные преступления. Данный законодательный источник впервые ввел термин «кража», который по своему значению соответствовал татьбе. Уложение различало простую и квалифицированную кражи. Также назывались привилегированные виды кражи, влекущие более мягкое наказание. Например, ст. 89 гл. 21 предусматривала наказание кнутом за кражу с поля хлеба и сена. К числу преступлений против собственности Уложение отнесло и мошенничество. В ст. 11 гл. 21 говорилось: «Да и мошенникам чинить тот же указ, что указано чинить татем за первую татьбу» [6].

Таким образом, к концу 17 в. российское законодательство характеризовалось наличием большого количества уголовно-правовых норм в сфере борьбы с преступлениями против собственности, которые отличались большей конкретизацией и дифференциацией простых и квалифицированных составов.

В начале 18 в. в России происходят кардинальные государственные преобразования, происходившие в период царствования Петра I. Результатом таких преобразований стало принятие Артикула воинского 1715 г., который регулировал уголовно-правовые отношения.

Артикул содержал 24 главы, где преступлениям против собственности была посвящена гл. 21 «О зажигании, грабительстве и воровстве»: ст.ст. 178-181 причинение имущественного ущерба (поджог и т. п.), ст. 185 грабеж, ст.ст. 186-187 – кража и грабеж церковного имущества [7]. Артикул ввел ответственность и за новые составы преступлений, присвоение и растрата (ст.ст. 193-195), однако разграничения между ними не проводилось.

Исследование главы 21 Артикула показало, что законодательство не содержало упоминания о таких составах преступления, как мошенничество и разбой. Кроме того, законодательный акт характеризовался недостаточной систематизацией статей.

При Николае I принимается крупный и довольно значимый правовой акт – Уложение о наказаниях уголовных и исполнительных 1845 г. Уложение именовало преступления против собственности как имущественные и разделяло их в зависимости от предмета преступного посягательства (казенная и частная собственность). Данный законодательный акт содержал нормы о ранее известных преступлениях против собственности, которые применялись продолжительное время.

Хоть Уложение и отличалось более высоким уровнем законодательной техники, однако, отдельной главы об имущественных преступлениях не содержало.

Следует отметить, что Уложение полностью не было введено в действие, но, при этом его положения оказали большое влияние на последующее развитие российского уголовного законодательства.

Далее, развитие норм об уголовной ответственности за преступления против собственности происходило в период становления Советского государства и права, когда Октябрьской Революцией 1917 г. был провозглашен курс на приоритет охраны социалистической собственности.

Пока не был принят первый уголовный закон советской власти, отсутствовала четкая система норм об ответственности за преступления против собственности. Так, Декретом ВЦИК И СНК РСФСР от 1 июня 1921 г. «О мерах борьбы с хищениями из государственных складов и должностными преступлениями, способствующими хищениям» предусматривались следующие виды преступлений: «незаконный отпуск товаров; сокрытие в целях хищения; расхищение товаров и материалов и т.д.» [8].

В 1922 г. был принят первый Уголовный кодекс РСФСР, который преступлениям против собственности посвятил гл. VI «Имущественные преступления». В данной главе содержались традиционные виды посягательств на отношения собственности: кража (ст. 180 УК РСФСР), грабеж (ст. 182 УК РСФСР), разбой (ст. 184 УК РСФСР), присвоение (ст. 185 УК РСФСР), мошенничество (ст. 187 УК РСФСР), вымогательство (ст. 194 УК РСФСР), умышленное истребление или повреждение имущества (ст. 196 УК РСФСР) [9]. Для УК РСФСР были свойственны описательные диспозиции, содержащие признаки преступлений.

Следующий УК РСФСР 1926 г. представлял собой масштабную редакцию УК РСФСР 1922 г., поэтому система преступлений осталась такая же, но при этом, были снижены санкции за преступления против собственности.

В военные годы были изданы законодательные акты, направленные на усиление охраны социалистической собственности средствами уголовного права.

Последний уголовный закон советской власти – Уголовный кодекс РСФСР РСФСР 1960 г. в ст. 1 установил «задачей охраны общественного строя СССР, его политической и экономической систем, личности, прав и свобод граждан, всех форм собственности и всего социалистического правопорядка от преступных посягательств» [10]. Кодекс различал

преступления против социалистической собственности и преступления против личной собственности граждан, где первым отводилось центральное место.

Закон РФ от 1 июля 1994 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» [11] отказался от понятия «социалистическая собственность» путем исключения его текста УК РСФСР, что означало отказ законодателя от дифференциации ответственности в зависимости от форм собственности. Данное направление было сохранено и в действующем уголовном законе, где преступлениям против собственности посвящена глава 21, устанавливающая уголовную ответственность за данные преступления не зависимо от форм собственности.

Таким образом, становление и развитие уголовной ответственности за преступления против собственности в законодательстве России прошло следующие этапы:

1) середина 10 в. до первой половины 19 в. – период становления ответственности за преступления против собственности, где впервые отношения собственности выступили как объект уголовно-правовой охраны и зародилась первая система данных преступлений;

2) первая половина 19 в. до 1917 г. – период кодификации уголовного права, что было обусловлено либерализацией законодательства следствием чего явилось расширение системы преступлений против собственности;

3) с 1917 г. до 1991 г. – советский период, где образовалась нормативная база уголовного законодательства, которая была основана на приоритете защиты социалистической собственности;

4) с 1994 г. до 1996 г. – либеральный период, связанный с изменением законодательства в связи с переходом от принципа социализма к либеральным принципам и принятием действующего УК РФ;

5) с 1996 г по настоящее время – современный период, который характеризуется углубленным правовым регулированием отношений собственности и дальнейшим совершенствованием уголовно-правовой политике в данной сфере.

Список литературы:

1. *Министерство внутренних дел Российской Федерации.* – URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/41741442/> (дата обращения: 16.10.2023)

2. Договор Руси с Византией 911г. – URL: [f-ipsu.udsu.ru/files/assets/1](https://ipsu.udsu.ru/files/assets/1) (дата обращения: 17.08.2023)
3. Радин, И. М. История русского права. Периоды: древний, московский и императорский. – СПб., 1910. – С. 257.
4. Русская Правда (Пространная редакция). – URL: <https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/ruspravda> (дата обращения: 18.09.2023)
5. Псковская судная грамота 1397 г. – URL: http://www.vostlit.narod.ru/Texts/Dokumenty/Russ/XV/1480-1500/Pskovc_sud_gr/text.htm (дата обращения: 27.09.2023)
6. Соборное Уложение 1649 г. – URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Text/1649/21.htm> (дата обращения: 18.09.2023)
7. Артикул воинский от 26 апреля 1715 г. – URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Text/articul.htm> (дата обращения: 19.08.2023)
8. Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 01.06.1921 «О мерах борьбы с хищениями из государственных складов и должностными преступлениями, способствующими хищениям» (утратил силу) // СУ РСФСР. 1921. № 49. Ст. 262.
9. Уголовный Кодекс Р.С.Ф.С.Р. 1922 г. (утратил силу) // СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.
10. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (утратил силу) // Свод законов РСФСР. Т. 8. С. 497.
11. Федеральный закон от 01.07.1994 № 10-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» (утратил силу) // Собрание законодательства РФ. 04.07.1994. № 10. Ст. 1109.

© Б.А. Озиев, 2023.

УДК 343.35

НЕСООТВЕТСТВИЕ ПОНЯТИЯ ДОЛЖНОСТНОГО ЛИЦА НАЗВАНИЮ ГЛАВЫ 30 УК РФ

*Парада Сергей Сергеевич,
магистрант 2 курса юридического факультета
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»*

*Научный руководитель: Бохан Андрей Петрович,
к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного права
Ростовского филиала ФГБОУ О
«Российский государственный университет правосудия»*

***Аннотация:** в статье рассматривается проблема определения понятия должностного лица, указанного в примечании 1 к ст. 285 УК РФ, в связи с включением в данное определение понятия хозяйственных обществ, которые по определению в соответствии с ч. 1 ст. 66 ГК РФ имеют коммерческий интерес, что противоречит фундаментальному устройству государственных институтов, так как подобный интерес даже формально должен быть исключен в государственном аппарате.*

***Ключевые слова:** должностное лицо, хозяйственные общества, государственная власть, государственная служба, органы местного самоуправления.*

INCONSISTENCY OF THE CONCEPT OF AN OFFICIAL WITH THE TITLE OF CHAPTER 30 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

*Parada Sergey Sergeevich,
Scientific adviser: Bokhan Andrey Petrovich*

***Abstract:** the article discusses the problem of defining the concept of an official specified in Note 1 to Art. 285 of the Criminal Code of the Russian Federation, in connection with the inclusion in this definition of the concept of business entities, which, by definition, in accordance with Part 1 of Art. 66 of the Civil Code of the Russian Federation have a commercial interest, which*

contradicts the fundamental structure of state institutions, since such interest, even formally, should be excluded in the state apparatus.

Keywords: *official, business entities, state power, civil service, local government bodies.*

Уголовное законодательство указывает на необходимость ограничения преступлений, совершенных физическими лицами, от преступлений, совершенных лицами, имеющими статус должностного лица в соответствии с федеральным законом. Данная законодательная конструкция предусмотрена главой 30 УК РФ, в которой указаны преступления, совершенные против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления. И хотя не все статьи гл. 30 УК РФ подразумевают специальный субъект преступления, подавляющее большинство статей указанной главы по смыслу диспозиции нормы закона указывают на то, что данные преступления совершаются специальным субъектом – должностным лицом. Это связано с тем, что данный статус физического лица указывает на то, что государство фактически доверяет часть необходимых для поддержания нормального функционирования государственного механизма полномочий человеку, который занимает соответствующую должность. И, если человек подрывает правильное функционирование государственных процессов такими действиями как недобросовестное использование своего служебного положения в личных целях, «кумовство», взяточничество и т.д., его действия приводят к подрыву доверия со стороны государства и нарушению его устройства, что соразмерно влечет за собой уголовную ответственность.

При этом необходимо отметить, что если понятно различие между деятельностью должностного лица и предпринимательской деятельностью в части как минимум разного источника денежного дохода, то в случае того, когда человек получает зарплату (денежное вознаграждение) из государственного бюджета Российской Федерации, он не всегда может иметь статус должностного лица. Помимо формальных различий, таких как то, что деятельность должностного лица носит характер служебной и что нанимателем физического лица на должность формально является Российская Федерация либо субъект РФ, а деятельность рабочего человека носит характер трудовой и что работодателем у такого рабочего может быть юридическое или физическое лицо, между данными институтами имеются такие прямо влияющие на жизнь человека различия, как запрет

должностного лица заниматься определенной деятельностью (предпринимательской) или заключение таковым не трудового договора, а специального служебного контракта, и т.д. Так, учитель бюджетного общеобразовательного учреждения получает зарплату, источником которой является государственный бюджет РФ, однако должностным лицом не является, а вот директор той же БОУ уже будет являться должностным лицом в связи с тем, что выполняет организационно-распорядительные функции. Аналогично необходимо воспринимать положения и в иных организациях, не входящих в понятия, указанные в гл. 30 УК РФ (врач и т.д.) [1].

Теперь необходимо рассмотреть, какие же понятия указаны в названии гл. 30 УК РФ, и выявить их смысл, так как в последующем именно соотношение смыслов понятий в названии главы и понятия должностного лица, указанного в примечании 1 к ст. 285 УК РФ, покажет, насколько точно законодатель смог выразить мысль, заложенную в уголовном законе.

В названии гл. 30 УК РФ указаны три понятия, являющиеся объектами преступлений указанной главы – государственная власть, государственная служба и органы местного самоуправления (далее – органы МСУ). Государственная власть и государственная служба совместно образуют государственный аппарат РФ, а органы МСУ включают в себя муниципальный аппарат. В обоих аппаратах сотрудники являются должностными лицами. При этом в государственном аппарате должностные лица являются либо лицами, занимающими государственные должности (Президент, депутаты, судьи, министры, аудиторы счетной палаты и т.д.), либо государственными служащими (администрация Президента, сотрудники Государственной Думы РФ, кроме депутатов, сотрудники судебного аппарата, кроме судей, и т.д.). Муниципальный аппарат устроен аналогично. Государственная власть представляет из себя совокупность средств и методов воздействия уполномоченных органов на общество с целью поддержания работы установленного государственного механизма, регламентированного законодательством. В просвете этого понятно, что и деятельность государственной службы и органов МСУ хоть и имеют различные функции и полномочия, однако являются ветвями обеспечения воли государства, его работы и развития.

Теперь для подступа к самой сути настоящей статьи необходимо обратиться к понятию должностного лица. Законодатель в тексте уголовного кодекса прямо определяет это понятие, которое, соответственно с ч. 1 ст. 1 УК РФ, является необходимым условием для

разграничения совершения преступлений должностными лицами от физических лиц. Так, в определение должностного лица включен ряд организаций, сотрудники которых подпадают под категорию исследуемого понятия (государственные органы, органы МСУ, государственные и муниципальные учреждения, государственные внебюджетные фонды и т.д.). Обратит внимание здесь следует на то, что в числе этих организаций указаны хозяйственные общества. Далее по тексту примечания отмечаются условия, при которых сотрудники данных обществ являются должностными лицами, а именно доля участия государства в них.

При этом в ч. 1 ст. 66 ГК РФ «Основные положения о хозяйственных товариществах и обществах» указано, что хозяйственными обществами признаются корпоративные коммерческие организации. Тут-то и кроется заявленная в теме настоящей статьи проблема. А именно в указании на коммерческий характер деятельности этих организаций. Ведь как мы ранее показали, должностные лица являются доверенными лицами государства, а соответственно не могут иметь никакого коммерческого интереса.

Проблемы определения понятия должностного лица сохраняют свою актуальность на протяжении долгого времени. Так, некоторые исследователи усматривают в возможности сотрудников хозяйственных обществ быть должностными лицами недостаточно жесткое правовое урегулирование внутрикorporативных отношений [2].

В связи с указанными обстоятельствами, на наш взгляд будет верно уточнить отсутствие в деятельности должностных лиц какого либо коммерческого интереса путем внесения соответствующих изменений в УК РФ, однако пока оных формулировок законодателем не внесено, решение данной проблемы может реализовываться в судебной практике в отношении должностных лиц, являющихся сотрудниками хозяйственных обществ (акционерных и с ограниченной ответственностью).

Список литературы:

1. Сучкова Татьяна Евгеньевна К вопросу о наделении врача статусом должностного лица // Вестник ВятГУ. 2012. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-nadelenii-vracha-statusom-dolzhnostnogo-litsa> (дата обращения: 12.09.2023).

2. Есаков Г.А. Должностные лица в акционерных обществах: уголовно-правовое и корпоративное понимание признаков специального субъекта / Г. А. Есаков, И. С. Шиткина, В. В. Кудрявцев // Уголовное право. – 2018. – № 6. – С. 43-55. (дата обращения: 25.09.2023).

© С.С. Парада, 2023.

УДК 343.341.1

ЛИЧНОСТЬ ТЕРРОРИСТА-СМЕРТНИКА

*Супрун Юлия Витальевна,
студент 5 курса юридического факультета
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»*

*Научный руководитель: Москалева Елена Николаевна,
старший преподаватель кафедры уголовного права
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»*

Аннотация: В данной статье рассмотрены этапы формирования личности террориста-смертника, характерные черты его криминологического портрета. Автором сделана попытка исследования психологических приемов вовлечения в террористическую деятельность.

Ключевые слова: террорист-смертник, террористический акт, подозрительное поведение, несоответствующая реакция, террористическая организация, тактика.

IDENTITY OF THE SUICIDE TERRORIST

*Suprun Yulia Vitalievna
Scientific adviser: Moskaleva Elena Nikolaevna*

Abstract: This article examines the stages of formation of the personality of a suicide bomber and the characteristic features of his criminological portrait. The author made an attempt to study psychological methods of involvement in terrorist activities.

Keywords: suicide bomber, terrorist attack, suspicious behavior, inappropriate response, terrorist organization, tactics.

Террорист-смертник – это человек, который совершает террористический акт, понимая, что он погибнет в результате своих действий. Он намеренно выбирает смерть как способ достижения своих

целей или выражения своих убеждений. Такие люди могут использовать взрывные устройства, самоубийственные пояса или другие средства для совершения акта насилия, часто направленного на массовые гражданские объекты. Целью террориста-смертника может быть порождение паники, страха или привлечение внимания к своим политическим, религиозным или идеологическим убеждениям.

Первыми террористами-смертниками можно считать ассасинов в XI веке в Персии. Их лидер Хасан ибн Саббах поручал своим последователям убивать высокопоставленных «грешников», и ассасины для этого были готовы пожертвовать своей жизнью. Террористом-смертником можно назвать русского революционера И. Гриневецкого, участвовавшего в покушении на Александра II и взорвавшего его бомбой вместе с собой [2].

Задачи террориста-смертника могут включать:

- проведение массового убийства и нанесение максимального ущерба цели (например, атака на публичные места, транспортные системы или крупные мероприятия);
- создание паники и страха среди населения;
- привлечение внимания к политическим или религиозным идеологиям, которые террорист считает важными;
- дестабилизация общества и подрыв государственной безопасности;
- продвижение своей группы или организации через акты насилия;
- приведение к разрушению инфраструктуры и экономики;
- воздействие на политические решения и изменение курса государства;
- принуждение правительства или общественности выполнять определенные требования террористов;
- привлечение новых сторонников к своей идеологии или организации;
- создание эффекта долговременного страха и нестабильности в обществе [1; с. 71-77].

Внешний облик террориста-смертника может варьироваться в зависимости от конкретной ситуации и контекста. Однако, есть некоторые общие черты, характерные для таких индивидов: террористы-смертники могут носить необычную или незаметную одежду, чтобы скрыть свою истинную цель и легче проникнуть на место теракта; перед совершением деяния террорист-смертник может проявлять признаки нервозности,

напряжения и беспокойства; внешне у него могут быть необычные движения, такие как постоянное ощупывание или проверка своего тела или одежды; террорист-смертник может проявлять подозрительное поведение, например, избегать контакта с другими людьми или постоянно оглядываться; он может неадекватно реагировать на происходящее вокруг, не проявлять эмоций или наоборот, проявлять чрезмерную агрессию [5; с. 213].

Однако важно помнить, что внешний облик террориста-смертника может быть очень разнообразным и зависит от множества факторов, включая страну или регион, в котором действует террористическая организация, и специфическую тактику или методы, которые они используют.

В.А. Соснин, Т.А. Нестик предполагают, что среди террористов смертников мало людей с особенными личностными чертами. Анализ судебных материалов и редких интервью с террористами показывает, что террористы чаще всего демонстрируют экстернализацию (объясняют свое поведение как результат действия негативных внешних обстоятельств и «психологическое расщепление» личности – одновременное существование противоречивых, несовместимых обоснований собственного поведения). Именно поиск внешнего врага как источника собственных неудач является доминирующим механизмом в психологии личности террориста [3; с. 54].

Личность террориста-смертника может быть сложной и многогранной, она содержит различные аспекты. Вот несколько основных характеристик, которые могут присутствовать у такой личности:

1. Идеологическая убежденность: террорист-смертник обычно верит в идеологию или религиозные убеждения, которые оправдывают его действия. Он может быть радикализирован и убежден, что его жертвы являются врагами или представляют опасность для его идеалов;

2. Манипулирование: террористы-смертники могут быть подвержены манипуляции со стороны экстремистских групп или лидеров, которые используют их уязвимость, недовольство или желание принадлежать к чему-то большему, чтобы убедить их совершить акт терроризма;

3. Отчуждение и одиночество: часто террористы-смертники испытывают чувство отчуждения от общества или группы, в которой они живут. Они могут чувствовать себя непонятыми и непринятыми, что создает у них желание отомстить или привлечь внимание;

4. Радикализация: процесс радикализации может играть ключевую роль в формировании личности террориста-смертника. Человек может быть подвержен пропаганде, экстремистским идеям или религиозному фанатизму, что часто приводит к его готовности совершить акт насилия;

5. Потеря смысла жизни: террористы-смертники могут испытывать потерю смысла жизни или надежды на будущее. Они могут считать, что совершение террористического акта является единственным способом привлечь внимание к своим проблемам или вызвать изменения.

Важно отметить, что каждый случай террориста-смертника уникален, и не все перечисленные характеристики могут присутствовать одновременно. Это только общие черты, которые могут помочь понять, какие факторы влияют на формирование личности таких людей.

Можно выделить следующие вариативные этапы формирования личности террориста-смертника:

1. Радикализация – процесс, в результате которого человек становится склонным к использованию насилия и готовым пожертвовать своей жизнью во имя своих новых убеждений;

2. Рекрутирование: террористические организации активно ищут и привлекают потенциальных смертников, предлагая им идеологическую поддержку и обещания «вознаграждения» после совершения теракта;

3. Подготовка: террористы-смертники получают обучение и тренировки по использованию взрывных устройств, оружия, тактикам атак и обходу безопасности. Они могут также изучать места своих будущих преступлений и разрабатывать планы;

4. Исполнение: террорист-смертник совершает акт терроризма, активируя взрывное устройство, атакуя людей или объекты или совершая самоподрыв;

5. Результат: в результате акта терроризма погибает сам террорист-смертник, а также множество невинных людей. Это может привести к панике, страху и иным деструктивным процессам в обществе [4, с. 146].

Таким образом, террорист-смертник – это человек, который совершает террористические акты, намеренно пожертвовав своей жизнью. Он готов принести себя в жертву, чтобы нанести ущерб другим людям или вызвать страх и панику.

Предотвращение терактов – это одно из приоритетных направлений деятельности государства. Некоторые из возможных мер безопасности и превентивных действий включают ужесточение контроля за передвижением людей, повышение безопасности на общественных мероприятиях и важных объектах, а также улучшение разведывательной

работы для выявления потенциальных угроз. Данная проблема требует комплексного подхода. Важно разрабатывать программы по профилактике радикализации и предоставлению альтернативных путей развития для людей, склонных к экстремистским убеждениям. Это может включать в себя образовательные программы, поддержку молодежных и общественных инициатив.

Список литературы:

1. Кантур, Р.А. Правовые проблемы противодействия феномену террористов смертников // Законодательство. – 2019. – № 2. – С. 71-77.

2. Противодействие терроризму: основные принципы, понятие, определение, правовые и организационные основы, минимизация потерь и способы урегулирования // ФБ. Закон. Здоровье и безопасность: [сайт].- URL: <https://fb.ru/article/398446/protivodeystvieterrorizmu-osnovnyie-printsipyi-ponyatie-opredelenie-pravovyye-i-organizatsionnyie-osnovyi-minimizatsiya-poter-i-sposobyi-uregulirovaniya>. (дата обращения 30.10.2023).

3. Соснин, В.А., Нестик, Т.А. Современный терроризм. Социальнопсихологический анализ. – М.: Институт психологии Российской академии наук, 2018. 246 с.

4. Щербаков, А. Терроризм. Война без правил: моногр. / А. Щербаков. – М.: Олма Медиа Групп, 2021. – 464 с.

5. Спирина, Е.В. Суицидный терроризм – субъект в структуре угроз национальной безопасности и нарушения политической стабильности на территории Российской Федерации // Молодой ученый. – 2013. №5. – С. 213-219.

© Ю.В. Супрун, 2023.

УДК 343.1

ПРОБЛЕМЫ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

*Танская Марина Витальевна,
магистрант 3 курса юридического факультета
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»*

*Научный руководитель: Палиев Владимир Борисович,
к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовно-процессуального права
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»*

Аннотация: в статье поднята проблема отсутствия законодательного закрепления термина «электронное доказательство», приведены точки зрения различных ученых относительно его дефиниции, на основе которых сформулировано определение. Кроме того, рассмотрен вопрос допустимости электронных доказательств, а именно критериев их сбора.

Ключевые слова: электронные доказательства, электронная информация, критерии допустимости, уголовный процесс, информационные технологии.

PROBLEMS OF ELECTRONIC EVIDENCE IN MODERN CRIMINAL PROCEEDINGS

*Tanskaya Marina Vitalievna
Scientific supervisor: Paliev Vladimir Borisovich*

Abstract: the article raises the problem of the lack of legislative consolidation of the term «electronic evidence», the points of view of various scientists regarding its definition are given, on the basis of which the definition is formulated. In addition, the issue of the admissibility of electronic evidence, namely the criteria for their collection, is considered.

Keywords: electronic evidence, electronic information, admissibility criteria, criminal procedure, information technology.

Действующий Уголовный процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) не отражает ни сам термин «электронное доказательство», ни его суть [1]. Однако научная литература содержит множество точек зрения относительно данного вопроса.

Непосредственным катализатором возникновения дискуссий по данному вопросу явилось бурное развитие информационных технологий, повсеместное внедрение разного рода цифровых устройств, которые могут отражать ту информацию, которая является значимой для расследования и раскрытия уголовных дел.

Следует отметить, что в доктрине отсутствует единое мнение относительно определения термина «электронные доказательства». При этом важным представляется четкое определение и законодательное закрепление их понятия и критериев сбора, что будет способствовать формированию устойчивой практики деятельности правоохранительных органов.

Так, с точки зрения одной группы исследователей, к которым относятся, в том числе, Л.Б. Краснова и В.Б. Вехов, электронные доказательства – это вещественные доказательства, облаченные в невербальную форму и способствующие обнаружению преступления, установлению фактических обстоятельств дела, выявлению тех лиц, которые виновны в его совершении [2, с. 257].

Кроме того, дополняя указанную позицию, В.Б. Вехов отмечал, что существует перечень оснований, при наличии которых электронные сведения могут выступать в качестве вещественных доказательств. К ним он относил следующие:

- посредством их использования было совершено преступление;
- они отражают собой «преступные следы»;
- они выступали в качестве предмета преступления или же имущества: которое было получено в результате его совершения;
- они способствуют установлению тех обстоятельств, которые входят в предмет доказывания по уголовному делу [3, с. 22].

По мнению второй группы ученых, электронная информация выступает в качестве такого вида доказательства, которое имеет отношение к категории иных документов. При этом они отмечают, что указанное возможно исключительно лишь в случае, если такое доказательство отражает реквизиты лица, интересы которого

затрагиваются, а также если отсутствуют основания для предположения о фальсификации информации, содержащейся в нем [4, с. 440]. Однако сторонники данной позиции не учитывают тот факт, что электронная информация – это не исключительно лишь информация, облаченная в текстовую форму, но и иные данные, которые могут быть созданы в автоматизированном режиме или же передаваться посредством использования каналов телекоммуникационных сетей. В связи с чем согласиться с изложенным мнением достаточно трудно.

Существует и третья группа исследователей (П.С. Пастухов, В.В. Терехина), которые отмечают, что электронные доказательства – это информация, представленная в электронно-цифровом формате, происходящая от человека, объекта или же процесса, а также зафиксированная на том или ином материальном носителе. При этом они отмечают, что такая информация должна быть доступна для восприятия, получена законным способом и представлена суду в порядке, регламентированном законом [5, с. 705].

При этом ранее указанные правоведы выделяют несколько видов подобного рода информации, а именно:

- иной документ;
- вещественное доказательство;
- заключение компьютерно-криминалистической экспертизы [6, с. 73].

Таким образом, указанные исследователи выступают против введения нового вида доказательства – электронного доказательства, так как, по их мнению, соответствующую информацию возможно воспринимать как одно из традиционных доказательств.

Солидарен с вышеприведенной позицией и А.С. Александров, который однако несколько дополнил ранее изложенное определение, указав, что электронное доказательство представляет собой знание, которое уже было включено в процесс доказывания, то есть подверглось отбору, интерпретации, толкованию [7, с. 35].

Конкретизирует позицию П.С. Пастухова и В.В. Терехиной и Н.А. Иванов, который отмечает, что важную роль в возможности использования электронной информации в качестве соответствующего доказательства играет возможность ее восприятия всеми участниками судебного процесса, то есть в качестве доказательства она может выступать лишь в том случае, если она была обнаружена, задокументирована и преобразована в письменно-изобразительную форму [8, с. 100].

Однако ряд ученых не согласен с вышеприведенными позициями. Так, например, С.В. Зуев указал, что такие понятия как «электронное доказательство» и «электронная информация» не являются тождественными по отношению друг к другу, так как информация является первичным звеном познания, в то время как доказательство представляет собой продукт уголовно-процессуальной проверки и оценки лицом тех сведений, которые были получены в процессе производства по уголовному делу [9, с. 621].

Наиболее приемлемой представляется позиция тех исследователей, который выделяют электронное доказательство в качестве нового и самостоятельного вида. К таковым относится, например, Н.А. Зигура, который отмечал, что такое доказательство – это доказательство, которое имеет особую форму представления и среду существования. Оно формируется человеком или машиной и требует специального способа введения в уголовный процесс [10, с. 143].

Вышеизложенное многообразие мнений, а также наличие проблем в процессе использования электронных доказательств, в том числе в деятельности по их сбору, проверки и оценки, подчеркивает необходимость четкой законодательство регламентации данного термина.

Представляется, что электронное доказательство – это совокупность информационных объектов, существующих в виртуальном пространстве и отражающих информацию электронного типа, которая может быть воспроизведена посредством использования программно-технических средств и может быть использована для установления обстоятельств, которые имеют значения для уголовного дела.

Безусловно, несмотря на законодательную неопределенность, электронные доказательства выступают в качестве средства доказывания в современном уголовном процессе, в связи с чем необходимым представляется определить критерии их допустимости.

Следует отметить, что электронные доказательства – это достаточно специфичные средства доказывания, что предопределено способом и субъектом их хранения, что способствует возникновению ряда сложностей в процессе их собирания. Кроме того, в связи с тем, что к соответствующей информации может иметь доступ неограниченный круг лиц их также нельзя признать в качестве прочных и постоянных.

В связи с указанным, представляется, что для того, чтобы электронные доказательства были допустимы, процесс их собирания должен соответствовать ряду критериев, а именно:

- в процессе сбора таких доказательств должны соблюдаться соответствующие принципы;
- в процессе сбора таких доказательств должен принимать участие специалист, который имеет необходимые устройства и программные обеспечения;
- все действия, которые направлены на сбор, хранение, передачу таких доказательств должны быть четко задокументированы;
- передача и транспортировка таких доказательств должна производиться надлежащим образом, то есть в строгом соответствии с категорией той информации, которая в них содержится;
- ответственность за такие доказательства должна быть возложена на то должностное лицо, которое совершает какие-либо действия по отношению к ним.

Необходимость учета вышеизложенных критериев предопределена тем, что уголовный процесс – это процесс, в котором наиболее жестко ограничиваются конституционные права граждан, соответственно, использование цифровых технологий должно сопровождаться надежными средствами минимизации рисков, а также повышенными гарантиями, так как, как справедливо отмечал А.В. Победкин, их задача сводится не к замене процессуальной формы, а к оптимизации порядка производства по уголовному делу [11, с. 31].

Таким образом, исследование позволило выявить проблему использования электронных доказательств в процессе доказывания в рамках уголовного процесса, решить которую возможно, прежде всего, посредством законодательной регламентации термина «электронное доказательство» в УПК РФ в качестве самостоятельного вида доказательств.

Кроме того, было определено, что в силу специфики электронных доказательств их допустимость возможна лишь при соблюдении некоторых правил (критериев) их сбора, перечень которых был сформулирован.

Список литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации, 24.12.2001 г., № 52 (часть I), ст. 4921.

2. Краснова Л.Б. Электронные носители информации как вещественные доказательства // Известия Тульского государственного

университета. *Экономические и юридические науки.* – 2020. – № 4-2. – С. 254-260.

3. Вехов В.Б. *Работа с электронными доказательствами в условиях изменившегося уголовно-процессуального законодательства // Российский следователь.* – 2020. – № 10. – С. 22-24.

4. Ткачев А.В. *Вопросы использования электронных носителей компьютерной информации в уголовном процессе в качестве доказательств иных документов // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки.* – 2021. – № 3-2. – С. 436-442.

5. Пастухов П. С. *«Электронные доказательства» в нормативной системе уголовно-процессуальных доказательств // Пермский юридический альманах.* – 2019. – № 2. – С. 695-707.

6. Пастухов П.С., Терехин В.В. *К вопросу о понятии и сущности электронных доказательств в уголовном процессе // Вестник Коми Республиканской академии государственной службы и управления. Серия: Государство и право.* – 2021. – № 18. – С. 69-75.

7. Александров А.С. *«Похвала» теории формальных доказательств // Правоведение.* – 2022. – № 4. – С. 34-47.

8. Краснова Л.Б. *Электронные носители информации как вещественные доказательства // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки.* – 2020. – № 4-2. – С. 254-260.

9. Зуев С.В. *О современной концепции развития информационных технологий в уголовном судопроизводстве (РИТВУС) // Пермский юридический альманах.* – 2019. – № 2. – С. 618-629.

10. Зигура Н.А. *Компьютерная информация как вид доказательств в уголовном процессе России : дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2010. – 234 с.*

11. Ткачев А.В. *Вопросы использования электронных носителей компьютерной информации в уголовном процессе в качестве доказательств иных документов // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки.* – 2021. – № 3-2. – С. 436-442.

© М.В. Танская, 2023.

УДК 343.341.1

ГЛОБАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ И МЕРЫ БЕЗОПАСНОСТИ В БОРЬБЕ С СОДЕЙСТВИЕМ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

*Терещенко Михаил Андреевич,
магистрант 2 курса юридического факультета
Ростовского филиала ФГБОУ ВО
«Российский государственный университет правосудия»*

*Научный руководитель: Москалева Елена Николаевна,
старший преподаватель кафедры уголовного права
Ростовского филиала ФГБОУ ВО
«Российский государственный университет правосудия»*

Аннотация: В статье исследуется проблема противодействия содействию террористической деятельности. Автор рассуждает о значимости согласованного и многоуровневого подхода в борьбе с терроризмом. Учитывая сложность проблематики, в исследовании глобальные стратегии и меры противодействия рассматриваются с точки зрения различных аспектов, играющих важную роль в обеспечении глобальной безопасности и предотвращении террористических актов, таких как международное сотрудничество, контроль финансовых потоков и противодействие радикализации.

Ключевые слова: терроризм, международное сотрудничество, правопорядок, безопасность, уголовный закон.

GLOBAL STRATEGIES AND SECURITY MEASURES IN THE FIGHT AGAINST THE PROMOTION OF TERRORIST ACTIVITIES

*Tereshchenko Mikhail Andreevich
Scientific adviser: Moskaleva Elena Nikolaevna*

Abstract: The article examines the problem of countering the promotion of terrorist activities. The author discusses the importance of a coordinated and multilevel approach in the fight against terrorism. Taking into account the complexity of the issues, the study examines global strategies and counteraction measures from the point of view of various aspects that play an important role in

ensuring global security and preventing terrorist acts, such as international cooperation, control of financial flows and countering radicalization.

Keywords: *terrorism, international cooperation, law and order, security, criminal law.*

Глобальные стратегии и меры безопасности, направленные на противодействие содействию террористической деятельности, являются основополагающими элементами усилий международного сообщества по поддержанию мира и стабильности. Процесс противодействия содействию террористической деятельности требует глобального подхода и совместных усилий государств, международных организаций. Ключевым элементом такой стратегии является обмен информацией и разведывательные операции, позволяющие выявлять и предотвращать террористические планы. Кроме того, важную роль в предотвращении содействия террористической деятельности играет контроль над внешними финансовыми потоками и ужесточение санкций против тех, кто финансирует террористические организации.

Под термином «терроризм» понимается идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами публичной власти федеральных территорий, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий [1]. Терроризм проявляется посредством подготовки и планирования террористических актов, финансирования и организации террористических сообществ, вербовки и подстрекательства к действиям террористической направленности.

Характерным условием существования терроризма является его всесторонняя поддержка, иначе говоря, содействие ему со стороны внутренних структур и населения, а также со стороны иностранных спецслужб. «Содействие террористической деятельности – склонение, вербовка или иное вовлечение лица в совершение хотя бы одного из преступлений террористической направленности, предусмотренных определенными статьями Уголовного кодекса РФ, вооружение или подготовка лица в целях совершения хотя бы одного из указанных преступлений» [2].

В условиях стремительного развития информационных технологий, интеграции онлайн-сервисов во все сферы жизни, а также возникающих ограничений на физическое перемещение, сбор денежных средств в сети

Интернет все более широко используется террористами и террористическими группами. Под финансированием терроризма понимается предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг с осознанием того, что они предназначены для финансирования организации, подготовки и совершения хотя бы одного из преступлений террористической направленности, предусмотренных определенными статьями Уголовного кодекса РФ, либо для финансирования или иного материального обеспечения лица в целях совершения им хотя бы одного из указанных преступлений, либо для обеспечения организованной группы, незаконного вооруженного формирования или преступного сообщества (преступной организации), созданных или создаваемых для совершения хотя бы одного из преступлений указанных категорий [3].

Содействие терроризму можно считать опаснее самого терроризма по нескольким причинам:

- лица, оказывающие содействие террористам, действуют скрытно от правоохранительных органов, в связи с чем на протяжении долгого времени оказывается поддержка террористической деятельности, что влечет за собой более сложный процесс выявления и задержание данных лиц;

- содействие терроризму носит стойкий и долгосрочный характер, что позволяет террористическим организациям заниматься своей противоправной деятельностью на протяжении большого промежутка времени, получая финансовую помощь, обучение, укрытие и другие ресурсы;

- содействие терроризму способствует радикализации новых лиц, что приводит к увеличению численности формирований, занимающихся террористической деятельностью.

Таким образом, содействие терроризму способствует долгосрочной устойчивости и развитию террористических организаций, что делает его опасным явлением и подчеркивает важность мер по предотвращению и пресечению такой деятельности.

Содействие терроризму осуществляется любыми способами, установление которых на квалификацию содеянного не влияет. Как показывает судебно-следственная практика, инициаторы и организаторы преступлений террористической направленности тратят значительное количество средств для достижения своих преступных целей, выбирая в качестве исполнителей маргинальных, социально нестабильных личностей, религиозных радикалов, национал-экстремистов, то есть лиц,

которых можно задействовать в совершение преступлений (в частности, используя их корыстную заинтересованность).

В борьбе с содействием террористической деятельности большую роль играет гражданское общество [4]. Главы государств и правительств всего мира должны разработать механизмы использования силовых и ограничительных мер таким образом, чтобы не только обеспечить сохранение существующих прав и свобод граждан, но и способствовать их дальнейшему развитию и укреплению. Основной задачей является установление баланса между ограничением свобод и уровнем угрозы для общества. Если большое количество жителей страны столкнутся с ухудшением качества жизни и потерей своих прав, это будет означать, что террористы достигли своей цели. Жесткий контроль со стороны государства и введение полицейского режима в стране после стабилизации ситуации с течением времени неизбежно вызовут общественное недовольство, что может привести к массовым протестам. К тому же, именно в таких обстоятельствах часто рождаются движения протеста, которые могут стать источником роста и расширения террористических организаций.

Для предотвращения и нейтрализации идеологии терроризма необходимо повысить моральные стандарты в отношении того, что является и что не является приемлемым в обществе. Идеология и практика терроризма должны быть осуждены, а также должно быть достигнуто понимание того, что потенциальными жертвами терроризма являются не отдельные люди или группы, а большинство граждан. Как подчеркивают многие аналитики, ни националистический, ни религиозный терроризм не может рассматриваться просто так, без отношения одобрения и поддержки террористов со стороны социальной среды, населения и отдельных групп [5]. В связи с чем, необходимо изучать и разрабатывать основы науки о терроризме (террорологии), этому поспособствовало бы учреждение кафедр в университетах страны, где данная наука сможет получить должное внимание в процессе исследования и обучения. Этот подход значительно поможет в борьбе с преступлениями террористической направленности, обеспечивая лучшее взаимодействие и обмен знаниями между учебными учреждениями.

Борьба с содействием террористической деятельности требует комплексного и многоуровневого подхода, который охватывает образование, мониторинг, правоприменение и международное сотрудничество. Развитие способов мониторинга позволит выявлять лиц и организации, содействующие террористам, что даст возможность в

проведении мероприятий по анализу Интернет-ресурсов и развитию других методов сбора информации. Также для успешной борьбы с содействием террористической деятельности необходимо внедрять более строгий финансовый мониторинг для выявления финансовых потоков, связанных с терроризмом. Это позволит замедлить или прекратить финансовую поддержку террористов, опустошить источники их существования.

Терроризм и содействие террористической деятельности – общая проблема мирового сообщества и решить ее можно лишь совместными усилиями, поэтому необходимо и в дальнейшем сотрудничать с другими странами и международными организациями для обмена информацией и координации мер по предотвращению содействия терроризму.

Список литературы:

1. *Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 N 35-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.*
2. *Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.*
3. *Федеральный закон от 07.08.2001 N 115-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // СПС КонсультантПлюс.*
4. *Кошевой, И. О. Современные формы борьбы с содействием преступлениям террористического характера // Современное право. 2015. №5. – URL: <https://u.kimis.org/tucSD> (дата обращения: 27.10.2023).*
5. *Кошевой, И. О. Криминологические и уголовно-правовые проблемы борьбы с содействием террористической деятельности: диссертация кандидата юридических наук. – М., 2011. – С. 81-89.*

© М.А. Терещенко, 2023.

УДК 343.01

К ВОПРОСУ О ЦЕЛЯХ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ

Тхагапсов Ислам Муратович,
магистрант 3 курса юридического факультета
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»

Научный руководитель: *Серегина Елена Владимировна,*
к.ю.н., доцент, заведующий кафедрой уголовного права
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы реализации целей наказания, аргументируется необходимость оценки результатов применения уголовного наказания. Автор исследует проблему соотношения последствий преступления с наказанием преступника.

Ключевые слова: уголовное наказание, справедливость, категории тяжести, исполнение наказания, применение.

ON THE QUESTION OF THE OBJECTIVES OF CRIMINAL PUNISHMENT

Thagapsov Islam Muratovich
Scientific adviser: *Seregina Elena Vladimirovna*

Abstract: The article discusses the problems of implementing the goals of punishment and argues for the need to evaluate the results of the application of criminal punishment. The author explores the problem of the relationship between the consequences of a crime and the punishment of the criminal.

Keywords: criminal punishment, justice, categories of severity, execution of punishment, application.

Преступление и наказание – два базовых института, вокруг которых строилось все уголовное право. Совершение преступления влечет возникновение уголовного правоотношения, содержание которого состоит

в его публично-правовом характере и субъектах правоотношения. «Государство, выступая гарантом реализации уголовно-правовых норм, становится не переменным участником уголовно-правовых отношений. Вместе с тем, помимо государства и лица, совершившего преступление, субъектом уголовно-правового отношения является лицо, потерпевшее от совершения преступного деяния (потерпевший)» [1, с. 38]. Преступление является нарушением как общей свободы, так и свободы отдельного гражданина. Поэтому нарушение высшего нравственного закона требует безусловного наказания.

Уголовное наказание всегда выступало как один из ведущих институтов уголовного права, а интерес к нему проявляют не только ученые-правоведы, но и общественность. И.А. Подройкина подчеркивает: «институт уголовных наказаний обусловлен социальной средой» [2, с. 14]. При установлении и реализации института наказания важно оставаться в рамках сферы правового регулирования, которая подразумевает возможность упорядочения только актов поведения людей и общественных отношений, которые поддаются внешнему контролю, являются конкретными, социально значимыми и охватываются волей людей [3, с. 225].

В соответствии с ч. 2 ст. 43 УК РФ наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений.

Последствия от преступления могут быть самыми разными. Это может быть и лишение жизни, и вред физическому здоровью, и психический вред, также материальные последствия и др. Последствия одного преступления могут содержать несколько вариаций вреда. Разновидности последствий, причиненных на индивидуальном уровне, настолько разнообразны, что даже широкая их систематизация не позволит установить некий стандарт «цены» за содеянное. Нет такого эквивалента, который позволил бы взвешивать вред от преступного посягательства. Социальные последствия преступности настолько масштабны, что не могут быть исследованы в полном объеме. Практика показывает, что в большинстве случаев преступлений против личности потерпевшие не удовлетворены наказанием. Никакие длительные сроки лишения свободы не смогут вернуть жизнь или здоровье потерпевшим.

Для того, чтобы восторжествовала социальная справедливость, «самим виновным наказание должно восприниматься как справедливое; оно не должно быть ни чрезмерно суровым – иначе оно будет признаваться

расправой, ни чрезмерно мягким – чтобы не породить чувство безнаказанности» [4, с. 174].

Несмотря на наличие законодательного инструмента, позволяющего оценивать тяжесть совершенного деяния и особенности личности виновного, при фактическом применении уголовного наказания более целесообразно говорить все-таки лишь о попытке возмездия. Так, сложно говорить о социальной справедливости уголовного наказания в следующем примере: «Три года и семь месяцев Мохов удерживал в подвале двух молодых девушек в роли секс-рабынь. Унижая своих пленниц, насилуя их и угрожая убить, он осознавал безграничную власть над этими хрупкими чужими жизнями. Страх девочек питал его самолюбие и повышал самооценку» [5]. Наказание преступника – семнадцать лет лишения свободы, никак не компенсирует жертвам психологические и физические травмы и потерянные годы, а их родственникам не возможно возместить потерянное здоровье за годы переживаний как следствие исчезновения девушек. Исходя из этого, вряд ли можно утверждать, что цель восстановления социальной справедливости означает определенную компенсацию причиненного преступлением вреда потерпевшим.

Представляется, что о социальной справедливости более целесообразно говорить на массовом уровне, имея ввиду, что за любое нарушение уголовного запрета, предусмотрено максимально соразмерное ему возмездие (наказание). При этом соразмерность не может пониматься как математически точная категория, скорее ее можно соотносить с абстракцией. Причинение преступлением вреда личности, обществу и государству (страдательному элементу – жертве) никак не может быть компенсировано путем лишения или ограничения прав преступника (агрессивного, разрушительного элемента). Термин «социальная справедливость» больше соотносится с пониманием гармонии, баланса интересов, благополучия. Представляется, что к уголовному наказанию это не применимо. Поэтому о социальной справедливости уголовного наказания целесообразно говорить на массовом уровне, имея ввиду, что за любое нарушение уголовного запрета, предусмотрено максимально соразмерное ему возмездие (наказание). При этом соразмерность не может пониматься как математически точная категория, скорее ее можно соотносить с абстракцией.

Говоря о целях исправления осужденного И.И. Солодкин писал: «Наказание должно действовать «на душу, сердце и совесть...» [6]. По сути, оно может рассматриваться как некая работа над ошибками, самоанализ. При идеальном понимании цели исправления, преступник,

отбывающий наказания, должен задуматься о содеянном, провести критический анализ собственного поведения, сделать соответствующие выводы и шаги в аспекте трансформации собственного поведения в сторону законопослушного.

Задача правоприменителя вынести такое наказание, реализация которого исправит «оступившееся» лицо. Проблема заключается в том, что лица, совершившие преступления, не склонные к исправлению. Исходя из общепринятых подходов, основные этапы формирования личности проходит до восемнадцати лет. Именно в этот период активно работают субъекты образования, значительный акцент деятельности которых сделан на реализации воспитательных программ. Несовершеннолетние лица значительно легче поддаются исправительному воздействию, т.к. находятся на начальной стадии приобретения социального опыта. При этом очень сложно говорить о воспитании, а тем более перевоспитании взрослых лиц, с устоявшимися взглядами на жизнь, специфическим восприятием социальной действительности, массой пережитых событий и уже сформированными выводами. В зависимости от уровня криминальной пораженности, такая личность обладает в определенной степени устойчивостью взглядов, привычек, жизненных ориентиров. В случаях принадлежности к криминальной субкультуре, субъект ориентирован на соответствующие «традиции» и «правила», что будет негативно сказываться на процессе его социализации в законопослушной среде.

Таким образом, природа целей уголовного наказания непосредственно связана с аргументацией оснований, легитимирующих его регламентацию и использование. При этом необходимо исследовать цели наказания не только в контексте, позволяющем обосновать право государства на уголовное наказание, но и в контексте тех реальных результатов, которые общество и государство должны получить, устанавливая уголовное наказание в законе и применяя его на практике.

Список литературы:

1. Авдеева, Е.В. Принцип справедливости в механизме реализации уголовного наказания // *Российский судья*. – 2023. – № 2. – С. 36 – 40.
2. Подройкина, И.А. Теоретические основы построения системы наказаний в уголовном законодательстве России: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08. – Ростов н/Д, 2017. С. 14 – 15, 24, 37 – 38, 48.
3. Пьянов, Н.А. Актуальные проблемы теории государства и права: учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. – Иркутск, 2011. С. 225 – 226.

4. Грачева, Ю.В., Чучаев, А.И. Цели наказания в законе, теории и общественном мнении: реальные и мнимые // Закон. – 2021. – № 12. – С. 172 – 188.

5. Откровения скопинского маньяка: «Они были моими подневольными женами, я их любил». URL: <https://www.gyazan.kp.ru/daily/27245/4375057/> (дата обращения: 18.10.2023)

6. Солодкин, И.И. Очерки по истории русского уголовного права. – Л., 1961.

© И.М. Тхагансов, 2023

УДК 343.2

ПОНЯТИЕ КАТЕГОРИЙ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ИХ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ

*Хасельханов Ильяс Русланович,
магистрант 2 курса юридического факультета
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»*

*Научный руководитель: Москалева Елена Николаевна,
старший преподаватель кафедры уголовного права
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»*

***Аннотация:** Специфика классификации и категоризации преступлений состоит в том, что определяемое явление может рассматриваться как с формально-логической, так и с содержательной точки зрения. Основанием категоризации преступлений выступает характер и степень общественной опасности преступления, которые конкретизируются в санкции и форме вины. Категории не пресекаются, являются постоянными, обший объем поглащает все преступления.*

***Ключевые слова:** категории преступлений, классификация преступлений, уголовно-правовые последствия категоризации преступлений, уголовно-правовое значение категоризации преступлений.*

THE CONCEPT OF CATEGORIES OF CRIMES AND THEIR CRIMINAL LEGAL IMPORTANCE

*Khaselkhanov Ilyas Ruslanovich
Scientific supervisor: Moskaleva Elena Nikolaevna*

***Abstract:** The specificity of the classification and categorization of crimes is that the phenomenon being defined can be considered from both a formal-logical and substantive point of view. The basis for the categorization of crimes is the nature and degree of social danger of the crime, which are specified in the sanctions and form of guilt. Categories are not suppressed, they are constant, the total volume absorbs all crimes.*

***Keywords:** categories of crimes, classification of crimes, criminal legal consequences of categorizing crimes, criminal legal significance of categorizing crimes*

Без структурированной классификации всех преступлений, отнесение преступления к какой-либо категории невозможно. Понятие классификации преступлений является в некотором роде дискуссионным, хотя имеет незыблемое теоретическое и практическое значение. Ученые по этому вопросу представили ряд мнений. Так, по мнению Н.Н. Маршаковой, функциональное значение классификации проявляется в возможности на основании единых классификационных критериев объединить в крупные типологизированные комплексы уголовно-правовые институты [1, 7]. Достаточно глубокого подхода придерживается Н.Г. Кадников, который полагает, что классификация и категоризация являются синонимами и анализирует их в большей мере на законодательном материале Общей части: «Классификация (категоризация) преступлений в Общей части уголовного закона есть их разграничение на отдельные категории в зависимости от их тяжести, которая выражена в типовой санкции и предусматривает специфические для каждой категории уголовно-правовые последствия» [2, с. 94]. По нашему мнению, не вполне корректно сводить классификацию лишь к категоризации и тем более подавлять ее лишь рамками Общей части. Так, те же санкции отражаются в законодательных предписаниях особенной части УК РФ. Преимущественно широкий метод исследования, но абсолютно противоположный, использует Н.Н. Маршакова. Она рассматривает классификацию в спектре учения о законодательной технике и считает правильным применять ее не только в отношении преступлений, но и иных уголовно-правовых явлений и институтов. По убеждению Н.Н. Маршаковой, «классификация в уголовном законодательстве – это специфический прием юридической техники, представляющих собой деление закрепленных правовых положений по единому критерию на определенные категории (группы, виды), обладающий нормативно-правовым характером и имеющий своей целью единообразное понимание и применение уголовно-правовых институтов и норм».

Однако есть и иные мнения, так, например, по определению А.Н. Кривоченко, классификация является «делением всех предусмотренных уголовным законом общественно опасных деяний в зависимости от характера и степени общественной опасности на отдельные

категории, обладающие специфическими типовыми санкциями и влекущие строго определенные уголовно – правовые последствия» [3, с. 55]. В.С. Прохоров полагает, что это подразделение преступлений на группы (классы) на основании какого-либо существенного признака (критерия) для установления их общих свойств и различий, разделяющих классифицируемые деяния [4, с. 34]. Эти определения в целом согласуются с общеприемлимыми дефинициями классификации, результат которой представляет собой распределение по группам, разрядам, классам. Несколько витиеватое понимание предлагает П.С. Кардаев, который уделяет внимание на правовой ценности категорий: «это установленное уголовным законом распределение преступлений по признаку их общественной опасности (тяжести) на различные категории, количество которых и их правовое значение предопределяется совокупностью существующих правовых институтов, предназначенных для применения в отношении лиц, совершивших преступления определенной степени тяжести» [4, с. 70].

Безоговорочно необходимо уделить внимание тому, что классификация и категоризация преступлений может представлять собой как с формально-логической, так и с содержательной точки зрения. Формально-логически классификация проявляется через правило деления, диктующее, чтобы все элементы деления исключали друг друга. Содержательные классификации обращают внимание на раскрытие глубинных, закономерных связей между группами классифицируемых предметов. Между предметами обнаруживаются такие отношения (например, переходы, общие признаки), которые исчезали из поля зрения при первоначальном формальном подходе. Содержательная классификация учитывает родство не только между предметами, составляющими каждую отдельную категорию, но и всевозможные отношения среди всех предметов, которые в свою очередь составляют различные группы, она отражает момент «начала», изменения классифицируемых предметов, принимает наличие переходов между ними. Так как содержательные классификации являются логическим выражением объективных взаимоотношений между классифицируемыми предметами, они характеризуются максимальной объективной эластичностью и исключают жеманность, беспочвенность, нонобъективизм. Истинно научными признаны лишь содержательные классификации.

Содержательные классификации, в отличие от формально-логических, обращают внимание на момент развития соответствующего явления. Законы составления формально-логических классификаций: в

одной и той же классификации требуется применять один и тот же фундамент; Количество элементов классификации должны отражаться количественному аспекту объема классифицируемого класса; члены классификации обязаны взаимно исключать друг друга; структурированное подразделение на классы имеет необходимость быть непрерывным. Категоризация преступлений исчерпывающим образом соответствует каждому указанному требованию, основанием ее выступает характер и степень общественной опасности преступления, которые конкретизируются в санкции и форме вины. Категории не пересекаются, являются постоянными, общий объем поглощает все преступления. Таким образом, невозможно согласиться с теми учеными, которые считают ошибочно наличие якобы двух оснований классификации в ст. 15 УК Российской Федерации – санкции и формы вины. Основание категоризации закреплено в ч.1 ст. 15 УК Российской Федерации, в последующих частях оно раскрывается. Однако, в такой классификации нет диалектического момента развития, присущего содержательным классификациям. Предполагаем, что классификации аналогичного характера находят своё место в уголовном законодательстве, к ним относится, к примеру, классификация форм соучастия (ст. 35 УК РФ). Любая организованная группа несет в себе все признаки группы лиц по предварительному сговору, но различие между ними качественное – в степени взаимосогласованной, совместно зависимых действий. Поэтому стоит поразмышлять о введении качественных признаков и в ст. 15 УК Российской Федерации.

Значение категорий преступлений для уголовного законодательства и практики его применения объясняется прежде всего тем, что разграничение преступлений на категории учитывает не только степень тяжести деяний, но и отражает характеристику лиц, их совершивших. Более снисходительный режим наблюдается для беременных женщин и женщин, имеющих детей до 14 лет, для них определена так называемая отсрочка отбывания наказания также с учетом категории преступления. Категоризация преступлений в зависимости от тяжести применяется для возведения многих норм, которые предусматривают специфику уголовной ответственности несовершеннолетних. Выражено это в том, что УК РФ устанавливает разграничивающий, дифференцированный подход к назначению наказания в виде лишения свободы в зависимости от возраста несовершеннолетнего и степени тяжести совершенного преступления, особенности освобождения от уголовной ответственности данной категории лиц, применение принудительных мер воспитательного

воздействия к подросткам, совершившим преступления небольшой или средней тяжести.

Список литературы:

1. Маршакова Н.Н. *Классификация в российском уголовном законодательстве (теоретикоприкладной анализ). Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород. 2006. С. 7.*

2. Кадников Н.Г. *Классификация преступлений по уголовному праву России. М.: Юрид. изд-во МВД России. 2000. 188 с. С. 94.*

3. Кривоченко Л.Н. *Классификация преступлений. Харьков, 1983. С. 55.*

4. Прохоров В.С. *Преступление и ответственность. Л., 1984. С. 34.*

5. Кардаев П.С. *Классификация преступлений по степени их тяжести в советском уголовном праве. Дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1977. 198 с. С. 70*

© **И.Р. Хасельханов, 2023**

УДК 343.213.7

ОСНОВАНИЯ И НАЧАЛО ТЕЧЕНИЯ СРОКОВ ДАВНОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

*Цмакалов Никита Дмитриевич,
студент 3 курса юридического факультета
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»*

*Научный руководитель: Москалева Елена Николаевна,
старший преподаватель кафедры уголовного права
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»*

***Аннотация:** в статье рассматриваются основания установления сроков давности. Автором сделана попытка исследования актуальных проблем применения института сроков давности, рассмотрены конкретные примеры судебной практики, сформулированы выводы.*

***Ключевые слова:** сроки давности уголовного дела, меры уголовной ответственности, общественная опасность, преступление.*

BASES AND BEGINNING OF LIMITATION TERMS IN CRIMINAL LAW

*Tsmakalov Nikita Dmitrievich
Scientific adviser: Moskaleva Elena Nikolaevna*

***Abstract:** The article discusses the grounds for establishing statutes of limitations. The author made an attempt to study current problems of applying the institution of statutes of limitations, examined specific examples of judicial practice, and formulated conclusions.*

***Keywords:** statute of limitations for a criminal case, measures of criminal liability, public danger, crime.*

Институт давности является одним из важных правовых институтов, сопряженных с применением временных характеристик в юриспруденции.

Несмотря на то, что история его развития в уголовном праве охватывает длительный период и берет свое начало еще в раннем периоде развития права нашего государства, он изучается и дополняется уже много лет, до настоящего времени имеет ряд спорных вопросов, содержит множество правоприменительных проблем.

Одним из таких спорных вопросов является вопрос об основаниях установления сроков давности и их применении. Представляется, что понятие давности преступления введено законодателем с целью создания гарантий защиты лица, ограниченного по прошествии длительного времени в возможностях сбора и представления доказательств, которые к этому времени могут быть утрачены. Также с течением времени вероятно возникновение сложностей с получением достоверных свидетельских показаний.

Заслуживает внимания позиция, что с истечением сроков давности пропадает целесообразность привлечения лица к уголовной ответственности. Некоторыми авторами основания установления сроков давности связываются с презумпцией утраты общественной вредности самим правонарушением по прошествии длительного времени с момента совершения преступления [1, с. 432]. В большинстве случаев при этом акт преступления утрачивает социальную актуальность, в результате чего меры уголовной ответственности не будут иметь должного предупредительного эффекта, а также не будут способствовать удовлетворению потребности потерпевшего и общества в целом в восстановлении социальной справедливости.

Также это может быть обусловлено признанием утраты лицом, совершившим преступление, общественной опасности при условии длительного правомерного поведения. К примеру, совершив преступление в несовершеннолетнем возрасте, повзрослев, лицо может поменять свое поведение, мировоззрение, отношение к людям. В такой ситуации теряется смысл наказания, не стоит задача предотвращения совершения новых преступлений. Критики данного мнения отмечают, что общественная опасность деяния не утрачивается со временем: она фиксируется на момент совершения деяния и может изменяться лишь в связи с конкретными изменениями внешних условий [2].

Законодательством могут устанавливаться условия, при которых общественная опасность преступления не может быть утрачена со временем и, соответственно, не могут быть применены сроки давности. На международном уровне и в национальном праве установлено, что сроки

давности не применяются к лицам, совершившим военные преступления и преступления против человечества.

В 2018 г. Верховный Суд России фактически расширил число ситуаций, когда институт срока давности не применяется. В обзоре судебной практики сформулировано важное разъяснение: когда за преступление грозит пожизненное заключение, человек в любом случае привлекается к уголовной ответственности [3], если санкцией статьи предусмотрена высшая мера наказания, вопрос, лишать свободы или нет по истечении сроков давности, находится в исключительной компетенции суда.

Наиболее тяжкие, громкие преступления оставляют в памяти общественности неизгладимые негативные последствия, которые не может полностью нивелировать и длительный срок. Верховный Суд России пояснил, что совершение лицом преступления, за которое предусмотрено пожизненное заключение, свидетельствует о его высокой общественной опасности, поэтому в отношении него применяются иные правила, касающиеся сроков давности.

По общему правилу сроки давности, связанные с привлечением лица к уголовной ответственности, начинают течь с момента совершения преступного деяния. Если преступление прервано на ранней стадии преступной деятельности (приготовление к преступлению или покушение на него), сроки давности начинают течь с момента совершения последнего из действий, создающих условия для совершения преступления или непосредственно направленных на его осуществление.

Если преступление состоит из ряда повторяющихся действий, объединённых единой целью (продолжаемое преступление), срок давности начинает течь с момента совершения преступником последнего из таких действий. Для протяжённых во времени преступных деяний (длящееся преступление) начало течения срока давности связывается с окончанием или пресечением преступного поведения лица.

В 2021 г. спор о сроках давности приобрел особую актуальность после принятия Верховным Судом Российской Федерации 1 апреля 2021 г. постановления № 49-УД21-3-К6, а затем вынесения определения Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 26 мая 2021 г. № 77-2263/2021.

С точки зрения теории права, спора при разрешении данной дилеммы быть не может ввиду прямого указания закона – уголовное дело не может быть возбуждено, а возбужденное дело подлежит прекращению ввиду истечения сроков давности уголовного преследования (п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ). Однако на практике не раз наблюдалось «вольное

толкование законодательного императива, которое объяснялось процессуальной самостоятельностью следователя и дознавателя – они по своему усмотрению и с молчаливого согласия руководителей и надзирающих прокуроров выносили постановления о возбуждении уголовных дел, осуществляли сбор доказательств виновности подозреваемых (обвиняемых) и направляли дела в суд для рассмотрения по существу. На резонные претензии защитников обвиняемых (а в некоторых случаях – потерпевших) они парировали: «Прекращать дело не можем и не будем, у нас такая практика, суд во всем разберется». Обжалование таких явно незаконных действий в порядке прокурорского надзора, а также ведомственного или судебного контроля положительного эффекта не приносило» [4].

Такая ситуация продолжалась до тех пор, пока житель Республики Башкортостан не обжаловал в порядке ст. 125 УПК РФ в Советский районный суд г. Уфы три постановления о возбуждении уголовного дела, вынесенные следователем по особо важным делам, ссылаясь, что в силу п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ по истечении сроков давности уголовное дело не может быть возбуждено. Рассматривая его жалобу, суды первой, апелляционной и кассационной инстанций не согласились с приведенными доводами и отказали в ее удовлетворении.

Точку в споре поставил Верховный Суд России, указав в Постановлении от 1 апреля 2021 г., что следователем вынесены постановления о возбуждении уголовных дел вопреки указанным требованиям закона. Обвинение основано на недопустимых доказательствах ввиду незаконного возбуждения уголовного дела и сбора доказательств с нарушением требований закона. Формируя единообразную судебную практику по данному вопросу, в Определении от 26 мая 2021 г. № 77-2263/2021. Шестой кассационный суд общей юрисдикции, отменяя решение суда апелляционной инстанции, также отразил данную позицию. Вместе с тем, позиция прокуратуры как надзирающего органа до настоящего времени не изменилась, что порождает на практике дальнейшее возбуждение таких дел «в интересах потерпевших» и необходимости обеспечения их прав. Единство правоприменительной практики может быть обеспечено при условии, что усмотрение прокурора и следователя при разрешении вопроса о возбуждении уголовного дела при истечении сроков давности будет минимизировано.

Список литературы:

1. Витрук, Н. В. *Общая теория юридической ответственности: монография* / Н. В. Витрук. – 2-е изд., испр. и доп. – М: Норма: ИНФРА-М, 2020. – 432 с.
2. Голоднюк М.Н., Зубкова В.И., Крылова Н.Е. и др. *Курс уголовного права: В 5-ти т.* / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Юрид. фак.; под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. – М.: Зерцало-М, 2002. Т. 2: *Общая часть. Учение о наказании.* – 454 с.
3. Верховный Суд РФ объяснил, когда срок давности не применяется // *Российская газета – Федеральный выпуск № 187(7650)*.
4. Гизатуллин Р. «ВС поставил точку в споре о сроках давности привлечения к уголовной ответственности». – URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/vs-postavil-tochku-v-spore-o-srokakh-davnosti-privlecheniya-k-ugolovnoy-otvetstvennosti/> (дата обращения: 12.10.2023).

© Н.Д. Цмакалов, 2023.

УДК 343.1

ЭВОЛЮЦИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА И ФУНКЦИЙ ПРОКУРОРА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ

*Шарафаненко Валерия Германовна,
магистрант 3 курса юридического факультета
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»*

*Научный руководитель: Цой Бронислав Алексеевич,
к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовно-процессуального права
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»*

***Аннотация:** в статье исследуются особенности становления и развития функций прокурора в российском уголовном судопроизводстве. Делается вывод о том, что изначально прокурор выполнял контролирующую функцию за исполнением законодательства, а с течением времени на него были также возложены функции по уголовному преследованию и поддержанию обвинения во всех судебных инстанциях.*

***Ключевые слова:** уголовное судопроизводство, прокурор, процессуальный статус, функции, прокурорский надзор.*

EVOLUTION OF PROCEDURAL STATUS AND FUNCTIONS OF THE PROSECUTOR IN CRIMINAL PROCEEDINGS IN RUSSIA

*Sharafanenko Valeria Germanovna
Scientific supervisor: Tsoi Bronislav Alekseevich*

***Abstract:** the article examines the features of the formation and development of the functions of the prosecutor in Russian criminal proceedings. It is concluded that initially the prosecutor performed a supervisory function over the implementation of legislation, and over time he was also assigned the functions of criminal prosecution and support of prosecution in all courts.*

Keywords: criminal proceedings, prosecutor, procedural status, functions, prosecutorial supervision.

Одним из дискуссионных и «чрезвычайно запутанных» [1, с. 9] вопросов теоретического и практического характера, является вопрос о функциях прокурора в уголовном судопроизводстве, что объясняется реформированием уголовно-процессуального законодательства, которое давно взяло курс на создание состязательного типа процесса вместо смешного. Для ответа на обозначенный дискуссионный вопрос представляется необходимым провести исторический экскурс становления, развития и последующего изменения уголовно-процессуальных функций прокурора. Однако отметить, что анализ исторического развития функций прокурора невозможно вести в отрыве от его процессуального статуса, поскольку первые являются элементом последнего.

Как известно, органы российской прокуратуры появились при Петре I «который определил вектор развития России в XVIII в., обусловленный его крупномасштабными реформами государственного и общественного уклада, проведенными в интересах развития благоденствия страны, укрепления ее могущества и авторитета на международной арене» [2, с. 221-228]. Так, в допетровский период никаких органов публичного преследования не существовало.

12.01.1722 г. Петр I подписал Указ, согласно которому были введены должности Генерал-прокурора и обер-прокурора при Сенате, с целью осуществления контроля за соблюдением законов. Следует отметить, что данное нововведение дало определенные положительные моменты. Например, изначально прокуратура подчинила себе фискалов, которые впоследствии были упразднены. Но данный институт не был лишен и недостатков. Так, не существовало никаких превентивных мер в отношении выявленных нарушений закона. В таком виде прокуратура просуществовала до 1864 г. и представляла собой орган высшего надзора за государственным аппаратом.

Реформирование прокуратуры началось с судебной реформы 20.11.1864 г., согласно которой данный орган должен был контролировать точное исполнение закона на основе принципов «несменяемости, строгой иерархии, централизации органов прокурорского надзора, независимости от местных органов власти» [3, с. 67-70]. Кроме того, теперь прокурорский надзор осуществлялся обер-прокурорами, прокурорами и их товарищами под контролем Министерства Юстиции.

В последующие годы наблюдалась тенденция оптимизации прокурорского надзора за органами следствия. Так, на лиц, осуществляющих прокурорский надзор возлагалась обязанность рассматривать определения судов первой инстанции, а также поддерживать обвинение в суде по особо тяжким категориям преступлений.

Таким образом, в результате Судебной реформы 1864 г. функции прокурора от всеобщего контроля были сведены к надзору в судебном процессе.

После Октябрьской Революции 1917 г. органы прокуратуры были упразднены. «Упразднить доныне существовавшие институты судебных следователей, прокурорского надзора, а равно и институты присяжной и частной адвокатуры» [4]. При этом прокурорские функции были возложены на народные и революционные трибуналы, и на следственные комиссии.

Однако, уже в мае 1922 г. происходят изменения в связи с принятием Положения о прокурорском надзоре, согласно которому «Учредить в составе Народного Комиссариата Юстиции Государственную Прокуратуру», на которую были возложены следующие функции: «а) осуществление надзора от имени государства за законностью действий всех органов власти, хозяйственных учреждений, общественных и частных организаций и частных лиц; б) непосредственное наблюдение за деятельностью следственных органов дознания в области раскрытия преступлений, а также за деятельностью органов Государственного Политического Управления; в) поддержание обвинения на суде; г) наблюдение за правильностью содержания заключенных под стражей» [5].

Основы судоустройства Союза ССР и союзных республик от 29.10.1924 года, установили компетенцию прокуроров Союза и автономных республик, при этом практически повторяя Положения о прокурорском надзоре 1922 г. Так, согласно ст. 14 Основ «На прокуратуру союзных и автономных республик возлагается: 1) надзор на территории данной республики за законностью действий органов советской власти, государственных и общественных учреждений и частных лиц; 2) опротестование в порядке кассационности и в порядке надзора приговоров, решений и определений, выносимых судами данной республики; 3) непосредственный надзор и наблюдение за производством дознания, розыска и предварительного следствия по уголовным делам; 4) поддержание обвинения по уголовным делам в суде; 5) наблюдение за

исполнением приговоров, за законностью содержания под стражей, за состоянием и деятельностью мест заключения; б) ограждение интересов государства и трудящихся по гражданским делам» [6].

Следующим важным актом стало Постановление ЦИК и СНК СССР от 20.06.1933 г., которое гласило: «В целях укрепления социалистической законности и должной охраны общественной собственности по Союзу ССР от покушений со стороны противообщественных элементов Центральный исполнительный комитет и Совет народных комиссаров Союза ССР постановляют: 1. Учредить Прокуратуру Союза ССР. 2. Прокурор Союза ССР осуществляет: а) надзор за соответствием постановлений и распоряжений отдельных ведомств Союза ССР и союзных республик и местных органов власти – Конституции и постановлениям правительства Союза ССР; б) наблюдение за правильным и единообразным применением законов судебными учреждениями союзных республик с правом истребования любого дела в любой стадии производства, опротестования приговоров и решений судов в вышестоящие судебные инстанции и приостановления их исполнения; в) возбуждение уголовного преследования и поддержание обвинения во всех судебных инстанциях на территории Союза ССР; г) надзор, на основе особого положения, за законностью и правильностью действий ОГПУ милиции, уголовного розыска и исправительно-трудовых учреждений; д) общее руководство деятельностью прокуратуры союзных республик» [7].

К 1938 г. указанные выше положения были отменены и сложилась двоякая ситуация, продлившаяся почти 20 лет, когда контроль за исполнение законов осуществляла прокуратура, но при этом не было правовой основы, предусматривающей юрисдикцию и процедуру такого контроля. Лишь Указом Президиума Верховного Совета ССР от 24.05.1955 г. было принято «Постановление о надзоре за прокурором СССР», в котором впервые четко определены основные функции высшего надзора во всех его государствах «Высший надзор за точным исполнением законов имеет своей задачей укрепление в СССР социалистической законности и охрану от всяких посягательств» [8].

В последующие годы организация и деятельность Прокуратуры СССР продолжали совершенствоваться. В Конституции СССР 1977 г. прокуратуре была посвящена 21 отдельная глава, а ее функции были определены как «высший надзор за точным и единообразным исполнением законов всеми министерствами, государственными комитетами и ведомствами, предприятиями, учреждениями и организациями, исполнительными и распорядительными органами местных Советов

народных депутатов, колхозами, кооперативными и иными общественными организациями, должностными лицами, а также гражданами» [9]. Полномочия прокуратуры и порядок их осуществления был установлен Законом СССР «О Прокуратуре СССР» от 30.11.1979 г.

Статья 2 Закона о Прокуратуре СССР определяла, что «Деятельность прокуратуры СССР направлена на всемерное укрепление социалистической законности и правопорядка и имеет задачей охрану от всяких посягательств» [10]. А ст. 3 закрепляла следующие основные направления деятельности прокуратуры: «надзор за исполнением законов органами государственного управления, предприятиями, учреждениями, организациями, должностными лицами и гражданами (общий надзор); надзор за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия; надзор за исполнением законов при рассмотрении дел в судах; надзор за соблюдением законов в местах содержания задержанных, в местах предварительного заключения, при исполнении наказаний и иных мер принудительного характера, назначаемых судом; борьба с нарушениями законов об охране социалистической собственности и другими нарушениями законов в сфере народного хозяйства; борьба с нарушениями законов, направленных на обеспечение прав и законных интересов граждан; борьба с преступностью и другими правонарушениями, расследование преступлений, привлечение к уголовной ответственности лиц, совершивших преступление, обеспечение неотвратимости ответственности за преступление; разработка совместно с другими государственными органами мер предупреждения преступлений и иных правонарушений; координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступлениями и иными правонарушениями; участие в совершенствовании законодательства и пропаганде советских законов» [10].

Таким образом, механизм функционирования прокуратуры функционировал как часть системы государственной деятельности в СССР и одновременно в целом по отношению к отделениям (частям) единого надзора прокуратуры.

Переломным моментом в истории развития Прокуратуры в целом и Прокуратуры СССР в частности стало выполнение постановления Верховного Совета РСФСР от 15 ноября 1991 г. «образовать на базе действующих на территории РСФСР органов прокуратуры единую систему органов прокуратуры, подчиненную Генеральному прокурору РСФСР» [11].

В соответствии с Декларацией о государственном суверенитете РСФСР и на основе Конституции РСФСР (1978 г.) Верховный Совет РСФСР сформировал единую систему правоохранительных органов на базе правоохранительных органов, действующих в республиках [12].

После распада СССР Прокуратура СССР перестала существовать как независимый государственный орган. Независимые прокуроры были учреждены в каждом из суверенных государств во главе с генеральными прокурорами.

17 января 1992 г. Верховный Совет Российской Федерации принял Закон Российской Федерации «О прокуратуре Российской Федерации» [13], который вступил в силу 18 февраля 1992 года. Одновременно Верховный Совет Российской Федерации принял постановление «О порядке установления и применения Закона Российской Федерации», «О Прокуратуре Российской Федерации». Со дня вступления в силу последнего, Закон СССР «О Прокуратуре СССР» утратил силу на территории Российской Федерации.

Согласно ст. 1 Закона о прокуратуре, «В целях обеспечения верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства прокуратура Российской Федерации осуществляет: прокурорский надзор; уголовное преследование в соответствии с полномочиями, установленными уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации; координацию деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью; возбуждение дел об административных правонарушениях и проведение административного расследования; участвуют в рассмотрении дел судами, арбитражными судами, опротестовывают противоречащие закону решения, приговоры, определения и постановления судов» [13].

Исторический анализ становления и развития функций прокурора в уголовном судопроизводстве свидетельствует о том, что, если изначально прокуратура выполняла контролирующую функцию за исполнением законодательства, то с течением времени на нее были также возложены функции по уголовному преследованию и поддержанию обвинения во всех судебных инстанциях.

Список литературы:

1. Гатауллин, З.Ф. Уголовное преследование как функция прокурора// *Законность*. – 2010. – № 2. – С. 9.

2. Машаев А.В., Толмосов В.И. Из истории возникновения «ока государева» – Российской прокуратуры // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. 2013. № 2 (14). С. 221-228.

3. Гагина Е.Ю. История развития процессуального статуса прокурора в отечественном уголовном судопроизводстве // Вестник магистратуры. 2022. № 6-3 (129). С. 67-70.

4. Декрет СНК РСФСР от 24.11.1917 «О суде» (утратил силу) // СУ РСФСР. 1917. № 4. Ст. 50.

5. Постановление ВЦИК от 28.05.1922 «Положение о прокурорском надзоре» (утратил силу) // СУ РСФСР. 1922. № 36. Ст. 424.

6. Основы судостроительства Союза ССР и союзных республик (утв. Постановлением ЦИК СССР от 29.10.1924) (утратил силу) // СЗ СССР. 1924. № 23. Ст. 203.

7. Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 20.06.1933 «Об учреждении Прокуратуры Союза ССР» (утратил силу) // СЗ СССР. 1933. № 40. Ст. 239.

8. Указ Президиума ВС СССР от 24.05.1955 «Об утверждении Положения о прокурорском надзоре в СССР» (утратил силу) // Ведомости ВС СССР. 1955. № 9. Ст. 222.

9. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята ВС СССР 07.10.1977) (утратил силу) // Ведомости ВС СССР. 1977. № 41. Ст. 617.

10. Закон СССР от 30.11.1979 № 1162-Х «О прокуратуре СССР» (утратил силу) // Ведомости ВС СССР. 1979. № 49. Ст. 843.

11. Постановление Верховного Совета РСФСР от 15 ноября 1991 г. «Об образовании единой системы органов прокуратуры РСФСР» (утратил силу) // <http://pravo.gov.ru/>

12. Декларация СНД РСФСР от 12.06.1990 № 22-1 «О государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики» (утратил силу) // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1990. № 2. Ст. 22.

13. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 20.11.1995. № 47. Ст. 4472.

© В.Г. Шарафаненко, 2023.

УДК 343.34

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ И НАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ К ТОКОВАНИЮ ПОНЯТИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Шевченко Виталий Олегович

магистрант 3 курса юридического факультета

Ростовского филиала ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

Научный руководитель: Серегина Елена Владимировна

к.ю.н., доцент, заведующая кафедрой уголовного права

Ростовского филиала ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

Аннотация: в статье анализируются, закрепленные в законодательстве и существующие в доктрине, подходы к содержанию и сущности информационной безопасности, выделяются ее значимые признаки, на основе которых определяется понятие «информационная безопасность». Рассматривая информационную безопасность применительно к уголовному праву, автор конкретизирует понятие «безопасность компьютерной информации».

Ключевые слова: безопасность, информационная безопасность, безопасность компьютерной информации, компьютерные преступления, законодательство, научные подходы.

LEGISLATIVE AND SCIENTIFIC APPROACHES TO THE INTERPRETATION OF THE CONCEPT OF INFORMATION SECURITY

Shevchenko Vitaly Olegovich

Scientific adviser: Seregina Elena Vladimirovna

Abstract: the article analyzes the approaches to the content and essence of information security enshrined in the legislation and existing in the doctrine, highlights its significant features, on the basis of which the concept of «information security» is defined. Considering information security in relation

to criminal law, the author specifies the concept of «computer information security».

Keywords: *security, information security, computer information security, computer crimes, legislation, scientific approaches.*

В современном мире безопасность отражает сложную конструкцию, включающую в себя совокупность уровней и типов, плотно соприкасающихся со структурой современного общества, а также атрибуты деления на интересы личности, общества и государства. Поэтому информационную безопасность можно рассматривать как сложный социальный феномен, несущий в себе как общегосударственную, так и гражданскую составляющую. Следует отметить слабую разработанность институционально-правовых сторон проблемы, теоретических вопросов права личности на информационную безопасность.

Учитывая, что обеспечение информационной безопасности является одним из инструментов организации нормального функционирования Российской Федерации, необходимо акцентировать внимание на существующих законодательных и научных подходах, раскрывающих ее содержание и сущность.

Понятие информационной безопасности было введено в 1990 г. парламентской комиссией, которая занималась разработкой концепции национальной безопасности страны, то она традиционно связывается с обеспечением безопасности компьютерных сетей и систем, информационно-телекоммуникационных технологий и т.п. Такой подход нередко встречается и в исследованиях уголовно-правового цикла. Как сложное и комплексное понятие, информационная безопасность анализировалась лишь отдельными учеными.

Одним из первых ученых-правоведов, фундаментально исследовавших проблему информационной безопасности, стал В. Н. Лопатин. Сформулированное им определение информационной безопасности как «состояния защищенности национальных интересов страны (жизненно важных интересов личности, общества и государства на сбалансированной основе) в информационной сфере от внутренних и внешних угроз» получило свое единственное легальное закрепление в Доктрине информационной безопасности Российской Федерации 2000 года.

Согласно Доктрине под информационной безопасностью следует понимать «состояние защищенности личности, общества и государства от

внутренних и внешних информационных угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод человека и гражданина, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальная целостность и устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации, оборона и безопасность государства» [1].

Однако ни в Доктрине, ни в работе В. Н. Лопатина не давался ответ на вопрос: каким образом достигается этот баланс. Ученый лишь отметил, что механизм определения, измерения и обеспечения такого баланса еще отсутствует [2, с. 75].

В настоящее время существуют интерпретации понятия информационной безопасности. Так, в контексте научно-технического подхода информационная безопасность связывается с защитой, как правило, информационно-телекоммуникационных систем и данных, циркулирующих в них [3, с. 15]. В рамках же социально-гуманитарной парадигмы информационную безопасность принято рассматривать как безопасность информационной среды. Вместе с тем практически в каждой из гуманитарных наук имеется свое определение информационной безопасности, адаптированное сфере его применения.

Аналогично, как и «состояние защищенности», информационную безопасность рассматривают многие исследователи. Как эффективное действие механизмов контроля и социального управления системой средств массовой коммуникации (включая глобальную компьютерную сеть) определяет информационную безопасность К. Н. Воронович. Вследствие такого воздействия возникает состояние защищенности информационно-коммуникационного пространства, обеспечивающее гармоничное развитие личности, общества и государства [4, с. 5].

Довольно интересную точку зрения о понятии «информационная безопасность» отстаивает Д. Ю. Швец, который рассматривает ее на микро и макроуровнях. Микроуровень предполагает использование механизмов контроля за соблюдением баланса равноправия и законности между личностью, обществом и государством в информационной сфере, а макроуровень – использование мер, обеспечивающих защиту личности, общества и государства от информационного манипулирования, ставящего целью оказание давления путем воздействия на общественное сознание [5, с. 7]. Данный подход наиболее полно и комплексно отражает содержание информационной безопасности. Он позволяет рассматривать информационную безопасность как системное явление, учитывая его внутреннюю и внешнюю составляющие.

Таким образом, в научной среде сформировался целый ряд позиций интерпретации информационной безопасности. Как видно, понятие «информационная безопасность» используется в различных значениях и контекстах. В ряде случаев термин видоизменяется в силу специфики того или иного взгляда автора определения, при этом присутствуют разночтения в терминологии. Данное обстоятельство негативно влияет на возможность обеспечения должного уровня информационной безопасности как государства и общества, так и личности. Ввиду этого неопределенность понятийного аппарата, отсутствие единообразия в использовании терминов представляются одной из теоретических проблем информационной безопасности. Правильная дефиниция очень важна, поскольку она позволяет наметить те рамки, в которые следует углубиться в сущность предмета и за пределы которых нельзя выходить, чтобы не допустить совершение логических ошибок. Решение данной проблемы видится в выработке единых понятий как в науке, так и в нормотворческой и правотворческой деятельности, для того чтобы избежать использования одного и того же термина с различными его дефинициями.

Информационная безопасность (англ. information security, а также InfoSec) – практика предотвращения несанкционированного доступа, использования, раскрытия, искажения, изменения, исследования, записи или уничтожения информации. Получается, что информационная безопасность – это в первую очередь защита информации и ее сохранение.

Следовательно, под информационной безопасностью понимается состояние защищенности информационной среды, при котором исключается возможность ознакомления с информацией, изменения или уничтожения ее лицами, не имеющими на это права, а также сохраняется возможность ее использования. Под защитой информации понимаются любые действия, направленные на обеспечение конфиденциальности, целостности и доступности информации. Данная дефиниция «информационная безопасность» отражает концептуальные основы национальной безопасности с учетом ее постоянства и значимости общественных отношений, в рамках которых она обеспечивается.

Применительно к уголовному праву информационная безопасность, прежде всего, есть система общественных отношений, так как в науке уголовного права объектом преступления традиционно понимаются общественные отношения, охраняемые уголовным законом. Нормы главы 28 УК РФ направлены непосредственно на охрану компьютерной безопасности, которая включает в себя специфические отношения

современности, которые появились совсем недавно, однако стремительно развиваются [6, с. 246].

Так, скорость технологического развития в обществе растет и активизирует все жизненные процессы только вперед. В связи с этим программы, связанные с искусственным интеллектом и цифровой информатизацией, постоянно совершенствуются, что в целом приведет к трансформации всей деловой и управленческой активности страны [7, с. 125]. Эти и иные обстоятельства является основной причиной, по которой компьютерные преступления считаются посягательствами на общественную безопасность.

Анализ содержащихся в главе 28 УК РФ составов преступлений позволяет сделать вывод о том, что преступлениями против информационной безопасности являются только преступления, посягающие на безопасность компьютерной информации и поддерживающей ее инфраструктуры. Конкретизируя понятие «безопасность компьютерной информации» в уголовно-правовом смысле, обратим внимание на то, что оно, являясь объектом уголовно-правовой защиты, представляет собой состояние защищенности информации, которая может являться предметом информационного обмена, храниться на жестком диске компьютера, в компьютерных сетях, на иных информационных носителях. Таким образом, безопасность компьютерной информации – это состояние ее защищенности от угроз неправомерного доступа и вредоносных компьютерных программ.

Завершая анализ законодательного и научного подходов к определению понятия «информационная безопасность» считаем необходимым отметить, что как государство в лице законодательных органов, так и научное сообщество не вполне определились с содержанием данного понятия, что является существенным недостатком деятельности общества и государства по направлению обеспечения информационной безопасности.

Итак, информационная безопасность в современных условиях приобретает все большую актуальность и значимость, является одним из приоритетных направлений обеспечения национальной безопасности, что требует теоретического осмысления основных положений данного понятия для совершенствования правоприменительной практики.

Список литературы:

1. Указ Президента РФ от 05.12.2016 №646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Справочно-правовая система «Гарант».
2. Лопатин В. Н. Информационная безопасность России: автореферат дис. ... д-ра юрид. наук. – СПб., 2000. – 46 с.
3. Чепига А. Ф. Информационная безопасность автоматизированных систем. – М.: Гелиос АРВ, 2010. – 336 с.
4. Воронович К. Н. Интернет как угроза информационной безопасности России: автореферат дис. ... канд. социол. наук. – М., 2012. – 27 с.
5. Швец Д. Ю. Информационная безопасность Российской Федерации в современных международных отношениях: автореферат дис. ... канд. социол. наук. – М., 2005. – 24 с.
6. Уголовное право. Особенная часть. Семестр II / Отв. ред. И.А. Подройкина, Е.В. Серегина, С.И. Улезько. – М.: Юрайт, 2023. – 706 с.
7. Палиева О.Н., Серегина Е.В. Значение и целесообразность использования искусственного интеллекта в ходе предварительного расследования // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2022. – №2 (141). – С. 125-129.

© В.О. Шевченко, 2023.

Научное издание

МЕЖВУЗОВСКИЙ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ ФОРУМ

**В РАМКАХ НАУЧНОГО ПРОЕКТА
«АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА»**

сборник статей

Дата проведения: 27-28 ноября 2023 г.

Редакционная коллегия:

Полтавцева Лариса Ивановна

Палиева Оксана Николаевна

Серегина Елена Владимировна

Коблева Мария Мухадиновна

Рогава Инга Георгиевна

Издается в авторской редакции

Сдано в набор 24.11.2023.

Дата подписания к использованию 11.12.2023.

Издатель: ИП Беспмятнов С.В.
346715, Ростовская обл., Аксайский р-он,
п.Янтарный, пер.Незабудковый, 6.
тел. +7 (928) 190-80-42
e-mail: bes777@yandex.ru

Гарнитура «Times».

Уч.-изд. л. 9.9.

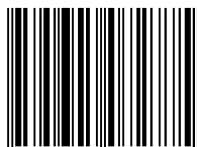
Объем данных: 3,05 Мб.

Тираж 100 CD-ROM.

Заказ № 514.

Записано CD-ROM: ИП Беспмятнов С.В.
346715, Ростовская обл., Аксайский р-он,
п.Янтарный, пер.Незабудковый, 6.
тел. +7 (928) 190-80-42
e-mail: bes777@yandex.ru

ISBN 978-5-6050727-7-5

9 785605 072775 >

ISBN 978-5-6050727-7-5

9 785605 072775 >